Преподобный

Паисий Величковский

Автобиография
Житие

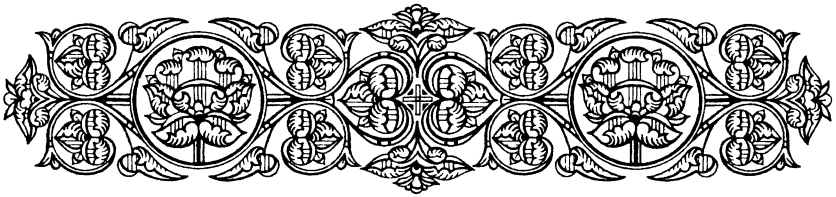
Преподобный Паисий Величковский

Автобиография
Житие

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА
2006

По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II

© Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006
Текст, макет, оформление
© Тахиаос А.-Е., 2006
Вступительная статья
© Некруткина Т. Ю., 2006
Перевод с английского вступительной статьи



От издательства

Замечательный памятник духовной литературы — автобиография преподобного старца Паисия Величковского, озаглавленная им «Повесть о святем соборе превозлюбленных о Господе отец и братий и чад моих духовных, собравшихся во имя Хрістово ко мне недостойному...» — была в течение почти 200 лет неизвестна читателю. В начале XX века русский ученый А. И. Яцимирский обнаружил ее в Библиотеке Императорской Академии наук. Вскоре после этого он сообщил о ней в своем труде «Славянские и русские рукописи румынских библиотек» и поместил небольшие отрывки из нее в своей статье «Возрождение византийско-болгарского религиозного мистицизма и славянской аскетической литературы в XVIII веке». Однако полностью опубликована она была только в 1986 году профессором Фессалоникского университета А.-Е. Тахиáосом в сборнике под названием «Возрождение византийского мистицизма среди славян и румын в XVIII веке. Тексты, относящиеся к жизни и деятельности Паисия Величковского (1722–1794)»[1]. Помимо автобиографии, составитель поместил в своем издании пространное житие

[1] Tachiaos Anthony-Emil N. The Revival of Byzantine Mysticism among Slavs and Romanians in the XVIIIth Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794). *Θεσσαλονίκη*, 1986. (*Ἀριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης. Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς Θεολογικῆς Σχολῆς* Τ. 28. *Παράρτ.* 43).

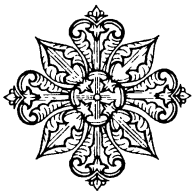
старца Паисия, составленное его учеником, схимонахом Митрофаном, которое до этого также ни разу не публиковалось. Этот агиографический памятник наряду с автобиографией представляет большой интерес в силу своей полноты, подробности в изложении событий жизни старца и большого количества сведений, не упоминаемых в более поздних печатных изданиях его жития. Основой для публикации автобиографии послужила рукопись № 13.3.26 Библиотеки Академии наук Российской Федерации, а жития, составленного схимонахом Митрофаном, — рукопись № 153(207) Нямецкого монастыря. Кроме того, А.-Е. Тахиаос включил в свой сборник факсимиле жития старца Паисия, изданного Нямецким монастырем в 1836 году, и найденные им в библиотеке Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря письма старца, адресованные иеромонаху Дорофею Вулизмасу, с ответами последнего. Эта переписка велась на греческом языке. Публикации составитель предпослал обширное введение на английском языке, посвященное вышеупомянутым сочинениям.

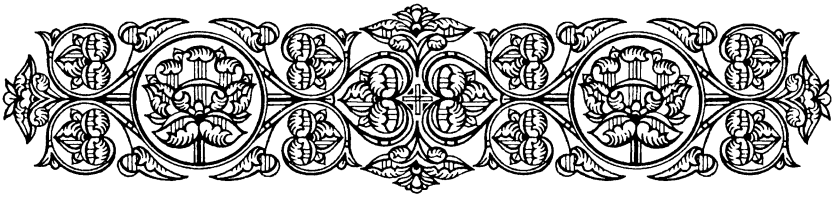
В России автобиография старца Паисия и его житие пера схимонаха Митрофана были впервые опубликованы Петром и Марией Жгун в сборнике «Прп. Паисий Величковский. Автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII–XIX вв.» в 2004 году. За основу была взята та же рукопись БАН, № 13.3.26 (в собрании А. И. Яцимирского она имеет номер 58). Славянский текст был ими воспроизведен с максимальной точностью, включая диакритические знаки, отсутствующие в издании Тахиаоса, особенности текста оговорены в подстрочных примечаниях. Житие, составленное схимонахом Митрофаном, было опубликовано по рукописи № 279 из собрания Санкт-Петербургской духовной академии, хранящейся

ныне в рукописном отделе РНБ, также славянским шрифтом.

В настоящем издании мы помещаем тексты из указанной публикации, предоставленные нам Петром и Марией Жгун. С целью сделать автобиографию и пространное житие старца Паисия доступными для самого широкого круга читателей, мы следуем примеру изданий Оптиной пустыни XIX века, заменяя славянский шрифт старой русской графикой. Тексту этих двух произведений предшествует сделанный по разрешению А.-Е. Тахиаоса перевод его статьи из издания 1986 года, сохраняющей свое научное значение и в наши дни.

Надеемся, что предлагаемая вниманию читателей книга принесет им большую духовную пользу.





А.-Е. Тахиаос

Предисловие к первому изданию автобиографии и пространного жития преподобного Паисия Величковского

Когда Паисий Величковский оставил этот мир 15 ноября 1794 года, монахи, чьим духовным пастырем являлся преподобный[1], почитали его за наставника чрезвычайной духовной силы, старца, руководителя монашеской жизни. После смерти святого память о нем жила среди них; время не только не стерло ее, но лишь укрепило через скорбь по почившему старцу. Новоприходящим монахам, которые постоянно присоединялись к братии Нямецкого монастыря, монастырей в Драгомирне и Секуле, не посчастливилось видеть Паисия при жизни, но, безусловно, они жаждали открыть для себя его жизнь и труды и, прежде всего, путь его духовного делания, аскетических подвигов, которые могли бы слу-

[1] Уже к концу жизни старца Паисия только в Нямецком монастыре жили около 700 монахов. См.: Четвериков С. Молдавский старец схиархимандрит Паисий Величковский. Его жизнь, труды и влияние на православное монашество. I. Печери, 1938. С. 117. В жизнеописании преп. Никодима Святогорца упоминается, что старец Паисий являлся духовным наставником более 1000 монахов. См.: Βιλάλης Ν. Ὁ πρωτότυπος Βίος ἁγίου Νικοδήμου Ἁγιορείτου (1749-1809). Ἀθῆναι, 1983. Σ. 22.

жить им самим в качестве образца для подражания. Не только новоначальные, но и многие старые монахи не могли близко наблюдать жизнь старца и, соответственно, мало знали о ней. Немногие подвижники из братии преподобного Паисия были близки к авве, вместе трудились с ним над переводами отеческих книг или жили с ним во времена, когда им была основана его первая монашеская община на горе Афон. Однако именно благодаря воспоминаниям этих немногих монахов разрозненные фрагменты складываются в картину, дающую полное представление о личности и жизненном пути великого подвижника. По прошествии лет нужда в воссоединении этих фрагментов только росла, и именно эта острая необходимость стала причиной создания жизнеописания старца Паисия. Страх, что со смертью свидетелей жизни старца исчезнут и драгоценные воспоминания о ней, торопил скорее приступить к делу.

История составления жизнеописания, несомненно, зависела еще от одной особенности монашеской общины преподобного Паисия. Среди монахов были и славяне, и румыны, и те и другие желали, чтобы биография была составлена на их языке. Конечно, многочисленная братия преподобного Паисия состояла не только из славян и румын, но и монахов других национальностей; несомненно, среди них было много греков[1]. Однако linguae

[1] В рукописи № 56 библиотеки Московского Симонова монастыря, которая датируется 1841–1848 гг., говорится, что в Нямецком монастыре жили монахи около десяти национальностей: молдаване, сербы, болгары, венгры, греки, евреи, армяне, турки, великороссы и малороссы. См.: Попов Н. Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Вып. 2. Собрание рукописей Московского Симонова монастыря // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1910. С. 87.

francae были славянский и румынский. Уже к концу жизни преподобного Паисия основным языком общения монахов стал румынский[1]. Духовное совершенство старца, обретенное им через неустанный аскетический подвиг и стяжание добродетелей, полностью освободило его от национальной ограниченности. Подобно средневековым исихастам[2], он поднялся над этническими различиями и был общим отцом одинаково для всех и каждого[3].

Историю составления разных вариантов жизнеописания старца мы находим в предисловиях к текстам на славянском языке, появившимся в 1836 году в Нямецком монастыре и в 1847 году в Оптиной пустыни. Судя по этим предисловиям, житие преподобного Паисия со-

---

[1] В главе XV «Правил», написанных преподобным Паисием в 1763 году для монастыря в Драгомирне, сказано: «Поскольку наша община состоит из монахов трех национальностей, то игумену положено знать три языка: греческий, славянский и молдавский. Если же ему невозможно знать все три, то хотя бы два, молдавский и славянский, знать он должен». См.: Яцимирский А.И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек (= Сборник отделения русского языка и словесности LXXIX). СПб., 1905. С. 538. Эта запись свидетельствует о том, что в последние годы Паисий отдавал предпочтение румынскому языку.

[2] Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. Т. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898. С. 354–367. Ταχιάος А.-Е. Ἡσυχαστικαὶ ἐπιδράσεις εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν πολιτικὴν ἐν Ρωσίᾳ 1328-1406. Θεσσαλονίκη, 1962. Σ. 91-102.

[3] В румынском издании жития Паисия Величковского, появившемся в 1817 г. в Нямецком монастыре, в связи с этим читаем: «Ибо Господень апостол говорит верным: *"Несть иудей, ни эллин, несть раб, ни свободь, несть мужеский пол, ни женский*, но все вы едино *о Хрісте Иисусе"*. Так и у преподобного не было молдаванина и малоросса, не было румына и москаля, не было грека и болгарина, но все были едины, как сыны его святости, будучи сынами послушания».

здавалось следующим образом. Более 20 лет спустя после кончины старца у братии Нямецкого монастыря родилось желание составить житие основателя обители. Для этой цели был выбран монах Митрофан, имевший в сравнении с другими два важнейших преимущества: он был не только одним из первых учеников преподобного Паисия, но и опытным переписчиком рукописей и при этом хорошо разбирался в грамматике славянского языка. Митрофан с любовью принялся за дело и сумел составить первый вариант жития своего наставника. К несчастью, преклонный возраст и ухудшающееся зрение помешали ему отредактировать черновик. Вскоре после завершения работы над первым вариантом жития преподобного Паисия Митрофан скончался.

С кончиной Митрофана работа над составлением жития была прервана до тех пор, пока монах Исаак по просьбе других братий не возобновил ее и не переписал житие заново. Поскольку Исаак был родом из Румынии, то на сей раз текст был написан на румынском языке и, кроме того, расходился по содержанию с трудом Митрофана. Как и его предшественник, Исаак скончался, не успев отредактировать второй, исправленный вариант жития. Братия монастыря, румыны по происхождению, боялись, что текст Исаака постигнет та же судьба, что и житие, составленное Митрофаном, и он останется неисправленным, поэтому обратились к ученому дьякону Григорию, будущему митрополиту Угро-Валашскому (1823–1834)[1], с просьбой пересмотреть и сократить слишком длинное повествование. Вняв прось-

[1] Об этом известном лице и его широкой и разнообразной духовной и культурной деятельности см.: G. Moisescu, Ş. Lupşa, A. Filipaşcu. Istoria Bisericii Romîne. II. Bucureşti, 1957. P. 403–424 (включая библиографию).

бам братии, Григорий в конце концов составил краткое житие, назвав его «Повесть вкратце от жития блаженнаго отца нашего Паисия»[1]. Текст ее был представлен на рассмотрение митрополиту Молдавскому Вениамину Костахи и господарю Скарлату Калимаху. Публикация текста была ими разрешена, и житие было напечатано в типографии Нямецкого монастыря в 1817 году. Похоже, что расхождение опубликованного текста и труда Митрофана вызвало некоторое недовольство среди монахов-славян, которые считали, что поскольку духовный отец и основатель их монастыря был пастырем одинаково и для монахов-славян и для монахов-румын, то и житие его должно быть одним и тем же и на румынском, и на славянском языке. Общее собрание братии одобрило это мнение, и монаху Платону, который трудился вместе с преподобным Паисием в качестве переписчика, было поручено составить новое житие на основе текстов Исаака и Митрофана. Платон выполнил порученное ему дело, и конечный вариант жития был напечатан на двух языках в типографии Нямецкого монастыря в 1836 году с предисловием игумена монастыря, архимандрита Мардария. Это житие получило большую популярность и быстро разошлось. Потребовалась допечатка. Однако переиздать житие 1836 года не представлялось возможным по двум основным причинам: во-первых, церковнославянские буквы становились все менее привычными для широкого круга читателей, во-вторых, число монахов-славян, принадлежавших школе старца Паисия, в

[1] Povestire din parte a vieţii Prea Cuviosului Părintelui nostru Paisie. Это житие упоминается в прим. 3 на с. 8. Подробнее об этом труде см.: Hodoş N., Simonescu D. Bibliografia românească veche 1508–1830. T. III: 1809–1830. Bucureşti, 1912–1936. Neudr.: Kraus Reprint Ltd. Nendeln; Liechtenstein, 1968. № 930. S. 178–181.

Румынии быстро сократилось[1]. Поэтому переиздание жития только на славянском языке стало возможным лишь в 1847 году, через 11 лет после первого издания. Оно было выпущено в свет в России монастырем Оптина пустынь[2]. Вернее, житие было напечатано еще в 1845 году, в 12-м выпуске «Москвитянина», под редакцией русского мыслителя И. В. Киреевского. Успех опубликованного в нем жития преподобного Паисия привел к тому, что два года спустя уже Оптиной пустынью было выпущено отдельное издание жития[3]. Оно оказалось столь популярным, что не прошло и года, как понадобилось новое издание. Житие преподобного Паисия в нем было дополнено рядом других трудов, принадлежащих перу самого Паисия, а также старца Василия Поляномерульского и других авторов круга старца Паисия. Оно было переиздано в таком виде в 1892 году, а затем в 1902 году. Это житие представляло собой переработанную версию текста 1836 года, изданного Нямецким мо-

---

[1] Подробнее об этом упадке сказано в трудах: А.И. Яцимирский. Возрождение религиозного византийско-болгарского мистицизма и славянской аскетической литературы в XVIII веке // Почесть. Сборник статей, посвященных проф. М.С. Дринову. Харьков, 1908. С. 201–203. *Ταχιάος* А.-Е. *Ὁ Παΐσιος Βελιτσκόφσκι* (1722-1794) *καὶ ἡ ἀσκητικοφιλολογικὴ σχολή του. Θεσσαλονίκη*, 1964. Σ. 119-130.

[2] Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Издание второе, исправленное и дополненное, оной пустыни и[еромонахом] Л[еонидом]. СПб, 1962.

[3] И[еромонах] Л[еонид]. Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария. М., 1861. С. 162–163. А[рхимандрит] Н[икодим]. Старцы: отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность. Москва, 1909. С. 32–33, 39–40, 80–81. Четвериков С. Оптина Пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926. С. 107–108. В этом издании жития Величковского часто встречаются прямые и косвенные ссылки на письма Н.П. Киреевской к старцу Макарию, которые приведены на с. 144–155 в книге Четверикова.

пастырем, и было напечатано с использованием гражданского шрифта.

Житие преподобного Паисия стало известно во многом благодаря изданию Оптиной пустыни. Даже несмотря на сухое изложение, книга приобрела большую популярность. Русский славист А. И. Яцимирский в своем фундаментальном труде «Славянские и русские рукописи румынских библиотек», опубликованном в 1906 году, посвятил обширный раздел славянским рукописям, принадлежащим перу преподобного Паисия и его учеников, а также дал подробное описание жизни и трудов старца[1]. В своей книге Яцимирский сообщает, что в Библиотеке Императорской Академии наук ему удалось обнаружить до тех пор не известную рукопись с автобиографией преподобного Паисия. Автор подробно ее пересказывает, приводя из нее отрывки (с. 516–527)[2]. Как мы увидим дальше, три составителя жития преподобного Паисия — Митрофан, Исаак и Григорий — знали о существовании этой автобиографии, но до обнаружения Яцимирским рукописи никто о ней не упоминал. Тем не менее автобиография преподобного Паисия, безусловно, является важнейшим биографическим источником.

Автобиография преподобного Паисия

Яцимирский был полностью прав, написав, что автор текста, изданного в Нямецком монастыре в 1839 году, Григорий, «обезличил фигуру замечательного стар-

---

[1] Яцимирский А.И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. С. 515–583.

[2] Этот отрывок из книги Яцимирского об автобиографии Паисия был переведен на румынский язык Штефаном Беречетом и издан им в виде отдельной небольшой книги: Autobiografia starețului Paisie Velicikovskii. Iaşi, 1918. P. I – VII + 1–27.

ца и из живого и симпатичного человека дал какой-то абстрактный образ сухого подвижника со всеми книжными и строго каноническими чертами»[1]. В издании Оптиной пустыни эти черты были еще более размытыми и сухими, в то время как в тексте самого преподобного Паисия мы видим совершенно иного человека.

Автобиография Паисия Величковского была найдена в рукописи № 13.3.26 Библиотеки Императорской Академии наук, теперь бывшей Академии наук СССР, архив № 58 (собрание Яцимирского). Первоначально рукопись принадлежала священнику Феофилу Гепецкому, затем попала в руки Яцимирского, который в свою очередь передал ее Библиотеке Академии наук[2].

Рукопись содержит не только автобиографию Паисия Величковского, но также ряд других трудов, которые, возможно, принадлежат его школе[3]. Сама автобиография занимает листы 1–113 (об.) и написана рукой одного человека, хотя длина строк и их количество на странице нерегулярны. Не вызывает сомнений то, что текст был написан не рукой преподобного. Наверху каждой страницы присутствует надпись: **Повѣсть блаженнаго отца нашегѡ старца Паисїа**, выполненная тем же почерком, что

---

[1] Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи... С. 516.

[2] Сам А.И. Яцимирский в своей книге «Славянские и русские рукописи румынских библиотек» говорит о том, что рукопись принадлежала собранию Гепецкого (С. 516, сноска 1). Однако в библиотеке, где сейчас находится автобиография, рукопись значится как ранее принадлежавшая собранию А. Яцимирского. Подробнее о последней см.: Бельчиков Н. Ф., Бегунов Ю. К., Рождественский Н. П. Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.–Л., 1963. С. 76, 89.

[3] Над второй частью рукописи (л. 115–145) трудились, по крайней мере, четыре разных человека. Она включает: толкование на «Господи, помилуй» (л. 115–120); чин принятия раскольников в православную веру (л. 121–138), переписанный из книги 1742 г.; короткие главы из Патерика (139–142); отрывок из похвалы монаха и пресвитера Григория всем святым (л. 142 об.–145).

и основной текст. Несомненно, с этим трудом связано немало загадок, самая главная из них касается того факта, что автобиография не пользовалась популярностью, в отличие от пережившего несколько переизданий жития, которое, как мы увидим, сохранилось в нескольких рукописях. Несомненно, для будущих поколений читателей гораздо интереснее был бы текст, написанный самим старцем о своем жизненном пути, душевной борьбе, чувствах, чем сухой, блеклый текст жития, составленного монахом Григорием. Не вызывает сомнений, что эта автобиография написана самим старцем. Живость и душевность языка, многочисленные подробности из личной жизни преподобного, раскрытые тайные мысли и переживания, которые, по-видимому, не мог знать никто из окружавших Паисия, исключают малейшую возможность того, что авторство неподлинно. В этом не возникает ни малейших сомнений. Однако под вопросом остается, почему до настоящего времени сохранилась лишь одна копия[1], тогда как школа Паисия Величковского дала десятки превосходных переписчиков и можно было ожидать существования нескольких экземпляров. Это странное положение вещей, наверное, могут объяснить две причины: одна практическая, другая теоретическая.

Мы знаем, что в работе над составлением жизнеописания преподобного монах Митрофан мог пользоваться автобиографией старца, поэтому часто к ней прибегал. Несмоненно, он держал ее у себя, и после его смерти рукопись перешла к Исааку, который также не замедлил ею воспользоваться. Таким образом, поскольку автобиография являлась важнейшим источником информации для составления жизнеописания, то переписать ее не представлялось возможным долгое время. Прини-

[1] В недавнее время исследовательница В. Пелин заявила о находке автографа «Автобиографии» и о вероятной последующей публикации. — *П. Жгун.*

мая во внимание, что преподобный скончался в 1794 году, а окончательный вариант его жития вышел в свет в 1836 году, мы приходим к выводу, что автобиография оставалась неизвестной для широкого круга читателей 42 года — почти полвека. Сохранившаяся копия, должно быть, появилась в 20-х годах XIX столетия, в то время, когда был напечатан текст монаха Исаака на румынском языке. Однако и эта копия, по-видимому, создавалась как подспорье в подготовке биографии преподобного Паисия, а не для чтения как отдельный труд.

Вторая, теоретическая причина заключается в отсутствии интереса к такому виду текстов в монашеских общинах Драгомирны и Нямца. Автобиография — труд целиком личного характера. Кроме того, она не охватывает полностью жизнь автора. Монашеской братии требовался краткий текст с равномерно распределенным материалом, со структурой синаксаря. Такие тексты общего содержания, без деталей, испещренные красочными выражениями и эпитетами, характерными для синаксаря, использовались для литургических и иных целей, к примеру, читались во время богослужения или за монастырской трапезой. Растянутая и полная подробностей автобиография, будучи незавершенным и полным деталей эмоциональным повествованием, не соответствовала принципам составления синаксаря и, таким образом, не годилась для основных нужд монастыря. Поэтому этот жанр и был невостребован.

Автобиография Паисия Величковского — в своем роде уникальное произведение славянской православной литературы конца XVIII века. Безусловно, XVIII век — эпоха расцвета этого литературного жанра, особенно на Западе[1]. Славянскому православному миру он

[1] См.: Hubatsch W. Biographie und Autobiographie — Das Problem von Quelle und Darstellung // XIII internationaler Kongress der historischen Wissenschaften. Moskau, 1970.

был известен[1], но в это время, несомненно, развивался по своему пути[2]. Два современника старца Паисия, епископ Парфений Павлович и Досифей Обрадович, оба из Сербии (правда, первый из них на самом деле являлся выходцем из Болгарии), написали автобиографии, в которых отчетливо прослеживается влияние западных литературных традиций. Автобиография Павловича охватывает период его жизни с 1746 по 1757 год и отчасти напоминает дневник[3]. Обрадович писал свой труд с определенной целью, стремясь оправдать свое обращение к идеалам Просвещения и защитить собственные прогрессивные идеи[4]. Его автобиография делится на две части. Первая, охватывающая период его жизни по 1760 год, была опубликована в Лейпциге в 1783 году. Вторая охватывает период с 1760 по 1788 год и, в отличие от предыдущей, написанной в повествовательной форме,

---

[1] За сто лет до Паисия знаменитый протопоп Аввакум написал свою биографию, представляющую собой обширный богословский и полемический труд. См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общей редакцией Н.К. Гудзия. М., 1959. С. 31, и далее. (Предисловие В.Е. Гусева.)

[2] Tachiaos A.-E. L'Autobiographie en tant que genre littéraire de la littérature balkanique slave du XVIIIème siècle // *Ἀριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης. Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς Θεολογικῆς Σχολῆς.* 19. 1975. Σ. 429-437. Боева Л. Развитие жанров в русской и болгарской литературах XVII и XVIII вв. София, 1983. С.122–136.

[3] Опубликован Б. С. Ангеловым в: Ангелов. Б. С. Савременици на Паисий. II. София, 1964. С. 5–59. Ср.: Boiadjiev P. Chronologie de la vie et de l'Autobiographie de Partenij Pavlovič // Bulletin de l'Assosiation Internationale pour l'étude du sud-est européen. XIII-XIV. 1975–1976. P. 73–92. Он же. Партений Павлович. Балкански културни взаимоотношения. София, 1980. (= Studia balcanica. 15.) С. 56–80. Велчев В. Проблемата за образа на повествователя в Автобиографията на Партений Павлович // Език и литература. XXXVI/2. 1981. С. 50–60.

[4] Tachiaos A.-E. L'Autobiographie en tant que genre littéraire... P. 431, 435.

представлена в эпистолярном жанре[1]. Разница между двумя жизнеописаниями заключается в том, что труд Обрадовича имеет яркую идеологическую направленность и, в сущности, является декларацией взглядов и убеждений автора. С хронологической точки зрения, автобиография преподобного Паисия была третьим по счету произведением этого жанра в славянской православной литературе XVIII столетия, что является прецедентом. За этими тремя трудами последовала автобиография болгарского епископа Софрония Врачанского[2].

В предисловии к своей автобиграфии преподобный Паисий объясняет причину се написания. Жизнь его подходила к концу, и святой понимал, что «всякая вещъ, писанію не предаемая, всесовершенному предаваема бываетъ забвенію». Только поэтому авва решился написать повествование о своем жизненном пути и передать его монахам в письменной форме. Тем не менее, опасаясь обвинений в том, что истинной причиной написания автобиографии стали его личные амбиции, ста-

---

[1] Самое последнее издание всей автобиографии находится в собрании его сочинений: Доситеј Обрадовић. Сабрана дела / Изд. Dj. Гавела. Т. I. Београд, 1961. С. 73–168, 171–284. Детальный анализ автобиографии Обрадовича и его взглядов проводит М. Костич в своем фундаментальном труде: Костић М. Доситеј Обрадовић у историјској перспективи XVIII–XIX века. Београд, 1952. (= Српска Академија Наука. Посебна издања. Књ. СХС. Историјски Институт. Књ. 2).

[2] Автобиография Софрония была опубликована А. Теодоровым-Балан: Софроний Врачански. За стогодишнината на новата българска печатна книга (1806–1906). София, 1906. (= Българска библиотека. Брой. 8). С. 1–39. Существует и более современное издание Н.М. Дылевского и А.Н. Робинсона: Софроний Врачанский. Жизнеописание. Л., 1976. Ср.: Sofroni Vrachanski. Vie et tribulations du pécheur Sofroni // Introduction, traduction et notes établies par Jack Feuillet. Sofia, 1981. Ср.: Лихачов Д. С. Автобиографиите на Софроний Врачански и Авакум Петров (опит да се обяснят техните различия) // Литературна мисал. 1978/10. С. 89–85.

рец Паисий ясно дает понять, что им двигали исключительно духовные побуждения. В первую очередь, ему хотелось рассказать монахам об истории создания своей монашеской общины, о «ее истоках». И поскольку он сам стоял у ее истоков, то должен был поведать о себе в своем труде. Во-вторых, им двигало желание передать подлинные факты из собственной жизни и защитить круг своих учеников от злонамеренного искажения правды и клеветы со стороны еретиков[1].

По-видимому, Паисий Величковский изначально хотел написать подробную и объемную автобиографию, чему помешала его кончина. Труд, им оставленный, охватывает период длительностью в 24 года, с его рождения до того момента, когда им овладело твердое желание уйти на гору Афон, то есть с 1722 по 1746 год. Если принять во внимание количество страниц, посвященных этим 24 годам, то сколько святой посвятил бы остальным 48 своей жизни! В повествовании нет и следа поспешности или стремления его сократить; напротив, автор сосредотачивает внимание на незначительных деталях, что время от времени приводит в восхищение читателя.

Язык повествования абсолютно естествен и не обнаруживает каких-либо следов постороннего влияния. Часто в нем сквозит детская наивность и непроизвольная порывистость, что не только оживляет текст, но и делает его весьма убедительным и оставляющим глубокое впечатление. По автобиографии мы составляем истинный портрет ее автора. Его правдивость вместе с искренним желанием открыться читателю пронизывает весь текст с начала до конца и подчеркивает характерные черты его личности. Автор вспоминает слабость

---

[1] Паисий опасался клеветы и подозрений от недоброжелателей, сомневавшихся в искренности его веры, с одной стороны, так как в жилах его матери текла еврейская кровь, а с другой стороны, так как, будучи малороссом, он мог происходить из семьи униатов.

своего характера, детские страхи, внутреннюю борьбу и чувствительность. Он свободно говорит о своей неповоротливости, недостатке практических навыков, и много раз упоминает об отсутствии у себя осторожности и благоразумия в духовной жизни, которые являются одними из главных монашеских добродетелей. Эта автобиография, написанная им уже в преклонном возрасте, рисует нам истинное лицо святого, лишившего себя перед читателем идеализированного образа, который создается славой и всеобщим признанием. Однако самоуничижение указывает на невероятную духовную силу подвижника и величие его души. Благодаря самообличению автора мы видим преподобного совершенно иным, нежели в сухом издании Оптинского монастыря. Перед нами является естественная духовная красота, красота, олицетворяющая правду[1].

Безусловно, автобиография была задумана и как образец для подражания монахов. В ней отчетливо прослеживается дидактический элемент, однако эффект на-

---

[1] Короткое, но весьма интересное описание внешности Паисия находим у Константина Караджи, который был в гостях у преподобного в 1780 году. «Тогда-то я и узрел неприкрытое воплощение добродетели, скромности и простоты. Черты его были невероятно изящны, цвет лица ровный и белый, седая борода его сияла чистотой, облачение было безупречно и опрятно, как и толстые шерстяные пледы, укрывавшие кресла и кушетки в его комнате. Речь его была крайне сладостна и нелицемерна. И казалось мне, что рядом со мной не человек, но неземное создание». (Papadopoulos-Kerameus A. Texte greceşti privitoare la istoria româneasca. Bucureşti, 1909. P.109 (=E. de Hurmuzaki, Documente privitoare la istoria Romanilor. XIII). Ср.: Suttner E. Chr. Paisij Veličkovskij im Spiegel des geistlichen Testaments seines Schülers Georghe de la Cernica // Ostkirchlichen Studien. 22. 1973. S. 184–189. Idem. Beitrage zur Kirchengeschichte der Rumänen. Vienna-Munich, 1978. S. 278–283. Что касается внешности преподобного, см.: Racoveanu G. Gravura în lemn la Manastirea Neamțul. Bucureşti, 1940. (XIV, XV). Costescu E. L'art roumain et l'art bulgare aux XVIIIème et XIXème siecle // Revue des études sud-est européennes. VIII. 1970. P. 61–63.

ставления достигается через самоуничижение автора. Может быть, как раз для дидактической цели, в своем труде преподобный Паисий несколько преувеличивает свои духовные испытания. Однако это могло быть и просто данью моде в автобиографическом жанре того времени. Во всяком случае, такой суровый подвижник, как старец Паисий, не мог переступить через внутреннюю преграду, так как для него превозношение в принципе было недопустимо. И уж если в тексте и встречается нечто подобное, то причина на то может быть только объективной, но никак не субъективной. Эта объективная причина, должно быть, связана с положением старца Паисия как духовного пастыря и наставника весьма обширной монашеской общины. С тех пор как эта община признала его своим создателем и духовным руководителем, членам ее необходимо было знать все подробности его жизни, обучаться на примере внутренних и внешних подвигов учителя, которые монахи еще не совершили. Преподобный Паисий считал, что, основывая монашескую общину, он выполняет повеление Господа. Воля Божия жила в нем с самого его рождения, и действием ее уже на ранних жизненных этапах святого стали скорби и выбор монашеского пути в юности. Следовательно, поскольку жизнь монахов Секульского, Драгомирнского и Нямецкого монастырей была тесно связана со старцем Паисием и его жизненным путем, то, посвятив себя духовным чадам, ради них преподобный написал свою автобиографию. Только ради этого, ради духовных нужд монахов, преподобный мог составить свое жизнеописание. В этом и заключается различие между трудом старца Паисия и произведениями его современников.

Преподобный Паисий уже ощущал бремя прожитых лет к тому времени, когда приступил к работе над автобиографией. Это видно из его же слов: «видя азъ себе уже къ концу жизни моея приближающася». Об этом же

свидетельствуют и сентиментальные нотки в повествовании. Уже в преклонном возрасте он с печалью вспоминает детские и юношеские годы, передавая далекие события и происшествия с поразительной ясностью и в мельчайших деталях. Тщательность при описании молодых лет, по-видимому, объясняет, почему автобиография не была им закончена. Если бы Паисий менее подробно останавливался на событиях начала своей жизни, повествование могло бы охватить и поздние годы, известные его активной духовной деятельностью. Но и в настоящем виде автобиография старца крайне ценна как исторический документ по истории русского монашества первых десятилетий XVIII века. Сведения, которые можно найти в житиях русских святых и в монастырских типиконах об атмосфере русских монастырей и жизненных условиях монахов, весьма достоверно представлены в тексте преподобного Паисия Величковского.

Житие, составленное монахом Митрофаном

В то время как автобиография преподобного Паисия дошла до наших дней только в одном экземпляре, житие его, составленное монахом Митрофаном, очевидно, было весьма хорошо известно, несмотря на то, что ни разу не было напечатано в оригинале. Его популярность подтверждается наличием по крайней мере четырех сохранившихся копий[1], две из которых хранятся в

[1] Во всяком случае, столько рукописей я сумел отыскать и изучить. Известно, что существует еще 2 варианта составленной Митрофаном биографии преподобного. Одна, без номера, принадлежала когда-то Секульскому монастырю, вторая же, под номером 279, — Санкт-Петербургской духовной академии. См.: Четвериков С. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение, и влияние на православное монашество. Париж. С. 287–288. Ср. английское издание: Chetverikov S. Starets Paisii Velichkovskii. His Life, Teachings, and Influence on Orthodox Monasticism / Transl. by V. Lickwar, A. I. Lisenko. Belmont, Mass., 1980. P. 323–324.

библиотеке Нямецкого монастыря и еще две — в монастырских библиотеках на горе Афон: в скиту Святого пророка Илии и монастыре Хиландар. О скитской рукописи мало что известно, ее описание не встречается ни в одном печатном источнике. Ей присвоен номер 234/IX/21–105, она датируется началом XIX века, а ее размеры — 225 x 175 мм. Рукопись отличается характерными чертами, типичными для стиля переписчиков Нямецкого монастыря, и поэтому ее содержание стоит рассмотреть более подробно. Она неоднородна и состоит из трех чистых листов, добавленных переплетчиком, 24-х листов, пронумерованных вместо цифр буквами церковнославянского алфавита, и 150-ти листов, пронумерованных арабскими цифрами. Иными словами, манускрипт состоит всего из 175-ти листов, на которые я буду ссылаться, используя арабские цифры и не принимая во внимание церковнославянскую нумерацию. Листы 29 и 30 отсутствуют. Вплоть до листа 140 бумага белого цвета, все остальные листы голубовато-серые. На первом чистом листе есть следующая пометка: **Книга, посланїе ко іерею Димитрїю: Архим[андрита] Паѵсїа Величковскаго, и житїе его. Книга Ильинскаго скита** 1767 **года.** На третьем чистом листе помечено: **Сїѧ книжница дана ѡтъ Свѧтовознесенскаго монастирѧ Нѧмца во свѧтѹю Ѧѳонскѹю горѹ, въ скитъ свѧтагѡ Пророка Илїи.** Таким образом, нам становится известно, что рукопись была подарена Нямецким монастырем скиту Святого пророка Илии. Особое внимание привлекает дата: 1767 год. Учитывая, что рукопись с житием преподобного Паисия, написанная рукой Митрофана, появилась не ранее 1814 года, время, указанное неизвестным монахом, неверно. Возможно, дата была приписана библиотекарем скита, который совершил ошибку в подсчетах. Нельзя забывать, что в 1767 году преподобный еще не прибыл в Нямецкий монастырь, а обосновался в нем только в августе 1779.

Содержание рукописи следующее:

Лист 1а: Авраамскихъ дѣлъ подражателю, заповѣдей Божїихъ оусердномꙋ дѣлателю, своемꙋ вседражайшемꙋ дрꙋгꙋ, господинꙋ отцꙋ Димитрїю иерею, ѡ Господѣ радоватисѧ.

Начало: Ѡ имени Господа нашего Іисꙋса Хрїста...

Конец: ...спасенїѧ желающїй дрꙋгъ. Конецъ и Богꙋ слава.

Этот текст был опубликован в книге «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского» (Оптина, 1847. С. 238–259).

Лист 25: Глава .Д. ѡ свѧтомъ Григорїи Синаитѣ.

Ѡ свѧтомъ же Григорїи Синаитѣ еже пишеши ко мнѣ глаголѧ: ꙗкѡ совокꙋпихсѧ со отцы иже читаютъ свѧтагѡ Григорїѧ Синаита, но и они по ѡбычаю Свѧтыѧ горы послѣдꙋютъ, ꙗкѡ свѧтый Григорїй оучитъ, пꙋти спасенїю ꙗкоже егѡ просвети Богъ, но не поꙋчаетъ да не читаютъ правила церковнагѡ, и прѡчаѧ.

Начало: Ѡтвѣчаю к' тебѣ такѡ, слѣпецъ никогда же...

Конец: ...елико возможно тебѣ ѡб'ѧвихъ.

Лист 28: Поꙋченїе на постриженїе монашескагѡ чина: какѡ должни сꙋть воевати всегда противꙋ трїехъ врагѡвъ.

Начало: Ꙗкоже вѡини міра сегѡ сходѧщи ко брани...

Конец: ...или что дастъ измѣнꙋ дꙋшꙋ свою.

Лист 34: Часть втораѧ. Ѡ началѣ иноческомъ и что знаменꙋетъ инокъ.

Начало: Инокъ есть исполнитель всѣхъ заповѣдей Хрїстовыхъ.

Конец: ...со Отцемъ и Дꙋхомъ Свѧтымъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкѡвъ. Аминь.

Лист 41: Месѧца ноемврїа в .еі. день. Жїтїе и подвиги блаженнагѡ отца нашегѡ старца Паисїа, бѣжанїе ѡтъ міра, странствїѧ егѡ, собранїе къ немꙋ братїи, и сожитїе съ ними.

Начало: Еже оубѡ благыѧ мꙋжы похвалѧти, и вѣнцы имъ плести...

Конец: ...нынѣ и присно и во вѣки вѣкѡвъ, аминь.

Лист 171 об.: Престависѧ блаженный отецъ нашъ, ѯаѱчд года, ноемврїа .еі.

Лист 172: Надгробное рыданіе старцꙋ Паисію ѡтъ всѣхъ чадъ егѡ дꙋховныхъ.

Начало: Образъ лица твоегѡ Паисіе чꙋдній...

Конец: ...да внидемъ въ радость вѣчнꙋ предстатель намъ бꙋди. Аминь.

Этот метрический текст, включающий 11 стихов, является сочинением Иоанна Дьяковского и был впервые напечатан в Нямецком монастыре вместе с житием преподобного Паисия в 1836 году (листы 46 об. — 48). Он же был опубликован позже славистом А. И. Яцимирским в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1899(II), с. 12–13).

Вторая рукопись, содержащая житие преподобного, составленное монахом Митрофаном, находится в монастыре Хиландар на Афоне и помечена номером 290[1]. Ее появление датируется концом XVIII века. Житие занимает все 114 листов рукописи. Она озаглавлена так же, как и манускрипт из скита Святого пророка Илии. На последнем, 114-м листе рукописи найдена пометка: Тѣло блаженнаго старца Паисіа погребено въ Молдавіи, въ монастирѣ въ Нямцѣ, въ великой соборной церквѣ Вознесенія Господня на мѣсной странѣ гробъ его покрытъ мраморнымъ камнемъ.

Далее на трех отдельно пронумерованных листах содержатся стихи Ефрема Дьяковского с последующей пометкой: Сочинены иеромонахомъ Ефремомъ Діаковскимъ, въ схимѣ пренменованномъ Іоаннъ, мꙋжъ сей бѧше высокаго ꙋченіѧ, и Богословіи не краемъ перста коснꙋвыйсѧ, былъ и проповѣдникомъ свѧтыѧ Софіи в Кіевѣ. Который по четырехъ месѧцѣхъ послѣ старца Паисіа и престависѧ в' томже монастырѣ Нѧмцѣ в' Молдавіи. ҂Аѱчд года.

Эти две пометки ясно указывают на то, что текст был написан в Нямецком монастыре (впрочем, об этом свидетельствуют и особенности почерка), но предназна-

[1] Богдановић Д. Каталог ћирилских рукописа Манастира Хиландара. Београд, 1978. С.127.

чался для отправки в другое место. По ним же мы делаем вывод, что преподобный Паисий и Дьяковский жили и трудились вместе. Не возникает сомнений, что оба текста, из скита Святого пророка Илии и монастыря Хиландар, были списаны с жития, хранящегося в Нямецком монастыре.

Оригинальный текст жития преподобного Паисия, составленного Митрофаном, сохранился в двух рукописях, находящихся в Нямецком монастыре. Их краткое описание было составлено А.И. Яцимирским в труде «Славянские и русские рукописи румынских библиотек»[1]. В старом монастырском рукописном справочнике эти манускрипты помечены номерами 153 и 156, в наши дни их номера — 207 и 212[2]. Прежде чем перейти к рас-

---

[1] Яцимирский А. Славянские и русские рукописи... С. 561, 562.

[2] При нумерации рукописей Нямецкого монастыря каталог слависта Яцимирского и более ранние учетные записи не принимались во внимание. Следовательно, можно полагаться лишь на немногие ссылки к другим манускриптам, описание которых встречаем у Яцимирского. Большинство древнейших монастырских рукописей были переданы Румынской Академии наук в Бухарест и могут быть упомянуты в каталоге П. Панайтеску: Panaitescu P. P. Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR. T. I. Bucureşti, 1959. Большая часть оставшихся в монастыре рукописей принадлежит школе Величковского. Может показаться, что в период между посещением монастыря Яцимирским и выходом в свет последнего каталога в 1961–1962 гг. была произведена еще одна ревизия, следы которой иногда встречаются в отдельных рукописях. Однако автор новой системы нумерации рукописей и тут не обратил внимания на этот промежуточный каталог. Сегодня в библиотеке 297 рукописей, то есть больше, чем у Яцимирского. Новый монастырский рукописный каталог — Inventarul manuscriselor din Biblioteca Mănăstirii Neamţ, 1961–1962 — включает 297 славянских рукописей (С. 1–28), 38 греческих (С. 29–31) и 246 румынских (С. 32–52). Несмотря на приложенные усилия, мне не удалось обнаружить рукопись № 161(13) из Ново-Нямецкого монастыря в Молдавии, где содержатся труды Величковского (А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи... С. 570–572).

смотрению содержания текста монаха Митрофана, следует описать эти рукописи[1].

Текст MS 153(207) включает 163 листа, пронумерованных вместо цифр буквами церковнославянского алфавита, и еще три листа без нумерации. На пронумерованных листах содержится житие преподобного Паисия точно под тем же названием, что и в рукописи скита Святого пророка Илии. Нумерация листов нарушена. За 10-м листом сразу следует 33-й, при этом повествование не прерывается. Кроме того, после листа 25 следуют 24 и снова 25, после листа 26 нумерация обрывается и продолжается листом 39. Несмотря на путаницу в нумерации, текст остается цельным по содержанию. Отгадку находим в пометке на полях листа 39: **Здѣ вынлавъ 28 листовъ тотъ который и житїе сие сочинлвъ, и прочитавъ и поправивъ переписъ сїю схимонахъ Митрофан.** Это значит, что монах Митрофан, который не только написал житие, но и перечитывал и исправлял его, вынул из рукописи 28 листов. Первоначально Митрофан пронумеровал лист цифрой 22, но впоследствии переправил ее на 28. В тексте встречается великое множество исправлений, особенно на листах 1–39. Далее исправления тоже присутствуют, но гораздо реже. Непронумерованные листы в конце содержат стихи Дьяковского с последующими пометками, написанными двумя почерками: **Сїи стїхи сочинивъ еросхимонахъ Іоаннъ Дїаковскїи. Родимецъ Мало Россійскїй Градо Лубенскїй.** Манускрипты написаны рукописным полууставом, характерным для школы Паисия Величковского.

Вторая рукопись — № 156 (212) — состоит из 85-ти листов, также пронумерованных вместо цифр буквами

---

[1] Относительно сказанного здесь см. также: *Ταχιάος* А.-Е. *Σύμμεικτα περὶ τῆς σχολῆς τοῦ* Παϊσίου Βελιτσκόφσκι. *Ἀριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης. Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς Θεολογικῆς Σχολῆς.* 10. 1965. Σ. 673-83.

церковнославянского алфавита, и содержит исключительно житие старца. Почерк более разборчив и понятен, чем в предыдущей.

Что касается дат создания обоих текстов, А.И. Яцимирский придерживается того мнения, что рукопись 153 (207) была написана приблизительно в конце XVIII или начале XIX века, а 156(212) — в начале XIX века. Похоже, Яцимирский не заострял на этом свое внимание. Известно, что Митрофан приступил к работе над житием преподобного Паисия двадцать лет спустя после его кончины. Учитывая этот факт и то, что Паисий умер в 1794 году, приходим к выводу, что Митрофан не мог написать биографию ранее 1814 года. Таким образом, эта дата становится границей (terminus a quo), ранее которой написание биографии и, соответственно, появление рукописей 153 и 156, не представляются возможными. Поскольку автор рукописи 156(212) учел все исправления и изменения в 153(207), внесенные Митрофаном или иными переписчиками, мы делаем вывод, что последний труд появился раньше.

Сравнительный анализ текстов жития преподобного Паисия в рукописях 153(207) и 156(212) показывает, что первый представляет текст примерно в таком виде, как он был написан Митрофаном. Конечно, это не означает, что он принадлежит руке самого Митрофана, так как какой был бы ему тогда смысл прибавлять стихи Дьяковского к своему собственному творению. Скорее всего, это жизнеописание было первой копией с необработанного текста уже состарившегося биографа преподобного Паисия. Более того, эта рукопись, по-видимому, была передана Митрофану для внесения нужных, на его взгляд, исправлений. Тогда-то он и вынул листы, которые отсутствуют до сегодняшнего дня, и переписал текст, внося в повествование уточнения. Совершенно

точно и то, что и другой переписчик или ученый монах Нямецкого монастыря мог также внести в текст свои исправления.

В рукописи 156(212) переписчик не только учел поправки в манускрипте 153(207), но и дополнительно внес свои собственные изменения, что указывает на вторичное редактирование, выполненное уже после смерти Митрофана. В случае с рукописью 156(212) мы встречаемся с типичным примером искажения оригинала, когда первоначальный вариант жития преподобного, составленный Митрофаном, был переделан в сухой, строгий текст печатной версии. С другой стороны, рукопись 153(207) сохранила в большей степени близость к оригиналу, а пометка на полях внизу листа 39 только это подтверждает. Следовательно, для дальнейшего изучения жития преподобного Паисия должна использоваться только рукопись 153(207).

Митрофан объясняет причину, побудившую его приступить к работе над житием старца, следующими словами: «Хощу уже братіямъ моимъ послѣжде въ соборъ нашъ пришедшымъ, и лица его не видѣвшымъ, и прочіимъ всѣмъ на пользу прочитающымъ, повѣсть сотворити», и далее перечисляет источники, послужившие основой для его написания:

1. Свои собственные воспоминания о том, что он видел и слышал о Паисии;

2. Письма преподобного;

3. Автобиографию старца, из которой он позаимствовал «мало»;

4. Рассказы старых монахов о своем учителе.

Митрофан сетует на свою немощность и ограниченность, из-за которых он недостоин писать житие столь великого и святого человека, как старец Паисий, но добавляет, что, как ученик старца, считает своей обязанностью прославлять учителя по мере своих сил.

Когда на Митрофана было возложено послушание написать биографию преподобного, он захотел приукрасить свое творение изящным прологом, а не с первых же строк приняться за изложение фактов из жизни Паисия, как делали те, которые впоследствии исказили этот труд, что видно, например, в издании Оптиной пустыни. Однако Митрофан не обладал ни талантом писателя, ни красноречием, и ему, по-видимому, было очень тяжело придумать пролог наподобие тех, которые мы находим в византийских житиях святых. Митрофан решил эту задачу простым способом, списав вступление из жития Григория Синаита. Этот выбор не случаен, так как автором жития Григория Синаита, великого проповедника молитвы Иисусовой, был его любимый ученик Каллист, впоследствии Патриарх Константинопольский. Здесь, таким образом, ситуация совершенно аналогичная, так как и Паисий постоянно пребывал в «непрестанной молитве». Более того, в кругу учеников Паисия Величковского житие Григория Синаита было весьма популярно. Митрофан перевел вступление слово в слово, о чем свидетельствует нижеприведенный отрывок:

Τὸ μὲν τοὺς ἀγαθοὺς ἄνδρας ἐγκωμίων καὶ ἐπαίνων βούλεσθαι ἀξιοῦν καὶ στεφάνους ὑπὲρ αὐτῶν πλέκειν καὶ τὰ προτερήματα τούτων ἐξυμνεῖν καὶ ἐξαίρειν, ὡς τὰ τῆς δυνάμεως ὑπαγορεύειν, πείθει, λυσιτελές ἐστιν καὶ ὠφέλιμον, ἀλλ' ἐπὶ μὲν τῶν κοσμικῶν τούτων καὶ προσκαίρων τὸ φαινόμενον ἐπὶ τῆς ὕλης ἐχόντων δίκην καπνοῦ καὶ τοὺς ἐπαίνους διαλυομένους ὁρῶμεν, καθάπερ ἡ τοῦ πυρὸς φλὸξ συναπέρχεται τῆς ὕλης δαπανηθείσης, οὕτω καὶ οἱ ἐν τοῖς τοιούτοις ἔπαινοι καὶ τιμαὶ τῶν κάτω καὶ τάχιστα διαρρεόντων τοῖς ματαίως χρωμένοις συναπέρχονται, κατὰ τὴν γραφήν, καὶ τὸ μνημόσυνον μετ' ἤχου ἀπόλλυται...[1]

[1] Помяловский И. Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита (= Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. 35). 1894. С. 1.

Єже оубѡ благыѧ мꙋжы похвалѧти, и вѣнцы имъ плести, и изʼѧщества сихъ воспѣвати и возвышати, оуспѣшно есть и полезно, и глаголати по силѣ оувѣщаваетъ, мїрскихъ же сихъ и привременныхъ, и видимое въ веществѣ имꙋщихъ, аки дымъ и похвалы ихъ разорѧемы видимъ, ꙗкоже пламень огненный сѡтходитъ веществꙋ иждившꙋсѧ, тако и похвалы таковыхъ, и чести долнихъ и скорѣйше разливающихсѧ, сꙋетнаѧ оупотреблѧющихъ, сѡтходѧтъ по Писанїю, и памѧть ихъ съ шꙋмомъ погибаетъ...

С лингвистической точки зрения, интересно то, что Митрофан взял пролог не из известной книги на церковнославянском языке[1], но воспользовался недавним переводом своего же наставника Паисия[2]. Похоже, Митрофан считал, что имеет с Каллистом очень много общего в отношении любви к своему духовному отцу, и потому буквально цитирует его сентиментальные выражения, даже когда последний пишет: «Я же, учившись, то есть быв его учеником, и жив с ним краткое некое время и с радостью сделавшись духовно как бы рабом его...»[3] Однако поскольку Митрофан в течение многих лет был учеником преподобного, то заменил «краткое некое время» на «и не малое время пребывъ с онѣмъ». Только затем биограф приступает к жизнеописанию, приводя факты в нужной хронологической последовательности.

Митрофан вступил в румыно-славянскую братию Паисия Величковского в 1767 году, когда монастырская

---

[1] Сырку П. Житие Григория Синаита, составленное константинопольским Патриархом Каллистом. Текст славянского перевода жития XVI века и историко-археологическое введение. СПб, 1909. (= Памятники древней письменности и искусства. CLXXII).

[2] Яцимирский А. Славянские и русские рукописи... С. 560. № 66 (371). Ср.: Ταχιάος А.-Е. Ὁ Παΐσιος Βελιτσκόφσκι... Σ. 81-82.

[3] Помяловский И. Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита... С. 2, 3.

община еще оставалась в Драгомирнском монастыре в Молдавии. Он был свидетелем жизни преподобного, только когда тот уже жил в Молдавии. Митрофану, естественно, не были известны события до 1767 года, а тем более история создания румыно-славянской общины на Святой Горе Афон в 1746–1764 годах. Поэтому при описании жизни преподобного Паисия до 1767 года он основывался исключительно на автобиографии старца, вплоть до того, что вел повествование не от третьего лица, а от лица самого святого. И хотя во многих местах Митрофан значительно отходит от текста автобиографии, тем не менее значительное влияние текста Паисия в житии Митрофана остается очевидным. Соответственно, содержание листов 4–71 в рукописи № 153(207) есть не что иное, как просто повторение собственно текста автобиографии. По той же причине этот отрывок пропускается в житии, напечатанном в Нямецком монастыре. Текст самого Митрофана начинается с того момента, когда Паисий покидает Валахию и приезжает на гору Афон.

Митрофан использует введение к житию Григория Синаита и автобиографию Паисия Величковского до определенного момента. Как мы знаем, автобиография преподобного так и не была окончена и охватывает его жизнь лишь до приезда на гору Афон. В остальном Митрофан был вынужден самостоятельно работать над жизнеописанием, так как труды, на которые он ранее опирался, уже не могли ему помочь. Таким образом, текст самого Митрофана, который является в действительности наиболее интересной частью жизнеописания, начинается с момента путешествия преподобного на Святую Гору. Афонскому периоду жизни старца посвящены листы 73–88. Действительно, житие Митрофана более подробно останавливается на описании афонских собы-

тий, нежели печатное издание Оптиной пустыни. Однако последнее в двух случаях оказывается лучше: во-первых, в издании Оптиной пустыни упоминается, что келлия преподобного Паисия в Капсале на горе Афон называлась «Капари»[1], и, во-вторых, в тексте печатного жития содержится учение Паисия о том, как надлежит себя вести духовному руководителю[2]. При всем уважении к первой заслуге Оптинского жития, заметим, что, видимо, афонские ученики Паисия передали название келлии уже своим ученикам спустя много лет. Что касается наставлений старца Паисия, мы можем только предположить, что это фрагмент одного из его до сих пор не опубликованных писем[3]. В противном случае, будет непонятно, почему не Митрофану, а монахам последующего времени могли быть известны факты из жизни Паисия, хотя большинство из них не знали преподобного лично и Митрофан в момент работы над жизнеописанием святого оставался самым старшим из живущих учеников старца. Более того, необходимо помнить, что последующие редакторы текста жития вносили поправки уже после смерти Митрофана, и им не у кого было спросить о жизни и трудах Паисия.

Митрофан в мельчайших подробностях останавливается на периоде с 1767 по 1794 год, вплоть до смерти

---

[1] Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С присовокуплением предисловий на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и спостником, старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Москва, 1847. С. 23.

[2] Эти наставления, возможно, взяты из неопубликованного письма преподобного к игумену Феодосию, которое прилагалось к рукописи № 13 Нямецкого монастыря, листы 48–68. См.: Яцимирский А. Славянские и русские рукописи... С. 570–571.

[3] Житие и писания... С. 26–28.

преподобного. Как свидетель событий этого времени, Митрофан не испытывает трудностей с их пересказом и с радостью выполняет свою задачу. Описывая разные события из жизни Паисия и, в особенности, его духовные подвиги, Митрофан, не сомневаясь, вставляет в повествование факты, свидетелем которых был сам. Жизнь монахов в монастырях Драгомирны, Секула и Нямца представляет наибольший интерес, поскольку в опубликованном житии отсутствуют детали, которые необходимы для полного понимания картины расцвета аскетическо-литературного движения в Молдавии XVIII века.

Митрофан не обделен полностью талантом писателя, но его способности ограничены. То, что он взял пролог из жития Григория Синаита, видимо, свидетельствует об осознании своей немощи и неумения написать собственное введение к житию столь почитаемого им учителя. Стиль Митрофана прост и эмоционален, но не ровен в своей выразительности. Язык его повествования не отличается ни стройностью, ни изяществом, и автор обнаруживает отсутствие опыта в употреблении славянского языка. Порядок слов в предложениях свободный и местами хаотичный. Однако эти недостатки компенсируются непринужденностью, искренностью и естественностью. Текст дышит безграничной любовью автора к своему духовному наставнику. Монах Митрофан остается послушным учителю даже после смерти последнего, поскольку признает свой труд таким же послушанием, какое ревностно исполнял при жизни Паисия. Он, не задумываясь, сравнивает мудрость старца с мудростью древних афинских философов (л. 152 об.) и проводит параллели между событиями из жизни Паисия и древнерусского святого Антония Печерского (лл. 149, 151 и далее). Подобные параллели — обычное дело для синаксаря, но в случае с житием смелость Митро-

фана можно объяснить глубочайшим почтением и любовью к духовному наставнику.

Житие по стилю напоминает синаксарий, хотя и часто переходит в историческое повествование. Престарелый автор окончил монастырскую школу и поскольку в течение многих лет занимался чтением, переписыванием книг и переводом духовно-аскетических мистических рукописных произведений, то в совершенстве усвоил стиль средневековых византийских и церковнославянских текстов. Несмотря на то, что он не может до конца избежать авторской составляющей в повествовании, главным образом, своих воспоминаний о событиях, свидетелем которых стал при жизни Паисия, ему, тем не менее, прекрасно удается объективно передать духовное величие старца. Очевидно, что и по форме, и по содержанию текст Митрофана принадлежит к агиографическим трудам, которые редко встречаются среди памятников духовной литературы начала XIX столетия. Поздние редакторы исказили текст Митрофана и лишили его привлекательной авторской нотки, лиризма и живости. Другими словами, они основательно исказили один из поздних славянских агиографических текстов.

Как нам уже известно, первое печатное издание жития Паисия Величковского, типографии Нямецкого монастыря, 1836 года, было не более чем переработкой труда Митрофана, выполненной монахом Платоном. Естественно, титульный лист книги не говорит об этом, а указывает, что труд Платона — компиляция из текстов «многих авторов». Это ни в коем случае не отражает правды, а является лишь данью традиции. Предисловие к житию Григория Синаита и автобиография Паисия Величковского уже были включены в текст Митрофана. Платон, главным образом, сокращал и упрощал отдель-

ные части. Он использовал цитаты из письменных источников церковных писателей для духовного наставления читателей. Большая заслуга Платона заключалась в том, что в своем труде он упомянул лица, имена которых отсутствуют на страницах жития, написанного Митрофаном: архиепископа Амвросия, архимандрита Дорофея, архимандрита Досифея, митрополита Гавриила, митрополита Иакова, монаха Илариона, архимандрита Иоанна и других. Платон, однако, не прибегал к письменным источникам, чтобы рассказать о них, а лично знал этих людей или слышал о них от приближенных к ним лиц. Что касается остального, то он с крайней тщательностью сводил живой авторский тон Митрофана на нет и сделал текст гораздо сдержанней. Таким же строгим характером отличается и житие в издании Оптиной пустыни 1847 года. В этом случае труд Митрофана претерпел значительные изменения, хотя и нужно отметить, что редактор сделал робкую попытку воспользоваться устной повествовательной традицией. Как бы то ни было, все новые элементы в текстах 1836 и 1847 годов играют второстепенную роль, так как, несмотря на историческую достоверность, по сравнению с живым и динамичным текстом Митрофана, не могут в точности передать атмосферу, в которой жили монахи Драгомирнского, Секульского и Нямецкого монастырей. Таким образом, во всех отношениях житие Паисия Величковского, составленное монахом Митрофаном, является важнейшим источником для изучения жизни великого духовного пастыря XVIII столетия.

Приведенная ниже публикация жития преподобного основана на рукописи № 153(207) Нямецкого монастыря. Принимая во внимание, что рукопись содержит наиболее достоверное изложение событий, я считаю бессмысленным и излишним рассматривать и анализиро-

вать разночтения из других рукописей. Все они, строго говоря, не являются разночтениями, но суть *lapsi calami*, которые не указывают на новую семью рукописей. Сам факт существования и форма текстов, которые появились в начале XIX столетия, не требует составления *stemma* или *apparatus criticus*.

Язык текстов

С самого начала школа Паисия Величковского состояла из монахов, пришедших, главным образом, из западных и южных областей России и говоривших на своих родных языках. Находясь в русской монастырской среде, работая с церковными книгами, напечатанными в русских церковных типографиях, они переняли характерный ученый язык духовной литературы. Привыкнув к нему, они использовали его не только в переводах греческих религиозно-мистических текстов, но и в своих собственных творениях. Автобиография Паисия Величковского и его житие, составленное монахом Митрофаном, написаны по всем правилам грамматики и правописания этого самого славянского языка, языка печатных церковных книг, который развился приблизительно в середине XVII века[1]. Однако в обоих текстах

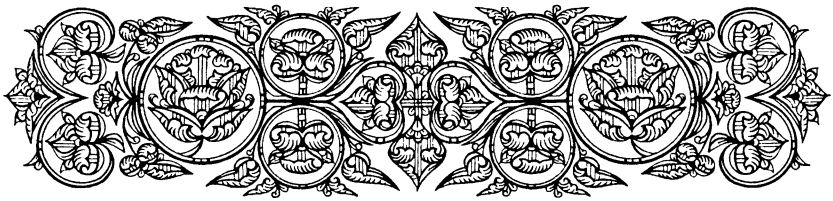
[1] Время от времени для учащихся церковных школ и семинарий печаталась грамматика этого языка. Лучшими книгами можно считать: В. Классовский. Краткая грамматика славяно-церковного языка периода печатных (в России) книг. М., 1857 (выдержала 5 переизданий с 1867 по 1887 г. под заголовком «Грамматика славяно-церковного языка нового периода»), а также новую превосходную работу иеромонаха Алипия (Гамановича): Алипий (Гаманович), иеромонах. Грамматика церковнославянского языка. Джордан-вилль, Нью-Йорк, 1964. Ср. обзор R. Mathiesen в: Ricerche slavistiche. XVI. 1968–1969. P. 290–291.

встречаются нарушения орфографических и стилистических норм, которые выдают влияние либо древнего церковнославянского языка, либо современных языков. Влияние древних церковнославянских текстов заключается в фонологических архаизмах и непривычном словоупотреблении, которые считаются ошибкой в языке, на котором написаны житие и автобиография преподобного Паисия. Например: **снимахъ, впадаетъ, вводящий.** В следующих примерах заметно влияние родного языка или диалекта авторов: **проходящие — праходящие, польза — полза, больше — болше, прощенїе — прошенїе, вывезенїе — вивезенїе, книгъ — книхъ, несчастливы — нещаслывы, подробно — подробнꙋ.** Общей чертой обоих текстов является постоянное отсутствие буквы **ь** в сочетаниях: **–льс–, –льш–, –льз–, –зьм–, –льн–** и т. д., где это требуется по правилам языка. Неуверенность авторов в правописании некоторых слов видна, к примеру, в вариативности написания слова «монастырь»: **монастирь, монастырь, монастиръ, монастыръ.**

Эти и еще ряд других примеров показывают, что основной язык школы Паисия Величковского, церковнославянский язык XVII века, употреблялся только на письме, но не в устной речи. Монахи в повседневном общении говорили на своих родных языках с примесью элементов письменного церковного языка. Эта лингвистическая пестрота находит отражение в ошибках и нарушениях грамматических норм в автобиографии и житии Паисия. При расшифровке текстов моим первым желанием было исправить эти ошибки. Однако я оставил все, как есть, поскольку отклонения от нормы могут послужить полезным материалом для лингвистического исследования. Очень маловероятно, что сам Паисий Величковский и даже Митрофан могли допустить эти ошибки. Мы знаем, что преподобный в совершенстве владел церковным языком, поскольку переводил на

него мистические и аскетические тексты. Митрофан же превосходно знал правописание этого языка. Таким образом, они оба остаются вне подозрений, а ответственность за допущенные ошибки должна быть возложена на переписчиков.

Автобиография
преподобного
Паисия Величковского



Повѣсть о святѣмъ соборѣ, превозлюбленныхъ о Господѣ отецъ и братій и чадъ моихъ духовныхъ, собравшихся во имя Хрістово ко мнѣ недостойному, спасенія ради душевнаго, промысломъ Божіимъ пребывающемъ во святыхъ и честныхъ сихъ обителехъ: во святѣй и велицѣй обители Вознесенія Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Хріста, нарицаемѣй Нямецъ, и во святѣй обители Честнаго Славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, именуемѣй Секулъ: како и коея ради вины, святый сей соборъ собрася ко мнѣ грѣшному и недостойному

Видя азъ себе уже къ концу жизни моея приближающася и разсуждая, яко всякая вещь писанію не предаемая, всесовершенному предаваема бываетъ забвенію, умыслихъ поне отчасти о святѣмъ семъ соборе святыхъ отецъ и братій и превозлюбленныхъ моихъ духовныхъ чадъ спасенія ради душъ своихъ во имя Хрістово ко мнѣ собравшихся писаніемъ изъявити. Да не точію чадомъ моимъ

по смерти моей, но и чадомъ чадъ моихъ, аще будетъ благоволеніе Божіе содержатися святому сему собору, останется поне малое нѣкое вѣдѣніе о начале его, и яковымъ образомъ собрася. А понеже ово яко бояся нѣкихъ святому сему собору потаенныхъ наветникъ, паче же изъ въ неправославной странѣ рожденныхъ, да не како по прешествіи моемъ отъ жизни сея и по преставленіи братій святыхъ известно ведущихъ мя гдѣ родихся, приведутъ братій святыхъ во усумнѣніе о мнѣ, въ коей странѣ родихся. Ово же помышляя, коль желателно есть чадомъ моимъ духовнымъ истинную по Богу ко мнѣ любовь стяжавшымъ, поне отчасти услышати о моемъ рожденіи и воспытаніи и изъ міра изшествіи, и въ монашестемъ образе пребываніи, даже до времене своего ихъ ко мнѣ пришествія и въ святое послушаніе пріятія. Того ради умыслихъ и о мнѣ самомъ чадомъ моимъ духовнымъ, и о прежде бывшемъ моемъ прежде пріятія братій пребываніи, отчасти объявити: не яко хотя житіе свое писанію предати, да не попуститъ мнѣ Хрістосъ Богъ Спаситель мой въ таковое беснованіе впасти. Кто бо есмь азъ, не сотворивый во вся дни живота моего ниедина блага? Но предреченныхъ ради винъ, пачеже и утвержденія ради братій како должно есть, наипачеже въ сія бѣдная плачу и рыданію достойная времена последовати правому и истинному Святыя и Апостолскія Восточныя Церкве по силѣ Божественнаго Писанія н ученія Богоносныхъ отецъ нашихъ, разуму и мудрованію. Богу убо споспешествующу начало повести сея полагаю таковое.

Азъ, монашества и священничества недостойный Іеросхімонахъ Паісій, рожденъ и воспитанъ есмь въ православномъ Малороссійстемъ градѣ Полтаве отъ благочестивыхъ и православныхъ родителей[1]. Отецъ мой бѣ

[1] В рукописи приписано на полях: Родихся азъ на концѣ 1722-го лѣта, Декемврія 21. И от купѣли Божественнаго крещенія дано мнѣ имя Петръ, на память иже во святыхъ отца нашего Петра Митрополита Кіевскаго и всея Россіи.

Іоаннъ Величковскій Протопопъ Полтавскій. Мати же Ірина, яже во иночестве преименована бысть Іуліаніа монахиня. Прапрадедъ мой бѣ по отцу Сѵмеонъ знатный и богатый козакъ. Прадѣдъ же Лука Величковскій Протопопъ Полтавскій. По матери же прадѣдъ мой бѣ славный и богатый купецъ еѵрейска рода прозываемый Мандя, иже и крестися въ Полтаве въ приходе Преображенія Господня со всѣмъ домомъ своимъ. Дѣдъ же Григорій Манденко. По рожденіи же моемъ отецъ мой, якоже мню въ четвертое лѣто от временныя сея къ вѣчнѣй преселися жизни. Азъ же остахся съ матерію моею и со старшимъ роднымъ братомъ моимъ Іоанномъ Величковскимъ, иже послежде бѣ и настоятелемъ соборныя Полтавскія Церкве Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Маріи, въ нейже Церкви и отецъ мой, и дѣдъ, и прадѣдъ священствоваша. Таже мати моя вдаде мене съ меншимъ роднымъ братомъ моимъ Ѳеодоромъ въ наученіе книжное, иже въ седмое лѣто преставися ко Господу. Азъ же, Господу споспешествующу, чрезъ два лѣта и мало болѣе Букваря и Часословца[1] и Псалтыря изъучихся точію и абіе начахъ Божіею помощію преудобне по книгахъ читати отъ вышереченнаго же старшаго брата моего и писати въ дому нашемъ чрезъ нѣкое время изъучихся. И между ученіемъ тѣмъ, егда свободное обрѣтахъ время, прилежно чтяхъ книги Божественнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, житія святыхъ, святаго Ефрема со святымъ Дороѳеемъ, святаго Іоанна Златоустаго Маргарітъ, и прочыя, елики обретахуся во святѣй предреченней Церкви, и отъ чтенія таковыхъ святыхъ книгъ, паче же житій преподобныхъ отецъ нашихъ, во святѣмъ и Ангелстемъ монашестемъ образе Богу благоугодившихъ, начатъ и въ души моей раждатися ревность ко оставленію міра и воспріятію святаго монашескаго образа, яже, дондеже

[1] В рукописи пропуск слога: Часловца.

пребывахъ въ мірѣ, никогдаже оскуде отъ души моея. Таже, егда уже течаше тринадесятое отъ рожденія моего лѣто, преставися и старшій мой братъ Іоаннъ ко Господу, священствовавъ точію пять лѣтъ, и возпоследова матери моей нужда, взявши и роднаго своего брата, моего же дядю Василіа Манденка, и мене съ собою, поехати къ преосвященнейшему тогда бывшему Митрополиту Кіевскому Кѵръ Рафаилу Заборовскому съ писаніемъ просителнымъ крестнаго моего отца Василіа Василіевича Кочубея полковника Полтавскаго, и всея старшины, и всѣхъ почтеннейшихъ гражданъ Полтавскихъ, о подтвержденіи[1] отеческаго моего предреченныя соборныя Полтавскія Церкве наследія грамотою Его преосвященства, предъ егоже святымъ лицемъ, егда стіхи нѣкія отъ учена мужа сотворены, по лобзаніи святыя его десницы, со всякимъ дерзновеніемъ и подобающимъ произношеніемъ велегласно изглаголахъ, яже прежде предъ матерію моею и дядемъ моимъ аще и много отъ нихъ нудимь бѣхъ, изглаголати не возмогохъ; толико возрадовася Его преосвященство, яко благословивъ мя, таковая велегласно произнесе словеса: «Бысть тебѣ наследникомъ». И, давъ грамоту матери моей, подтвердителную о моемъ предреченныя Церкве наследіи, отпусти съ благословеніемъ, повелевъ матери моей вдати мене въ школы Кіевскія обученія ради внешнему ученію. Яже возвратившися въ домъ свой въ Полтаву, по некоемъ времени немедленно посла мене въ Кіевъ ученія ради, въ немже лѣтъ три со усердіемъ обучахся граматіческому ученію, всякаго лѣта по обычаю школному Іуніа или Іуліа месяца[2] отъѣздя въ домъ къ матери моей и пребывая тамо яко два мѣсяца и совершенную имѣя свободу, ни въ чемже тако упражняхся, якоже въ чтеніи книгъ

[1] В рукописи без т: подвержденіи.

[2] Слова «Іуніа или» зачеркнуты. Ниже старец Паисий уточняет, что «распущеніе школное» бывало Іуліа 15 дня.

святыхъ, отъ нихже паче и паче утверждахся въ непременномъ намереніи моемъ о монашестве. Еще же и совершенне уразумехъ, яко безъ добрыхъ дѣлъ, тоесть безъ прилежнаго храненія заповедей Хрістовыхъ единою православною вѣрою отнюдъ спастися невозможно, и положилъ бѣхъ таково завѣщаніе въ души моей предъ Богомъ укрепляющей мя благодати Его, еже ближняго моего не осуждати, аще быхъ и очима моима увидѣлъ его согрешающа, известно вѣдая, яко единъ есть праведный и истинный живымъ и мертвымъ Судія Хрістосъ истинный Богъ нашъ, Иже воздасть комуждо по дѣломъ его[1]. Осуждаяй же ближняго своего, достоинство Божіе самъ на себе восхищаетъ, творя себе судіею живымъ и мертвымъ, чесого что есть страшнше? Ещеже и не имѣти ненависти на ближняго, еже по свидѣтелству Святыхъ Писаній болшій грѣхъ есть паче всѣхъ грѣховъ[2]. Еще же отъ всего сердца и души отпущати ближнему согрешенія въ надежду прощенія грѣховъ своихъ[3] отъ Бога: не прощаяй бо ближнему своему согрѣшеній его, отнюдъ не будетъ имѣти отпущенія грѣховъ своихъ отъ Отца Небеснаго. Сіе убо завѣщаніе мое о храненіи заповедей сихъ данное предъ Богомъ, аще нераденія ради моего и не сподобихся самимъ дѣломъ сохранити, но убо споспѣшествующей мнѣ помощи Божіей разумомъ правымъ по ученію Святаго Писанія симъ заповѣдемъ Божіимъ, яко паче всего преудобнейшему и безтрудному пути ко спасенію по силѣ моей последовахъ и последую: иного бо пути ко спасенію преудобнейшаго нѣсть. Въ чтеніи убо книгъ святыхъ, якоже предрекохъ, во время въ дому моемъ пребыванія, упражняяся наставляхся на храненіе заповедей Божіихъ и на разумъ правый и

---

[1] В рукописи примечание (другим почерком): Мф. 7, 1.

[2] В рукописи примечание (другим почерком): Мф. 5, 22; Ин. 3, 15 (описка, надо: 1Ин. 3, 15).

[3] Слово «своихъ» в рукописи исправлено на «моихъ».

мудрованіе Святыя Православныя Церкве. Въ приличное же время отъѣздяхъ въ Кіевъ и пребывахъ со усердіемъ во ученіи школнѣмъ. Въ тыя убо три лѣта, аще и не малу ревность имѣхъ и любовь къ монашескому житію, паче же егда и друговъ неколикихъ таковуюжде ревность и подобное намереніе о монашестве имевшихъ стяжахъ, наипачеже егда и наставника и руководителя къ сему сподобихся имѣти, въ Братскомъ Богоявленскомъ[1] святомъ монастири, пребывавшаго благоговѣйшаго Іеросхимонаха отца Пахоміа, иже въ странствіи нѣкое время и въ пустыни поживе, и имеяше у себе неколико и книгъ отеческихъ, иже овогда убо словомъ своимъ многія пользы исполненнымъ, овогда же къ чтенію подаваемыми мнѣ от себе книгами ревность ону въ души моей воспаляше. Но обаче и ученіе школное и дотоле еще со усердіемъ прохождахъ. Въ четвертое же лѣто, чрезъ всю зиму даже до распущенія школъ, еже бываетъ Іуліа 15 дня, аще и пребывахъ во ученіи школнѣмъ, обаче уже не съ толицемъ усердіемъ, якоже прежде, желаніе бо иночества превозмогаше въ души моей и не попущаше ми болѣе во ученіи пребывати, но понуждаше мя аще бы возможно было скорѣе отрещися міра и быти инокомъ. Къ сему же и едина вещь тогда случившаяся паче побуждаше мене. Два изъ учениковъ школныхъ въ зимное время неведомо гдѣ отай поїдоста, по доволномъ же времени уразумехъ, яко пойдоста монашества ради, и обретаются въ единомъ скитѣ Кіевопечерскія Лавры, нарицаемомъ Китаеве, о коль неисповедимыя радости исполнихся и желаніемъ вожделехъ пойти тамо и увидѣти ихъ. Обрѣтъ убо время свободное отъ ученія школнаго, пойдохъ тамо съ не малымъ на пути страхомъ и, Богомъ покрываемь, безбедно пришедъ во святую ону обитель и благословеніе вземъ отъ тогда бывшаго началника всечестнейшаго Іеросхимонаха от-

[1] «Богоявленскомъ» надписано над строкой другим почерком.

ца Ѳеодосіа, по благословенію его повидехся и со онѣми благословенными рабы Божіими, иже съ великою радостію мене пріяша, и отъ путешествія пищею укрепиша по навечернемъ же пѣніи и по совершеніи определенныхъ себѣ послушаній, егда наста нощь, собравшеся въ трапезу съ прочіими послушники, чтяху чтеніе отъ святаго Ефрема съ великимъ вниманіемъ и страхомъ Божіимъ доволное время, по чтеніи же поклоншеся со смиреніемъ другъ другу, разидошася, оставлше мене въ трапезе спочити до утренняго пѣнія. По утреннемъ же пѣніи и по совершеніи Божественнія Літургіи, яже тамо не рано совершашея, поставленней бывшей[1] трапезѣ и сѣдшу началнику съ братіею, повелѣ и мнѣ началникъ, яко странну, сѣсти на трапезѣ съ братіею, чтущуся же чтенію отъ словесъ отеческихъ, вси слушаху со страхомъ Божіимъ и съ великимъ вниманіемъ и крайнымъ молчаніемъ. Послушницы же предстояху со страхомъ Божіимъ послуженіе подобающее со благоговеніемъ совершающе. По трапезе же послушницы они, два, ихже ради тамо пріидохъ по пріятіи пищи и по исполненіи всѣхъ своихъ службъ, обретше время свободное, Богу вразумляющу ихъ, беседоваша ко мнѣ многа словеса душеполезна, побуждающе мене оставити міръ и яже въ мірѣ и съ ними во обители той въ послушаніи пребывати въ надежду по времени полученія и монашескаго образа. Азъ же и самъ и безъ понужденія ихъ отъ всего сердца моего желахъ тамо остатися, но известно вѣдая яко тамо отъ матере моея отнюдъ утаитися не возмогу, не дерзнухъ сіе сотворити. Пребывъ убо тамо день той, рано третіяго дне вземъ благословеніе отъ началника, и попростився со слезами съ братіями онѣми, сожалеющими о моемъ оттуду отхожденіи, возвратихся къ моему пребыванію, не могій въ скитѣ онѣмъ болѣе медлети, занеже невозможно бы было тамо тайному хожденію

[1] В рукописи: бышей.

моему утаитися, аще быхъ болѣе замедлелъ. Возвратився же пребывахъ во ученіи школнѣмъ безъ всякаго усердія, точію за единъ обычай, даже до распущенія школъ. По распущеніи же школъ, не отъѣздя сего четвертаго лѣта, по обычаю прежднему, въ домъ къ матери моей сего ради, яко да имамъ совершенную свободу произысковати образа яковымъ бы возможно[1] было мнѣ сподобитися монашескаго образа, пребывахъ въ Кіевѣ на Подоле[2] близу Церкве святителя Хрістова Ніколаа нарицаемаго Добраго, у единія старыя вдовицы, яже аки вторая мати со всякою любовію и призреніемъ въ дому своемъ мене содержаше. Имѣя убо совершенную, якоже рѣхъ, свободу, хождахъ по святымъ и честнымъ Кіевскимъ обителемъ, овогда убо во Святую Софію[3] поклоненія ради мощей, святителя Хрістова Макаріа Митрополіта Кіевскаго, овогдаже пачеже и частѣе въ монастирь Аархістратига[4] Господня Міхаила, поклоненія ради мощей святыя великомученицы Варвары. Овогда же и во иныя честныя и святыя обытели проходя, и зря благолепіе и благочиніе церковное пользовахся душею. Паче же, взырая на честныхъ и святыхъ монаховъ, мнящеся мнѣ зрѣти Ангеловъ Божіихъ. И моляхся Господеви, да и мене сподобитъ благодатію Своею, святаго ихъ сего ангелскаго образа. Что же реку о святѣй и великой Кіевопечерской Лаврѣ, юже вседушне возлюбивъ яко святое и Богоизбранное мѣсто, въ немже въ последняя лѣта подобне древнымъ Богоноснымъ отцемъ Ангелскимъ во плоти житіемъ, ангели земніи и небесніи человецы преподобніи и Богоносніи отцы наши Антоній и Ѳеодосій и вси преподобніи Печерскіи просіяша и въ жизни своей и по смерти прославишася отъ Бога чудесы

---

[1] Слова «яковымъ бы возможно» написаны другим почерком.

[2] Подол — один из районов г. Киева.

[3] Имеется в виду киевский храм Софии, Премудрости Божией.

[4] Так в рукописи.

и нетленіемъ святыхъ своихъ мощей. Частее убо, нежели въ прочія обители, въ ню прихождахъ въ неделныя и праздничныя дни, слушая Божественную раннюю и позднюю Літургію, овогдаже и въ вечеръ прихождахъ, и не имѣя кого тамо знаема, яко единъ страненъ, овогда убо на Ближней пещере близъ Церкве нѣгдѣ ночевахъ. Овогда же и въ великомъ монастири близъ великія звоницы[1] даже до звона на правило церковное. Наченшуся же правилу, входя во ону небеси подобную церковь, и зря превосходящее ея благолѣпіе и благочиніе и множество многое благоговѣйныхъ и честныхъ монаховъ со всякимъ благочиніемъ въ ней предстоящихъ, радовахся и веселяхся душею, мняся видѣти самихъ онѣхъ преподобныхъ отецъ нашихъ Печерскихъ, и прославляхъ Бога, сподобившаго мене таковое святое мѣсто частѣ посещати. По совершеніи же всенощнаго бдѣнія или утрени, вхождахъ во святыя пещеры съ прочіими хрістіаны поклоненія и лобызанія ради святыхъ мощей и мѵроточивыхъ главъ преподобныхъ отецъ нашихъ Печерскихъ, и овогда убо въ Ближней, овогда же въ Далней святой пещери въ Церквахъ внутрь святыхъ пещеръ обретающихся, слушая Божественныя Літургіи, прославляхъ Бога дивнаго во святыхъ Своих, и ублажахъ преподобныхъ отецъ сихъ, прежде созданія еще новаго и ветхаго монастирей[2] треблаженное ихъ въ пещерахъ святыхъ безмолвіе таковое и тишину, яковаго безмолвія и тишины верху земли пребывающымъ имѣти отнюдъ невозможно есть, и таковое воспаляшеся желаніе въ души моей о вещи невозможной, яко аще бы возможно было, то никакоже быхъ восхотехъ изъ пещеръ тѣхъ святыхъ изыти,

---

[1] Великий монастырь — имеется в виду Верхняя Лавра. Великая звоница — большая лаврская колокольня.

[2] Новый и Ветхий монастыри возникли на месте Ближних и Дальних пещер (соответственно). Оба они носят название «Нижняя Лавра».

но тамо пребывая жизнь свою скончати, но обаче видя вещь невозможну, съ великою жалостію и воздыханіемъ исходяхъ[1] изъ святыхъ пещеръ онѣхъ, овогда же по поклоненіи святыхъ мощей, вшедъ во святую и великую церковь, слушахъ Божественную Літургію и по отпустѣ отхождахъ на Подолъ въ домъ рабы оныя Божія, идѣже пребывахъ.

Имѣя же неколико превозлюбленныхъ моихъ и единомысленныхъ друговъ, едино и тожде намереніе о монашестве имевшихъ, въ субботу въ вечеръ или предъ нѣкимъ праздникомъ собирахомся летнаго времене во святый Богоявленскій Братскій монастирь, во врата монастирская, яко въ зѣло приличное и безмолвное мѣсто. Стяжавше друга себѣ и сторожа монастирскаго, мужа зѣло добродетелна и страха Божія исполненна, упражняхомся въ собеседованіихъ душеполезныхъ даже до звона на правило церковное, пачеже всего советовахомся, како бы могли намереніе наше въ дѣло произвести, и гдѣ бы таковое мѣсто могли обрести, въ немже Богу благоволящу, постригшеся во иночество, могли быхомъ приличне монашескому обѣту пожити, и по многократномъ советованіи и прилежномъ разсмотреніи, таковъ завѣтъ непремененъ и непреложенъ въ душахъ нашихъ завещахомъ, да не будетъ отреченіе наше отъ міра и постригъ во обителехъ, всякое изобиліе имущихъ въ пищи и питіи и во всякомъ телесномъ упокоеніи. Занеже въ таковыхъ обителехъ постригшеся, не быхомъ возмогли по обѣту монашескому нищете Хрістовой последовати и воздержное житіе проходити, но немощи ради душъ нашихъ, отступивше отъ теснаго пути въводящаго въ животъ, заблудили быхомъ въ широкій путь вводящій въ погибель. И лучше быти, разсуждахомъ, по закону Хрістіанскому оженившымся намъ въ мірѣ пребывати, не-

[1] Буквы «хъ» дописаны другим почерком.

желі отрекшимся міра по угодію плотскому во всякомъ упокоеніи и изобиліи житіе препровождати[1] на поруганіе монашескаго образа и на вѣчное осужденіе душъ нашихъ въ день судный. Сего ради, якоже предрекохъ, твердое въ душахъ нашихъ воспріяхомъ намереніе изыти и отъ отечества нашего, и, нѣгдѣ въ пустыннемъ и безмолвнемъ мѣстѣ обретше наставника душъ нашихъ искуснаго, предати себе ему въ повиновеніе. И по времени приличнемъ, отъ него постригшеся, пребывати съ нимъ, и другъ со другомъ, до последняго своего издыханія неразлучне во иночестей нищете и скудости нуждныхъ потребъ и всякомъ спасенія ради душъ нашихъ, въ злостраданіи нуждную монашескую пищу и одежду отъ праведнаго труда рукъ своихъ стяжавающе. Въ таковыхъ убо и подобныхъ симъ бесѣдахъ безмолвное и тихое нощное время препровождающымъ, приспеваше и правило церковное, егоже по отпусте расхождахомся въ домы наша.

Въ[2] таковой убо намъ духовной лубви[3] и душеполезной бесѣдѣ и другъ со другомъ частѣмъ схожденіи пребывающымъ, пріиде мнѣ великое желаніе паки пойти въ предреченный онъ скитъ Кітаевъ повидети превозлюбленныхъ мнѣ онѣхъ вышереченныхъ рабовъ Хрістовыхъ, лѣтню же тогда времени сущу, удобнѣе возмогохъ сіе мое желаніе исполнити. Пришедъ убо во святую ону обитель велія радости исполнихся, ово, яко увидехся со онѣми возлюбленными мнѣ послушники Хрістовыми, ово же яко сподобихся увидѣти священнолепотныя седины, блѣда желта и измождала отъ поста и воздержанія лица святыхъ отецъ тамо пребывающихъ. Съ ними же,

---

[1] В этом месте на полях пометка: зри.

[2] Перед началом абзаца на полях пометка другим почерком: отступ:.

[3] Так в рукописи.

входя на правило церковное, не малую въ души моей ощущахъ пользу, съ великимъ бо вниманіемъ и страхомъ Божіимъ безъ всякаго ускоренія чтяху и пояху все последованіе правила; бяху бо нѣцыи изъ братій и послушниковъ естественный даръ отъ Бога сладкопенія имевшихъ, иже не точію стіхиры и прочее пѣніе со сладкопеніемъ пояху, но и самое «Господи помилуй», и «подай Господи» и «Тебѣ Гди[1]» и «Аминь», съ толикимъ сладкопѣніемъ тихо и со умѣреннымъ продолженіемъ пояху, яко и жестокому и неудобь преклонному на умиленіе сердцу, яково и мое бяше удобно бѣ ко умиленію и слезамъ преклонятися. Но и самое оно положеніе мѣста и состроеніе Церкве душу человечу можаше преклоняти ко умиленію, церковъ она бѣ древяная, крестообразне создана во имя преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергіа Радонежскаго Чудотворца, юже различна древеса плодовита окрестъ ея насажденна вѣтвми своими осеняху, занеже не бяше высока. Вся извнутрь іконнымъ тканіемъ бяше украшена даже до последняго притвора, въ немъ изображени бяху зѣло благоговейно преподобніи отцы Великороссійстіи чудотворцы. На ихже святое оно изображеніе взирая, кто съ благоговеніемъ велію моглъ бы въ души своей ощущати пользу[2]. Еще же разсмотрѣвая тихое и безмолвное на мѣстѣ онѣмъ пребываніе святыхъ отецъ, благоговѣніе и молчаніе, кротость и смиреніе и послушниковъ всѣхъ всеблагоговейное съ крайнѣйшимъ воли своея и разсужденія отсеченіемъ, со смиреніемъ и страхомъ Божіимъ во всемъ послушаніе. Отъ всея души моея вожделехъ тамо со святыми отцы онѣми и братіею пребывати, аще и известне вѣдый, яко тамо отъ матере моея утаитися не возмогу, но обаче крайнимъ желаніемъ монашества побуждаемь

---

[1] В рукописи не надписано с-титло.

[2] На полях приписано (другим почерком): радость.

умыслихъ тамо остатися. Приступль убо къ предреченному обители тоя началнику, стоявшему близъ Церкве наедине, и припадъ къ ногама его, моляхся прилежно, да любве ради Божія пріиметъ и мене беднаго во святую свою обитель монашества ради во святое послушаніе; онъ же, уразумевъ мое прошеніе, абіе отъиде въ келлію свою, повелевъ и мнѣ ити за нимъ, вшедъ же и азъ въ келлію его, и поклонився по обычаю, стояхъ близъ дверей. Онъ же сѣдъ близъ стола, повеле и мнѣ сѣсти выше себе, рекъ ко мнѣ: «Брате, сяди здѣ», указуя рукою и мѣсто оно, идѣже повелеваше ми сѣсти. Азъ же, слышавъ сіе и ужаснувся о вещи нечаянней и весь стыденія исполнився и поклонився низко, стояхъ молча. Онъ же и вторицею тожде сотворити ми повеле. Азъ же паки поклонився, стояхъ молча. Таже и третицею тожде повеле ми сотворити. Азъ же зѣло ужасаяся о семъ и поклонився, стояхъ безгласенъ. Онъ же отверзъ святая своя уста рече ко мнѣ: «О брате, ты молиши мя, да пріиму тебе во святую обитель нашу монашества ради. И се, въ души твоей не вижду ни слѣда монашескаго устроенія. Не вижду въ тебѣ смиренія Хрістова. Не вижду въ тебѣ послушанія и отсеченія воли твоея и разсужденія, но сопротивное все. Вижу въ тебѣ устроеніе и мудрованіе міра сего, вижду въ тебѣ гордыню діаволю. Вижду въ тебѣ непослушаніе и последованіе воли твоей и разсужденію: се бо трижды повелевъ тебѣ сѣсти выше мене, никакоже послушалъ еси мене; вмѣсто бо еже единою услышавъ заповедь мою, не точію въ келліи моей, но аще быхъ восхотелъ, и въ трапезе предъ всею братіею повелевающую тебѣ сѣсти выше мене, подобаше тебѣ абіе отвергъ всю волю твою и разсужденіе, со смиреніемъ и страхомъ Божіимъ послушати мене; ты же трижды отъ мене повеленъ бывъ въ келліи моей точію сіе сотворити. Последуя воли твоей и разсужденію, паче же гордыни вражіей

лицемерне смиряяся и кланяяся[1], заповѣдь мою преслушалъ еси. Не имѣя убо послушанія и отсѣченія воли твоея, еже есть знаменіемъ истиннаго монашества, како дерзаеши просити мене принятъ быти во иночество? Не имущіи бо послушанія и последующіи воли своей и своему разсужденію нѣсуть достойни монашескаго образа». Таковая убо и многшая сихъ[2] изрекъ ко мнѣ словеса, и уразумѣвъ въ конецъ, ужасшася мене о семъ и съ веліимъ страхомъ предъ нимъ стояща и ничтоже вѣщающа; начатъ яко отецъ чадолюбивый со всякою любовію и кротостію глаголати ко мнѣ: «О, чадо возлюбленное, известно да вѣси, яко азъ любве ради Божія, желая души твоей спасенія сіе искушеніе на тебе наведохъ: ово, убо яко да во вся дни живота твоего сіе въ назабвенной памяти въ души твоей содержиши, ово же, да симъ уразумлю тебе и наставлю, яко истиннаго монашества начало, корень и основаніе есть истинное по Богу и по разуму Божественнаго Писанія и ученія[3] святыхъ отецъ послушаніе и совершенное воли своея и разсужденія оставленіе и умерщвленіе. И вси желающіи сподобитися монашескаго образа, якоже оставляютъ міръ и вся, яже въ мірѣ, тако должни суть оставити и всю волю свою и разсужденіе, и повинутися по Богу во всемъ настоятелю своему, даже до последняго своего издыханія, аки Самому Богу. Ты же, чадо мое, о искушеніи семъ, еже наведохъ на тебе, не малодушествуй, извещаваюся бо, яко не противяся мнѣ не дерзнулъ еси послушати мене. Но ово, не вѣдя еще силы Божественнаго монашескаго послушанія, ово же — и почитая мя, купно же и святый[4] и

---

[1] Слово «кланяяся» надписано другим почерком.

[2] Слово «сихъ» надписано другим почерком.

[3] Слова «и поразуму Божественнаго Писанія и ученія» надписаны другим почерком.

[4] Слова «и святый» надписаны другим почерком.

великій монашескій[1] образъ, егоже Богъ мя недостойнаго удостои. Сего ради буди прощенъ отъ Бога и отъ мене грѣшнаго».

Таже[2] начатъ мене вопрошати, гдѣ родихся, и не имамъ ли отъ кого возбраненія коего къ монашеству. Мнѣ же вся, яже о себѣ, вкратцѣ известившу, рече ко мнѣ: «Чадо мое возлюбленное, аще и молилъ мя еси и просилъ, да пріиму тебе монашества ради во святую сію обитель во святое послушаніе, но по извещенію твоему не дерзаю сего сотворити, да не како воспоследуетъ общее и намъ и тебѣ смущеніе, мати бо твоя уведевши, гдѣ пребываеши, можетъ тя съ повеленіемъ властей преудобно отсюду взяти. Сего ради о семъ не скорби, яко предреченныя ради вины не дерзаю тебе пріяти, но имѣя непременное о воспріятіи монашества желаніе, возложи все о себѣ на Бога попеченіе, и его помощію потщися проискати таковаго мѣста, въ немже ниедино ти будетъ къ монашеству возбраненіе; азъ же тя увѣряю, яко Богъ всемогущій, всѣмъ хотяй спастися, къ таковому мѣсту тебе наставитъ и желаніе твое въ самое произведетъ дѣло». Азъ же слышавъ сіе и самъ известно вѣдый, яко мнѣ въ той святѣй обители за предреченную вину пребывати невозможно. Болѣе уже не дерзнухъ о семъ моленіемъ моимъ святыню его утруждати. Но припадъ къ святымъ его ногамъ просихъ прощенія. Еже вкупѣ съ благословеніемъ вземъ, изыдохъ изъ келліи его. Еще же тамо мнѣ сущу, сподобихся святая его и душеполезная словеса къ единому брату изглаголанная услышати, стоя бо на дворѣ святыя тоя обители съ некими отцы призва единаго брата изъ послушниковъ. Бѣ же той братъ зѣло благоговеинъ, и рече къ нему: «Имамъ тя, брате, послати во

---

[1] Слово «монашескій» надписано другим почерком.

[2] Перед началом абзаца на поле пометка другим почерком: отступ:.

великій монастирь по обычаю нашему, отобранія ради харчевыхъ вещей и питія на цѣлую седмицу, сотвори убо подобающее приуготовленіе». Братъ убо сей приуготовався, якоже подобаетъ, и отверзъ врата двора[1] скитскаго, начатъ выѣздити. Началникъ же, увидѣвъ сіе, призва брата сего и рече къ нему: «Како дерзнулъ еси, окаянне, безъ благословенія моего отъѣздити, аще бы тебѣ приключилася, якоже мнозѣмъ и приключается, безвѣстная и внезапная на пути смерть, что бы возмоглъ еси отвещати Праведному Судіи въ день страшнаго Его втораго пришествія, отъѣхавъ безъ благословенія, не вѣси ли, колико великъ грѣхъ есть послушнику творити что безъ благословенія настоятеля своего?» Онъ же поклонився, рече къ нему: «Прости мя, отче, азъ съ твоимъ благословеніемъ отъехати хотѣхъ, ты бо мнѣ повелелъ еси поехати въ великій монастирь исполнити определенное мнѣ отъ тебе послушаніе». Настоятель же рече къ нему: «О окаянне, не доволно ли ти бѣ, яко впалъ еси во едину яму составленія воли твоея хотѣвъ отиехати на послушаніе безъ благословенія. Вмѣсто бо, еже изыти изъ нея, прося прощенія, и глаголя со смиреніемъ: «Прости», се впалъ еси и во другую яму словооправданія, горшую первыя. И, еже есть и горше сего, яко ни Бога бояся, ни человекъ срамляяся дерзнулъ еси къ свѣту примеситу тму и къ смиренію гордыню. Еже бо глаголати «Прости» — смиреніе есть, якоже учатъ насъ святіи отцы наши. А еже прилагати къ сему слову «Прости» словооправданіе — гординя есть, ученіе діаволе, и примешеніе свѣта ко тмѣ. Кое же общеніе, по Апостолу рещи, свѣту ко тмѣ?[2] Сего ради всякъ, пребываяй въ послушаніи, желая сподобитися монашескаго образа, долженъ есть во-первыхъ сіе начало житію своему

[1] Слово «двора» надписано другим почерком.

[2] В рукописи примечание (другим почерком): 2 Кор. 6, 14.

положити, аще будетъ или отъ настоятеля, или и отъ прочіихъ отецъ укоряемь, досаждаемь или и напаствуемь припадая къ ногамъ, со смиреніемъ глаголати «Прости», ничтоже къ сему прилагая, развѣ точію «Прости мя, отче святый, согрешихъ». А не якоже ты къ сему приложилъ еси словооправданіе». Таковая убо и многшая сихъ словеса слыша, благословенный онъ братъ стояше молча, дондеже преста глаголати настоятель, таже падъ къ ногама его, со слезами просяше прощенія. Настоятель же, яко отецъ чадолюбивый начатъ глаголати къ нему: «Намереніе мое бяше, чадо, послати тя на предреченное послушаніе, тѣмже призвавъ тя, повелехъ приуготовитися точію, а не и отездити, тебѣ же подобаше по приуготовленіи, взявъ от мене благословеніе, отъездити, таковъ бо есть чинъ монашескаго житія, ты же по неведенію, а не по презренію, хотѣлъ еси отъехати безъ благословенія. Такожде, и прося прощенія, по неведенію приложилъ еси словооправданіе и о семъ со слезами каешися и просиши прощенія, да будеши убо отъ Бога и отъ мене прощенъ и благословенъ». Поучивъ же его доволне о силѣ Божественнаго послушанія, отпусти на предреченное послушаніе радующася и прославляюща Бога. Азъ же, стоя нѣгдѣ не далече и слыша сія, зѣло спользовахся душею прославляя Бога, сподобившаго мя слышати таковая душеполезная словеса, и вмѣняхъ та быти глаголы живота вечнаго. Азъ же,[1] таже вземъ благословеніе отъ настоятеля и попростився съ предреченными послушники, изыдохъ отъ тоя обители со многою жалостію, яко не сподобихся тамо за предреченную выну[2] со святыми онѣми отцы и братіею пребывати. Пришедшу же ми въ домъ, идѣже пребывахъ, во обычномъ моемъ упражняхся устроеніи, ходя ко свя-

[1] Слова «азъ же» написаны в сноске (другим почерком).

[2] То есть: вину.

тымъ обителемъ и со други моими собираяся на собеседованіе прилично нашему намеренію. Наченшуся же школному ученію, по обычаю въ начале Септевріа месяця, бояся, да не како сотворится намеренію моему возбраненіемъ, оставивъ е, не хождахъ на не, но прилежне печахся, како быхъ возмоглъ въ приличное мѣсто изыти чернечества ради. Случися же тогда, по заключеніи мира[1], возвращающуся въ Россію воинству, приѣхати съ нимъ въ Кіевъ со всѣмъ и преосвященнѣйшему Кѵръ Антонію Митрополіту Молдавскому, иже пребываше во дворцѣ преосвященнейшаго Кіевскаго Митрополіта, нарицаемомъ Кудрявце, и, увидѣвъ единою въ святомъ Братскомъ Богоявленскомъ монастири предреченнаго Іеросхимонаха Пахоміа, познахъ его, яко своего во Іеромонаха рукоположенника. По благословенію Его преосвященства Кіевскаго Митрополіта, взя къ себѣ на Кудрявецъ. Къ немуже частѣ азъ, яко къ моему о Господе наставнику приходя, чрезъ него сподобляхся и благословеніе Его преосвященства получати, цѣлуя святую его десницу. И видя у Его преосвященства съ прочіими честными, всякаго почтенія достойными лицы іеромонашескаго сана, и неколикое число честныхъ юныхъ Іеродіаконовъ, кроткихъ и смиренныхъ, любовь по Бозѣ ко мнѣ имевшихъ, зѣло радовахся душею, паче же, егда сподобляхся, служащу Его преосвященству со всѣмъ освященнымъ своимъ клиромъ, слушати Божественныя Літургіи совершаемыя[2] молдавскимъ языкомъ. Коликія радости душа моя исполняшеся, услышавши и симъ благословеннымъ языкомъ Богу славословіе возсылаемо. И дивны судбы Божія, яко оттолѣ начатся въ души моей не мала любы къ благосло-

---

[1] Имеется в виду мирный договор России и Турции, подписанный по окончании войны 1735–1739 гг.

[2] В рукописи: совераемыя.

венному сему молдавскому языку и народу, и къ Богохранимой сей земли. И многшее къ странничеству и монашеству[1] возгорѣся въ души моей желаніе.

Въ таковомъ убо упражненіи мнѣ чрезъ зиму ту пребывающу, случися на концѣ Іаннуаріа месяца наити на мене и малому искушенію. Единъ отъ града моего, учивыйся въ школахъ, видя мене отложивша школное ученіе и сожалевъ о мнѣ, пойде къ началствовавшему тогда надъ школами Его Преподобію Сѵлвестру Кулябце, иже послежде бысть и Архімандритъ Братскаго Богоявленскаго, идѣже и училища, монастыря, таже и епископъ СвятоПетрограда. И сказа ему подробну о мнѣ, яко не хощетъ, рече, учитися. А мати его всуе точію полагаетъ на ученіе его иждивеніе.

Сія слышавъ онъ, посла двоихъ изъ школъ учениковъ привести мене предъ себе, пришедшу же мнѣ, начатъ жестоко истязовати мене, глаголя, яковыя ради вины оставилъ[2] еси школное ученіе, азъ же, аще и отъ естества зѣло бездерзновененъ сый, паче же, предъ таковыми лицы, паче устроенія моего, не вѣмъ, како, дерзнухъ ему отвещати, яко первая вина, еяже ради оставихъ внѣшнее ученіе, есть непременное мое намереніе быти монахомъ, еже бояся безвестнаго часа смертнаго, желаю, аще бы возможно было, яко наискорее, изшедъ въ таковое мѣсто, идѣже, Богу помогающу, возмоглъ быхъ и самымъ дѣломъ исполнити. Вторая же, яко отъ внешняго ученія не ощущаю въ души своей никоеяже ползы, слыша бо въ немъ частѣ воспомынаемыхъ боговъ и богинь еллинскихъ, и басни піитіческія, возненавидехъ отъ души таковое ученіе. Зане, аще бы и во внѣшнемъ ученіи учители употребляли словесъ Богоносныхъ Церкве святыя учителей, духовнаго разума отъ

---

[1] Слово «монашеству» надписано другим почерком.

[2] В рукописи: оставимъ.

Пресвятаго Духа научившихся, то сугубыя бы ползы духовнаго разума и внешняго ученія ученики сподоблялися[1]; а понеже, якоже напечатано есть во Алфавитѣ Духовномъ, «днесь не отъ Духа Свята, но отъ Арістотеля, Цицерона, Платона и прочіихъ языческихъ любомудрцевъ разума учатся, сего ради до конца ослепоша лжею, и прелстишася отъ пути праваго въ разуме, и словесъ точію изглаголаніи учатся: внутрь души мракъ и тма, на языцѣ же вся ихъ премудрость»[2]. То, по свидѣтелству сему, отъ таковаго ученія не ощущая въ души моей пользы, къ тому же и бояся, да не како отъ него, якоже и мнозѣмъ случается, впаду въ развращенный разумъ, оставихъ е. Третія же вина, разсмотрѣвая плоды сего ученія въ духовныхъ монашескаго чина лицахъ, яко аки нѣцыи мірстіи сановницы въ веліей чести и славѣ и всякомъ телесномъ покои пребываютъ, драгоценными ризами украшающеся и славно избранными конми и прекрасними[3] колесницами ѣздящи, не осуждая ихъ сіе глаголю, да не будетъ, но бояся и трепеща, да не како и азъ пребывъ доволное время во училищахъ и изучився внешняго ученія и ставъ монахомъ, не точію сіе немощи ради души моея, но и тмамы горшее постражду, впадъ во вся душевныя и телесныя страсти. Сія суть вины, ихже ради оставихъ внѣшнее ученіе. Онъ же, яко мужъ премудрейшъ, многа на сія изглаголавъ ко мнѣ словеса, исправляя мое невежество, и изъявляя, коль велику имать пользу внѣшнее ученіе, еяже ты, глагола ко мнѣ, аще доселе, якоже глаголеши и не ощущаеши въ души твоей, то нѣсть чудно, еще бо ты до болшихъ ученій не доспѣлъ еси, по времени же достигъ до тѣхъ, и самою

---

[1] В рукописи: сподблялися.

[2] Алфавит Духовный свт. Димитрия Ростовского. М., Правило веры, 1998, л. 16 об.

[3] Слова «конми и прекрасними» надписаны другим почерком.

вещію познавъ тѣхъ великую пользу, возрадуешися, и прославиши Бога, избавився отъ таковаго невежества, въ которомъ нынѣ пребываеши. И многая симъ подобная изглаголавъ ко мнѣ словеса, всяцѣмъ образомъ побуждая мене ко школному ученію, наконецъ, егда увидѣ, яко отнюдъ не прекланяхся къ его увещанію, но стояхъ въ моемъ упрямстве. Зѣло оскорбися, и хотѣ за сіе мене жестокимъ біеніемъ наказати. Азъ же, разсмотревая крайнюю свою всегдашнюю телесную немощь и бояся, да не како біеніемъ и премалаго своего лишуся здравія, и не хотя повинухся воли его разсуждая, яко таковое творимое мнѣ насиліе на мало время будетъ. Дождавшу бо ми, Божіимъ изволеніемъ, лѣта, всесовершенне свободенъ буду въ намереніи моемъ безъ всякаго возбраненія. И прохождахъ школное ученіе единаго ради точію обычая, не имѣя въ немъ ниединаго успеянія. Пришедшу же лѣту, оставивъ е, отъѣхолъ есмь къ матери моей въ Полтаву, яже, егда увидѣ мене, неизреченныя радости исполнися со слезами благодарящи Богу, яко по дволетнемъ времени едва дождалася увидѣти мене. Такожде и азъ зѣло возрадовахся, сподобився Божіею помощію узрети ю. Зѣло бо по Бозѣ любяхъ ю и почитахъ, яко матерь мою. Пребывая убо въ дому моемъ, упражняхся въ чтеніи книхъ[1] святыхъ. Имѣяхъ же у себе и нѣкая словеса зѣло душеполезная къ ревности Божіей и къ подвигу монашескому душу возбуждающая, яже въ Кіевѣ пребывая и взымая книги отеческія отъ предреченнаго Іеросхимонаха Пахоміа, выписахъ изъ нихъ на пользу души моей, яже частѣ читая, не малое поощреніе имѣхъ къ монашескому житію.

Имѣяхъ же и друга единодушнаго изъ предреченныхъ моихъ друговъ, такожде изъ училищъ Кіевскихъ къ матери своей въ Полтаву приехавшаго именемъ Ді-

[1] Так в рукописи.

митріа, иже въ Кіевѣ со мною и въ единомъ дому доволное преживе время. Съ нимъ же, частѣ бо ко мнѣ прихождаше, собеседованіе наше и совѣтъ нашъ ни о чесомже тако бываше, якоже о томъ, кіимъ бы образомъ возможно было намъ монашества ради не точію изъ міра, но и изъ отечества нашего въ странничество изшедшымъ, пожеланію нашему сподобитися святаго сего образа. Въ сихъ убо упражняющуся мнѣ, умыслихъ о намереніи моемъ и матери моей совершеннее объявити, яже аще и давно уже вѣдяше о семъ, но отчасти, и сего ради надѣяшеся, яко азъ по окончаніи, аще и не совершеннемъ, школнаго ученія, оставивъ предложеніе мое о чернечестве и по закону хрістіанскому оженився и священникомъ яко наследникъ отца моего ставъ, буду о ней, яко о матери моей подобающее имѣти попеченіе, и она будетъ имѣти мене старости своей подпору и желаемое утешеніе, паче же всего зѣло желаше, да не испразнится и родъ нашъ: дванадесять бо чадъ имеяше ихже всѣхъ, кромѣ мене единаго предпосла ко Хрісту, азъ же изъ нихъ единъ точію остахъ и тѣй въ старости на нѣкое по Бозѣ и дому окормленіе и утешеніе, и наследія ради и дому нашего Величковскихъ уже не оставшагося на возставленіе. Такову убо имеющей тѣй надежду, егда известихъ ей непременное мое о чернечестве намереніе, неудобно изрещи, якова печаль и скорбь постиже душу ея, сетоваше бо и тужаше, многажды же и плакаше, и со слезами мене увещаваше не оставити ея, не оставити же истребитися и дому нашему, еже неизбежно последовати имать (якоже и последова) изшедшу тебѣ, рече, изъ міра въ чернечество. Видя же азъ такову ея печаль и скорбь, аще и зѣло имѣя къ ней, яко къ матери моей любовь, соболезновахъ о ней душею, но обаче въ намереніи моемъ пребывая непреклоненъ. Увещахъ ю по силѣ моей, прося и моля не скорбети о немъ чернечества намереніи, но паче радоватися о семъ и веселитися и

прославляти Бога, давшаго мнѣ Своею благодатію таковый помыслъ и на Его всемогущій промыслъ всю о своемъ окормленіи имѣти надежду.

Увидѣвъ же, яко отнюдъ не можаше утешитися, но день отъ дне къ болшей еще прилагашеся скорби. Известихъ о намереніи моемъ и о скорбѣ ея духовнику моему, иже советова мнѣ утешенія ради матере моея, яко да не предастъ себе въ болшую печаль, беседовати съ нею смотрителне, аще и поверхнимъ образомъ по ея воли. Пріемъ убо отъ духовника моего таковъ совѣтъ, тако и последовахъ, не дерзая уже болѣе о предложеніи моемъ тѣй воспоминати, но беседовахъ къ ней таковая словеса, яже угодна ей бяху и утешаху душу ея. Извещавахъ бо ей, яко подобаетъ мнѣ первѣе окончати школное ученіе, яко да не буду крайній невежда, не могій къ народу Хрістіанскому и единаго проглаголати слова, но да буду не точію во священстве, но и во ученіи, елико мощно будетъ мнѣ, прадѣда и дѣда, отца же и брата моего наследникъ, иже бывше учени въ проповеди слова Божія труждахуся. Таже, по окончаніи ученія, аще Богъ возблаговолитъ, то удостоитъ и мене, аще и недостойнаго, якоже степене ихъ, тако и труда въ проповеди ученія Хрістова. Таковая убо и подобная симъ словеса слышавши отъ мене мати моя, не малу пріемляше въ души своей отъ печали оныя отраду, надеяшеся бо, яко по времени исполнится ея желаніе.

Пришедшу же времени ученія школнаго, начахомъ съ предреченнымъ другомъ моимъ Дімитріемъ подобающее ко отѣзду въ Кіевъ творити уготовленіе, по поверхнему убо образу, акибы ученія ради, самою же вещію, исполненія ради намеренія нашего, и егда вся уже готова бяху и хотяхомъ отъездити Божіими неисповедимыми судбами, впадохъ въ недугъ трясавичный, и отнюдъ не возмогохъ, аще и вседушне желахъ, вкупѣ со другомъ моимъ отъехати. Сотворихомъ убо съ нимъ таковъ съ

великимъ утвержденіемъ совѣтъ, яко да онъ прежде мене отъѣхавъ и приѣхавъ[1] въ Кіевъ, всеприлѣжно произыщетъ образа, како бы намъ возможно было изъ отечества нашего изыти, яко да приѣхавшу и мнѣ, готовъ нашъ исходъ безъ всякаго закоснѣнія будетъ. Моего же приѣзда, аще бы и случилося мало что недуга ради укоснети, всенадеждне да ожидаетъ, ничтоже о недузе моемъ усумневаяся, но всю надежду о оздравленіи моемъ со мною на всемогущаго Бога да имать. Вспять же, въ Полтаву, малаго ради моего закосненія, никакоже да возвращается, но всенадеждне, якоже рѣхъ, и всерадостне, моего къ себѣ приѣзда да ожидаетъ. По сему убо совѣту нашему другъ мой отъѣде въ Кіевъ, азъ же остахъ въ дому несумненно надеяся на него, яко совѣтъ нашъ произведетъ въ дѣло. Таже Божіимъ милосердіемъ въ малѣхъ днехъ получивъ здравіе и приуготовився, якоже подобаетъ, отъѣхалъ есмь въ Кіевъ и азъ, провождающей мене матери моей даже до града Решетиловки, отстоящаго отъ града нашего Полтавы тридесять верстъ, пренощеваше[2] же тамо, отъѣхолъ есмь въ путь мой и еще мало проводившей мене матери моей; таже остановихомся мало на единомъ мѣстѣ. И начатъ мати моя, аки бы уведевшая, яко уже отхожду отъ нея невозвратнымъ отхожденіемъ, и яко уже болѣе въ жизни сей маловременней мене не узритъ, со многими слезами глаголати ко мнѣ, прося мене и моля, и всяцѣмъ образомъ увещавая не оставити ея, но пребывати во ученіи школнѣмъ до подобающаго времене. На всякое же лѣто приездити къ ней по обычаю, да поне на малое время виденіемъ мене имать отраду въ души своей. Такожде и азъ, видя ея таковыя неутешимыя слезы и известно вѣдая, яко уже болѣе ея въ жизни сей не имамъ узрети, отъ естествен-

[1] Слова «и приѣхавъ» надписаны другим почерком.

[2] Вероятно, описка. Надо: пренощевавше.

ныя моея къ ней любве плакахъ и рыдахъ и припадая къ ногамъ ея, просяхъ матерняго ея прощенія и последняго благословенія, частѣ со слезами лобызая святую ея десницу и утешая ю, аще и смотрителне по предреченному наставленію духовника моего благопріятными ей словесы. И тако, получивъ на путь матернія ея молитвы и благословеніе, разыдохомся: она убо отъѣде въ домъ свой, плачя купно же и утеша себе, надежду нѣкую имѣя отъ словесъ моихъ о моемъ къ ней повиновеніи; азъ же отъѣхалъ есмь въ путь мой, аще и зѣло сожалея о матери моей, помышляя будущею неудобьстерпимую печаль и скорбь души ея о моемъ невозвратномъ уже отъ нея отшествіи, обаче и радуяся и прославляя Бога, несумненную на Него надежду имѣя, яко благодатію Своею сподобитъ мене намереніе мое самимъ дѣломъ исполнити. Съ таковымъ убо веселіемъ душевнымъ едущу мнѣ путемъ моимъ, се, паче всякаго чаянія, узрѣхъ друга моего съ некими людми на возахъ ихъ съ Кіева вспять возвращающагося и зѣло ужасохся душею о вещи нечаянной, такожде и онъ, увидѣвъ мене, весма устыдеся, и поздравихомъ другъ друга по обычаю, остановившымся же мало людемъ тѣмъ. Поемь его особь, начахъ съ великимъ сожаленіемъ истязовати его, почто тако сотворилъ есть, и совѣтъ нашъ съ толь превеликимъ утвержденіемъ соделанный, почто тако преудобно безъ всякія вины разорилъ есть. Онъ же, аще и съ не малымъ стыденіемъ, начатъ извинятися, глаголя ко мнѣ: «Яко егда, — рече, — по совѣту нашему приѣхалъ есмь въ Кіевъ, оставивъ тебе въ дому болна, и пребывъ тамо неколико дней недоумеяхъ, что творити: начинати ли усоветованное нами дѣло или ни, и тако возмалодушествовавъ и помысливъ, яко ты негли и многое время пребудеши въ недузе томъ и не возможеши вскорѣ приехати въ Кіевъ ко мнѣ, умыслихъ возвратитися во градъ нашъ, ово да увижду тебе, како обретаешися, и аще обрящу тебе еще болна, то

ожидаю здравія твоего. Аще ли же здрава, то вкупѣ уже съ тобою да отъѣду въ Кіевъ. Ово же да увижду и еще единою превозлюбленную мою матерь. И увидѣвъ хрістолюбцевъ сихъ, возвращающихся во градъ нашъ, умолихъ ихъ и мене взяти съ собою. И се есть вина моего въ домъ мой возвращенія». Азъ же рѣхъ къ нему: «Подобаше ти, превозлюбленный друже, долготерпеливне[1] ожидати моего къ тебѣ приѣзда, се бо по малѣхъ днехъ приѣхалъ быхъ къ тебѣ, но понеже возмалодушествовъ[2], мене ради наипаче возвращаешися, и помощію Божіею обрѣлъ мя еси на пути ѣдуща къ тебѣ, то убо, оставивъ другую вину въ домъ твой возвращенія, яко отнюдъ не нуждну, еже и еще единою увидѣти матерь твою, забравъ вещи твоя, яже имаши на возахъ, сѣдай въ возъ мой, зане пространенъ есть и зѣло преудобне можетъ вместити насъ обоихъ и тако со всякою радостію отъѣдемъ въ путь нашъ, и уже Богу споспешествующу, безъ всякаго препятствія исполнимъ намереніе наше». Онъ же, паче чаянія моего, таковъ мнѣ даде отвѣтъ: «Понеже толь уже близъ града нашего обретаюся, убо не возбраняй ми, молю тя, въ домъ мой отъѣхавъ, увидѣти матерь мою и сподобитися отъ нея последняго уже на путь сей матерняго благословенія, еже получивъ, абіе безъ всякаго закосненія приѣду къ тебѣ, уповаю же, яко и на пути тебѣ еще сущу, постигну тя». Азъ сіе отъ него паче надежды моея услышавъ, ужасохся душею моею, помышляя, коль силна есть любы родителей и міра сего, яко и толь долговременную ревность и раздеженное къ монашеству желаніе возможе въ превозлюбленнемъ моемъ друзѣ въ конецъ угасити. И начахъ молити его прилежне послушати мене, еже не отъездити къ матери своей,

---

[1] В рукописи «многотерпеливне», но буквы «мно» зачеркнуты и надписано (другим почерком) «долготерпеливне».

[2] Так в рукописи.

но со мною въ путь нашъ поехати, егда увидѣхъ его, яко отнюдъ не восхоте мене о семъ послушати. Начахъ съ болѣзнію души моея глаголати къ нему: «О, превозлюбленный друже, се, якоже вижду, отъ невниманія твоего угасе въ души твоей ревность Божія къ толь треблаженному и святому монашескому образу. Понеже матерь твою и міръ сей возлюбилъ еси, паче Хріста истиннаго Бога нашего, міръ убо сей свяжетъ тя нерешимыми узами, яко и раскаявшуся тебѣ по времени и восхотевшу изъ него изыти не будетъ возможно, зане и никомуже тя понуждающу, самоизволне поймеши жену и оплетешися о ней и о дѣтехъ твоихъ мірскими попеченми и въ мірѣ житіе твое скончаеши не сподобився монашескаго образа».

Онъ же на сія рече ко мнѣ: «И кто мя возможетъ удержати въ мірѣ, имущу намереніе непременное къ монашеству, міръ ли сей, или любы, яже къ нему якоже глаголеши, или къ матери моей, да не будетъ. Зане удобнѣе претерпелъ быхъ и смерть, нежели изволилъ быхъ повинутися возбранити мя хотящымъ отъ монашескаго образа, но и возбраняющаго къ сему не имамъ, якоже и самъ вѣси, никогоже. Еще же и медлети въ мірѣ нѣсть ми нужды ниединія, да коснѣніемъ моимъ въ немъ возможетъ мя въ себѣ удержати. Но точію вземъ благословеніе отъ матере моея, абіе къ тебѣ возвращуся». Егда же увидѣхъ его въ непременной воли своей и непослушаніи совѣта моего непреклонне стояща не имѣя уже болѣе о семъ въ немъ[1] надежды, яко да повинувся мнѣ, отъѣдетъ вкупѣ со мною. Таковое къ нему последнее слово изрекохъ: «О, превозлюбленный мой друже, да будетъ и тако, якоже глаголалъ еси, яко никтоже тя возможетъ удержати въ мірѣ, но безъ всякаго закоснения возвратишися ко мнѣ. Азъ же тебѣ, якоже

[1] Слово «внемъ» написано на полях (другим почерком).

прежде, тако и нынѣ глаголю, яко и никомуже тя понуждающу, любы сія тайная къ міру, юже имаши безъ познанія въ души твоей, та тебе удержитъ въ мірѣ неисходна даже до смерти твоея. И вѣру ми ими, яко уже болѣе до последняго издыханія твоего въ жизни сей не узриши мене никогдаже. Азъ же отнюдъ болѣе уже не ожидая тебе пойду въ путь мой идѣже мя Хрістосъ Господь Спаситель мой наставитъ». И тако, целовавше другъ друга последнимъ уже целованіемъ и попростившеся, разыдохомся. Онъ убо отъѣде въ домъ свой, азъ же путемъ моимъ идый печаловахъ до зѣла и сетовахъ о лишеніи любимаго друга моего, егоже презавидливый міръ сей разлучилъ есть отъ мене. Приѣхавъ же въ Кіевъ, отпустихъ вспять съ возомъ къ матери моей привезшаго мя, написавъ къ ней, яко Божіею помощію и ся матерними молитвами благополучно приѣхалъ есмь въ Кіевъ. Таже прилежно начахъ помышляти, что сотворю и гдѣ пойду. И пріиде ми помыслъ пойти въ Богохранимый градъ Черниговъ, къ духовному моему по Бозѣ наставнику предреченному отцу Пахомію Іеросхимонаху: тамо бо тогда съ преосвященнейшимъ Кѵръ Антоніемъ Митрополітомъ пребываше, да отъ него совѣтъ душеспасителный пріиму, гдѣ пойти идѣже быхъ моглъ удобнѣ намереніе мое исполнити. Наченъ убо о семъ прилежное попеченіе имѣти, обретохъ единаго изъ школъ, сына священника некоего изъ Новгородка Северскаго, имевшаго намереніе возвратитися ко отцу своему въ Новгородокъ Сѣверскій чрезъ Черниговъ. Наняше убо единаго стараго человека, да отвезетъ насъ въ Черниговъ водою. И купивше потребная на путь, всѣдше въ ладію его. И призвавше Бога на помощь, отпустихомся отъ брега, и преехавши рѣку Днѣпръ, внидохомъ въ рѣку Десну надъ нею же стоитъ Черниговъ. И пловяхомъ рѣкою оною въ гору и едва съ великимъ трудомъ чрезъ

десять дней приплихомъ къ невеликому граду, нарицаемому Остеръ. И кто можетъ изрещи нужду нашу пачеже мою, юже претерпехъ въ пути семъ. Первое, отъ хлада: бяше бо мѣсяцъ Октоврій и зѣло тогда хладно бяше, бывшіи убо со мною имеяху доволну одежду и не бяше имъ толикія нужды, азъ же вся оставивъ въ Кіевѣ, едва что взяхъ изъ одежды, трясахся убо всегда отъ хлада, паче же, егда дождь идяше со снѣгомъ и всего мене омокаше, аще же въ нощи, извлекаше ладію далече отъ брега, и великій возгнещша огнь, зѣло бо всюду премножество бяше дровъ, мало и согревахся, но и то не совершенно. Греяся бо отъ единыя страны, другая отъ хлада померзаше, и тако всю нощь обращаяся ко огню, едва мало можахъ уснути. Спутницы же мои, имуще одежды доволно, спаху съ покоемъ. Второе, труда ради, въ гору бо воды ладіею пловуще непрестанна нужда бяше веслами гребсти, спутницы убо мои несравненно силнши отъ мене суще, удобнѣе трудъ сей можаху носити; азъ же отъ естества немощенъ сый тѣломъ и отъ рожденія ниединаго труда имѣвый, выше силы моея труждахся, яко отъ таковаго труда и все тѣло мое, паче же руцѣ и нозѣ мои, безмерне, аки отъ зѣлна біенія, боляху. Третіе, отъ пребезмернаго нападенія вошей, еже самъ азъ точію страдахъ, спутниковъ моихъ Богу отъ сего покрывшу. По всемъ тѣлѣ бо моемъ подъ одеждою множество безчисленное вошей имѣхъ, и всякія нощи, егда крѣпцѣ спутницы мои спаху, струшовахъ одежду мою надъ огнемъ, и тако отъ нихъ свобождаяся на мало время покой отъ нихъ обретахъ. Четвертое, еже и болшее всѣхъ, страха ради потопленія, ладія бо та, въ ней же пловяхомъ, толь мала бяше, яко едва можаше тріехъ насъ сдержати, на три точію или четыри персты верху воды пловущи. Егда же бываше волненіе на рѣцѣ, то множицею вливашеся въ ню и вода, юже прилежне выливающе изъ ладіи, тако

приобретахомъ себѣ спасеніе отъ потопленія. Единою же случися посреде рѣки възъехати на мелину, на нейже мало не опровержеся со всѣмъ ладія наша, намъ же выскочившымъ въ воду на мелину ту до колѣнъ во одеждѣ и ставшымъ на пѣсцѣ, держаще ладію нашу, выливахомъ изъ нея воду. Песокъ же онъ отъ быстротеченія речнаго выривашеся изъ подъ ногъ нашихъ и пореваше насъ въ низъ рѣки. Егда посмотрехомъ внизъ[1] рѣки, абіе мало нижае насъ узрѣхомъ превеликую глубину рѣчную, къ нейже за непостоянство песка приближахомся. И великъ страхъ и трепетъ нападе на насъ, яко абіе пожретъ насъ глубина водная, и отъ великаго страха мало изъ ума не изступихомъ, Богу же благодатію Своею призревшу на ны, мало дерзновеніе воспріемше, возопихомъ къ другъ другу, въ гору рѣки поступити по мѣлинѣ той. И тако, съ великимъ трудомъ быстрины ради рѣчныя, егдва[2] возмогохомъ отступити въ гору отъ пропасти оныя, влекуще горѣ и ладію съ собою, изъ неяже выливше воду, едва возмогохомъ всѣсти въ ню. И тако милостію Божіею спасохомся отъ потопленія. Приближающымся же намъ къ предреченному граду Остру, стоя на брезѣ единъ хрістолюбецъ именемъ и прозваніемъ Данило Шатило, зряше на ны, како ладія съ нами мало не погружашеся. Изшедшымъ же намъ наземлю, начатъ глаголати къ человеку, съ нимже отъ ладіи изыдохомъ: «Како ты, человече, Бога не убоявся, поднялся еси юношъ сихъ тако малою ладіею въ толь далекій путь по таковой великой рѣцѣ везти? Ты бо старъ уже сый и поживъ многа лѣта въ мірѣ семъ нерадиши о смерти твоей, сихъ же юношъ младыхъ еще сущихъ, не грѣхъ ли тебѣ безвременной потопленіемъ въ водѣ предати смер-

[1] Слово «внизъ» надписано (другим почерком) над зачеркнутым словом «близъ».

[2] Вероятно, описка. Надо: едва.

ти? За сіе не точію нѣси достоинъ за трудъ твой мзды, но по правдосудію достоинъ еси жестокаго наказанія, яко губитель жизни человеческія». Таковая и подобная симъ рекъ къ нему словеса, введе насъ въ домъ свой близъ рѣки стоящій и упокои насъ всякимъ упокоеніемъ неколико дней. Мы убо человеку оному спутникъ мой полъ найма точію, яко за полъ пути, азъ же, отай его, цѣлъ наемъ, яко да не скорбитъ, давше, отпустихомъ съ миромъ. Хрістолюбецъ же онъ обрѣтъ нѣкихъ великихъ дубовъ[1] ѣдущихъ въ Черниговъ, давъ за ны наемъ, умоли ихъ взяти насъ съ собою, иже со всякою радостію пріяша насъ. Поблагодарившe убо хрістолюбцу оному за его къ намъ милосердіе, вседохомъ въ дубъ онъ и отплыхомъ ко граду Чернигову съ великимъ упокоеніемъ. Везущіи бо насъ, хрістолюбиви суще, не искаху отъ насъ ниединія помощи, пищу намъ и всякъ покой подающе, но и въ семъ пути мало не случися намъ внезапная смерть: единою бо пловущымъ намъ подъ высокимъ брегомъ ощутивше везущіи насъ, яко хощетъ отвалитися на дубъ нашъ великая часть земли, скоро потщашася въ гору погнати дубъ, и яко точію преидоша мѣсто оно, абіе отвалися земля въ воду и премалою частію удари по кормѣ и мало не превратися дубъ нашъ, и зѣло вси ужасшеся, прославихомъ Бога, спасшаго насъ отъ смерти, и оттоле уже не дерзаху близъ таковыхъ бреговъ ехати. По малѣхъ же днехъ приставше къ Чернигову, изыдохомъ на брегъ поблагодарившe хрістолюбцемъ онѣмъ. Такожде и со спутникомъ моимъ попростившеся разыдохомся. Онъ убо отъиде въ путь свой, азъ же, вшедъ въ градъ, внидохъ во святую епископію и обрѣтъ духовнаго моего наставника и отца, Іеросхимонаха Пахоміа, зѣло возрадовахся душею целовавъ святую его десницу, иже приведъ мя въ келлію свою препокои неколико дней. Об-

[1] Дубъ — долбленая лодка.

рѣтъ же азъ приличное время, прилежне молихъ его подати мнѣ наставленіе, гдѣ быхъ возмоглъ удобнѣе преити за предѣлъ въ странничество, идѣже сподобился быхъ святаго монашескаго образа. Онъ же, преклонился на мое моленіе, таковъ мнѣ преподаде совѣтъ, глаголя ко мнѣ: «Аще хощеши, брате, отъ всего усердія твоего изыти изъ отечества нашего за предѣлъ въ странничество удобнѣшаго ради полученія монашества, то пойди во святый монастирь Любецкій не далече отстоящій отъ града Любеча, отечества преподобнаго отца нашего Антоніа Печерскаго, въ немже обрящеши всечестнаго Іеросхимонаха отца Іоакима. Иже, не разумея силы словесъ евангелскихъ: "Аще соблажняетъ тя рука твоя, отсецы ю"[1], акибы храненія ради чистоты, по мнимой ревности, лѣвыя руки своея отсѣче четыри персты, той тебе имать наставити о семъ, зѣло бо есть искусенъ. Еще же и монастырь той обрѣтается надъ Днѣпромъ на самихъ предѣлѣхъ и удобно будетъ тебѣ оттуду намереніе твое исполнити: пожди убо до днѣ, воньже торгъ собирается, и обрѣтъ тогда человека, имущаго тя отвезти къ Любечу, возвести ми». Азъ же, по заповеди его, во время торга изшедъ, едва обретохъ единаго человека изъ некоего села, еже бяше на половине пути онаго и наняхъ его отвезти мя до онаго села въ домъ свой. И шедъ возвестихъ о семъ его святыни. Онъ же, сожалевъ о мнѣ, яко не возмогохъ найти человека изъ самаго града Любеча, иже бы отвезлъ мене тамо съ собою, обаче благодушествовати о семъ повеле, рекъ ко мнѣ: «Не скорби о семъ, брате, силенъ бо есть Господь безбедно тебе довести до святаго монастиря онаго». Азъ же, припадъ къ ногамъ его и последнее отъ него благословеніе вземъ, отъидохъ въ путь мой съ человекомъ онѣмъ, иже привезъ мене въ домъ свой, упокои. Во утріе же прилежно молихъ его отвезти

[1] В рукописи приписано на полях (другим почерком): Мк. 9, 43.

мене въ предреченный монастирь, бояся самъ ити въ таковый путь, но отнюдъ не возмогохъ его о семъ умолити. На единаго убо Бога возложивъ надежду, яхся пути онаго со многимъ страхомъ, бяше бо путь онъ сквозѣ великія лѣсы, и зѣло бояхся звѣрей, но Богу покрывающу мя безбедно преидохъ путь той. И изшедъ на чистое поле, узрѣхъ издалече градъ Любечъ и монастиръ, яко за три версты отстоящій отъ града, и зѣло возрадовахся душею. Приближающуся же мнѣ къ монастирю, узрѣхъ отъ самаго града рогатки[1] поставлены даже до Днепра рѣки, и стражу стоящу, за неюже бяше монастирь. И объемшу мя страху, недоумѣяхъ, что творити: не имѣяхъ бо ниединаго о мнѣ, кто есмь и откуду писменнаго свидѣтелства, и бояхся, да не како отъ стражи удержанъ буду. Моляхся убо отъ всея души Богу, да имиже вѣсть судбами покрыетъ мя отъ таковаго искушенія, и помалу идяхъ ко стражи. И се, промысломъ Божіимъ паче надежды моея, узрѣхъ единаго честнаго монаха изъ града идуща къ монастирю по другой странѣ рогатокъ, иже пришедъ близъ стражи, ста, взирая на мене. Егдаже приближихся къ стражи, вопросиша мене стрегущіи: «Откуду еси?» Онъ же, абіе, прежде мене къ нимъ отвеща, аки со удивленіемъ: «Что вопрошаете его откуду есть, еда ли не вѣсте, яко послушникъ есть монастирскій и се нынѣ отъ послушанія возвращается въ монастирь». Они же слышаще сіе, оставиша мя свободно пройти. Пришедъ же къ честному оному монаху, поклонихся ему и уразумевъ, яко есть Іеромонахъ, целовахъ святую его десницу и благодарихъ ему за таковую его любовь, и прославихъ неизследный промыслъ Божій, покрывшій мя отъ таковаго искушенія. Честный же той Іеромонахъ, именемъ Аркадій, поемъ мя съ собою, введе во святую обитель ону, таже и въ келлію свою до пришествія Игу-

[1] Рогатка, рогатки — пограничный пост.

менова, зане отшелъ бѣ нѣгдѣ потребы ради монастирскія. Введъ же мя въ келлію, беседоваше ко мнѣ словеса душеполезная даже до пришествія Игуменова, и желаше, аще бы воля Игуменова была и при келліи своей мене имѣти, такожде и азъ, видя его мужа духовна и благоразумна и страха Божія исполненна, желахъ, аще бы возможно было, жити при немъ, душевнаго ради наставленія. Пришедшу же во обитель отцу Игумену, показа ми его изъ келліи чрезъ окно, глаголя ко мнѣ: «Се, отецъ Игуменъ нашъ стоитъ посреде монастиря. Посмотри, брате, тако ли и у васъ въ Кіевѣ Игумени ходятъ?» Посмотревъ же его, увидѣхъ украшена сединами въ толстой черной свитѣ стояща, и удивихся зѣло смиренію его, яко, Игуменъ сый, такову нищетну одежду носитъ: зане от рожденія моего не случися мнѣ видѣти инѣхъ Игуменовъ, тако нищетне облеченныхъ. Таже, предреченный отецъ облекся въ расу и поемъ мене, приведе ко отцу Игумену, падъ же азъ на нозѣ его, прошахъ благословенія. Онъ же, благословивъ мя по обычаю, вопрошаше мя глаголя: «Откуду еси, брате, и кое тебѣ имя, и чесого ради пришелъ еси во обитель нашу?» Азъ же отвещахъ къ нему, яко есмь отъ Кіевскія страны, и пріидохъ во святую обитель сію на послушаніе, имя же ми есть Петръ. Онъ же, слышавъ сіе, зѣло возрадовася, и рече ко мнѣ: «Благодарю премилосерднаго Бога, яко посла тебе къ намъ на послушаніе. Се бо имеяхомъ доселе единаго послушника, полатное послушаніе[1] проходяща, именемъ Петра, иже прежде двоихъ дней отъиде уже отъ обители; тебѣ убо, тожде имя имущему, сіе послушаніе вручаю». Честный же онъ Іеромонахъ слышавъ сіе, удивися и рече ко Игумену: «Отче святый, се братъ сей нынѣ пріиде во обитель и отнюдъ не вѣсть обычая

[1] Полатное послушание — келарское послушание, заведование складом.

монастирскаго. Аще убо благоволиши, то да пребудетъ при моей келліи, поне до времене дондеже поне мало распознаетъ послушанія монастирская, имѣя нѣкое наставленіе отъ мене, и тогда, яковое восхощеши, определиши ему послушаніе». Онъ же отвеща къ нему: «Аще быхомъ имели, брате, послушника некоего угодна на сіе послушаніе, то съ радостію исполнилъ быхъ твое прошеніе. А понеже, якоже и самъ видиши, не имамы таковаго, то убо сего брата, аще и нынѣ пришедшаго, по необходимой нуждѣ, на сіе послушаніе определяю». Честный же онъ Іеромонахъ слышавъ сіе поклонися и отъиде въ келлію свою. Игуменъ же, повелевъ оттворити полату, введе мя въ ню и показа ми вся, яже въ ней, и весь чинъ послушанія сего, по коей мѣрѣ должно выдавати изъ нея поварямъ потребная на трапезу братіи, и гделибо подобаше, сирѣчь, вариво, рыбу, олѣю, муку, крупы, и прочая. И даде ми и ключи от нея. Азъ же, припадъ къ ногама его, взяхъ отъ него благословеніе. Повеле же ми и въ келліи жити не далече отъ себе, идѣже въ коморце ея живяше пречестный отецъ предреченный Іеросхимонахъ Іоакимъ, азъ же съ единымъ старымъ монахомъ и единымъ послушникомъ въ великой келліи пребывахъ. Прохождахъ убо послушаніе сіе со усердіемъ, аще и отнюдъ превыше силы моея бяше. На всякъ бо день многажды не единократно и многократно сънимахъ съ варива претяжкое каменіе, имже то нагнеташеся, и возлагахъ на не, поднимая то чрезъ силу мою съ превеликимъ трудомъ. И отъ сего наипаче и тое мое малое здравіе, еже имѣхъ, зѣло повредихъ. Сказати же о семъ отцу Игумену отнюдъ не дерзахъ, но елико можахъ претерпевахъ трудъ сей со благодареніемъ, моляся Господеви укрепити мя. Проходя же сіе послушаніе въ мірской оной одеждѣ, въ нейже во обитель внидохъ, зѣло желахъ черныя одежды, и едва возмогохъ стяжати

расу[1] съ чернаго простаго[2] сукна, въ нюже облекаяся не вѣдяхъ, что творити отъ неизреченныя радости. По времени же, преставлшуся ко Господу старому оному монаху, иже пребываше со мною, остася по немъ сподняя едина одежда изъ сераго сукна толстая, юже призвавъ мя Игуменъ даде ми глаголя: «Аще угодна тебѣ есть сія одежда, то носи ю». Азъ же, поклонився ему, взяхъ отъ него благословеніе и пришедъ въ келлію свою, совлекохся и споднія моея мірскія одежды, и облекохся въ сію данную мнѣ отъ Игумена съ толь великою радостію, яко многократне и целовахъ ю, аки вещь нѣкую святу, и ношахъ ю всегда, дондеже содрася на мнѣ. Благодаря Богови, яко вмѣсто мірскія одежды юже дотоле ношахъ, сподоби мя одежды монастирю приличныя, въ ней же ходя, съ радостію прохождахъ определенное мнѣ послушаніе. Во время утрени начиная то и поздѣ въ вечеръ скончавая. Въ нощи же, въ келліи пребывающу ми, зваше мя некогда на чтеніе правила своего келейнаго предреченный честный Іеросхимонахъ Іоакимъ, егоже ради наипаче во обитель ону и пріидохъ, да пріиму отъ него совѣтъ и наставленіе о намереніи моемъ, но отнюдъ не посмехъ ему о томъ объявити, аще на сіе и время угодное обретахъ, но точію о томъ на единаго Бога возлагахъ всю мою надежду. По некоемъ же времени определи его Игуменъ на житіе во единъ скитъ монастирскій преподобнаго отца нашего Онуфрія великаго, яко пять верстъ отъ монастиря отстоящій, коморку же ту, въ нейже онъ живяше, мнѣ даде. Единою же, призвавъ мя, даде мнѣ книгу, преподобнаго отца нашего Іоанна Лествичника расположенную на седмьдесять поученій, глаголя ко мнѣ: «Возми, брате, книгу сію и прилежно со вниманіемъ чти ю, и наставляйся на святое послушаніе, и на

[1] То есть: рясу.

[2] Слово «простаго» надписано другим почерком.

всякое дѣло благое, зане зѣло душеполезна есть». Азъ же, по обычаю поклонився ему до земли, и целовахъ святую его десницу, взяхъ отъ рукъ его книгу ону съ неисповедимою радостію, удивляяся о любви его[1], яже по Богу ко мнѣ, и о таковомъ его о пользѣ души моея отечестѣмъ попеченіи, и отъидохъ въ келлію мою. Егда же прочтохъ отъ нея малу часть, толь усладися душа моя отъ словесъ Богоноснаго сего отца благодати Духа Пресвятаго исполненныхъ, яко помышляя мое во обители онѣй до времене некоего точію пребываніе, и яко изшедшу ми отъ нея негли не обрящу на иномъ мѣстѣ таковыя книги, умыслихъ имѣя въ нощи безмолвіе, всегдашнія ради пользы души моея преписати ону. Не имѣя же свѣщъ, зане во обытели онѣй мало не вси братія лучиною свѣтятъ. Запаляя и азъ лучину, яже долготою бяше единаго сажня, и втыкая въ разселину стѣны, Бога призвавъ на помощь, начахъ преписовати ону съ великимъ неудобствомъ дыма ради: не имѣя бо нигдѣ же прохода, низпущашеся въ низъ и наполняше келлію мою, егда же схождаше и ниже главы моея, отнюдъ не можахъ болѣе писати, но отверзахъ окно коморки тоя, и вхождахъ въ велику келлію и ждахъ, дондеже поднимашеся дымъ въ гору, и вшедъ въ коморку, затворяхъ окно и писахъ дондеже и паки наполняшеся дыма, и тако на всяку нощь творя, не малое неудобство къ дѣлу сему имѣхъ. Послежде же, стяжавъ кандило и вливая въ не олѣю, писахъ при немъ мало удобнѣе, и до изшествія моего изъ обители оныя преписахъ мало болшую часть книги оныя.

Въ начале пришествія[2] моего во обитель ону, проходя опредѣленное мнѣ полатное послушаніе, до нѣкоего времени миръ глубокъ имѣяхъ въ души моей, дондеже можахъ по совѣсти хранити заповѣдь мнѣ преданную

---

[1] Слово «его» надписано другим почерком.

[2] В рукописи: пришетвія.

отъ Игумена, выдавая по мѣрѣ определенней отъ него, и поварямъ за трапезу братій потребная, и гдѣ мнѣ повелено бяше, сирѣчь, на дворцы монастирскія и на вся мѣста, изъ нихже на всяку седмицу приходяще въ монастирь, отбирахъ съ полати вся потребная. Егда же познаша братія обычай мой снизходителный и къ прошенію ихъ удобопреклонный, начаша мало не вси, не точію монаси, но и Іеромонаси и Іеродіакони приходяще ко мнѣ просити, паче же на вечерю себѣ, чесого кто желаше, муки пшеничныя, пшена, круповъ, олѣи, и прочихъ потребностей. Азъ же о братіи не имѣя отъ Игумена ниединаго определенія, давати ли тѣмъ, егда кто отъ нихъ чесого попроситъ, или не давати. Вопросити убо его о семъ не смѣяхъ, бояся, да не како крѣпко мнѣ повелитъ безъ благословенія его отнюдъ никомуже что давати, азъ же не могій безъ преступленія сохранити заповедь его подъпаду подъ неблагословеніе его и горше согрешу предъ Богомъ. Давати же что братіямъ безъ ведома его и благословенія совѣсть моя не попущаше, но обаче, видя толь честныхъ отецъ святыхъ и братій ко мнѣ недостойному и всѣхъ во обители онѣй последнейшему съ толикимъ смиреніемъ приходящихъ и потребныхъ себѣ на вечерю или и на ину нѣкую нужду свою просящихъ, стыдяхся и на лица святая ихъ воззрети, преступая совѣсть мою, давахъ имъ потребная по прошенію ихъ, не смѣяхъ никомуже отъ нихъ отрещи и не дати. Такожде и повари, егда отбираху потребная на вареніе пищи за трапезу братій, убеждаху мя и не хотяща удвое всѣхъ потребностей, сирѣчь, масла, рыбы, олѣи, круповъ, и прочіихъ, тѣмъ выдавати, глаголюще, яко да будетъ лучшая трапеза за братію. Азъ же[1], убѣждаемь бывая отъ нихъ, и явную заповѣдь о семъ Игуменову и не хотя преступахъ, и выдавахъ тѣмъ вся потребная удвое или и болѣе, и

[1] Слово «же» надписано другим почерком.

трапеза убо лучшая и слаждшая представляшеся предъ братію. И братія вси о мнѣ зѣло благодарни бываху и любяху мя, яко во время нужды ихъ исполняшеся прошеніе ихъ, и нѣцыи отъ нихъ глаголаху ко мнѣ, яко акибы за мое къ нимъ въ нуждахъ ихъ призреніе и прошеній ихъ исполненіе, болшее и въ полате промысломъ Божіимъ всѣхъ потребныхъ стало изобиліе. Азъ же, о всемъ семъ притворне убо срадовахся съ ними, въ души же моей не имѣхъ мира, якоже прежде, но совѣсть моя за преступленіе заповеди Игуменовы и за подаяніе оно безъ благословенія его, частѣ мя обличаше, и донеле же тамо пребывахъ, тако прохождахъ на осужденіе души моей послушаніе оно.

О единомъ точію зѣло радовашеся душа моя, яко пребывая тамо, зѣло пользовахся душею, видя крайнее и великое смиреніе преподобнейшаго и святаго отца онаго Игумена Нікифора, пріемшаго мя во святую ону обитель. Имѣя бо обычай звати къ себѣ на вечерю единаго изъ честныхъ отецъ обители тоя, многократне зваше и мене на вечерю, егда убо вхождахъ въ келлію его и видяхъ его съ нѣкимъ честнымъ отцемъ на трапезе седяща, не точію не смѣяхъ на трапезе съ ними сѣсти, но ни на лица ихъ, помышляя свое недостоинство, воззрети. Повелеваемь же со убежденіемъ, аще и съ великимъ стыденіемъ, сѣдяхъ съ ними на трапезе и ядяхъ. Трапеза же его бяше едино точію вареніе или[1] каша съ круповъ гречаныхъ, или ино подобно ей, питіе же квасъ кисличный или грушевый, иже и на трапезе братіи представляшеся, иного бо питія во обители онѣй, сирѣчь, меду или пива, кромѣ горелки, яже во уставленныя точію дни братіи подавашеся, не видѣхъ. По востаніи же отъ трапезы и благодареніи отпускаше мя съ благословеніемъ въ келлію мою. Повелеваше ми многократне и чтеніе

[1] Слово «или» надписано другим почерком.

чести въ трапезе, по повеленію убо его и чтяхъ. И егда случахуся житія святыхъ зѣло умилителна, тогда чтущу ми та по произношенію, емуже въ школахъ изъучихся, мнози отъ братій умиляхуся и плакаху и преставаху ясти. Нѣцыи же отъ нихъ воставаху и отъ трапезы, и окружающе мя, слушаху чтенія со умиленіемъ и слезами. Азъ же, видя ихъ таковую къ словесемъ душеполезнымъ ревность, радовахся душею и прославляхъ Бога. Пребывающу ми во обители онѣй паче всего радость велію въ души моей имѣхъ, видя, яко преподобнейшій отецъ Игуменъ, яко отецъ чадолюбивый управляше братію съ великою любовію, съ кротостію и смиреніемъ, съ терпѣніемъ и долготерпеніемъ. Аще бы случилося кому изъ братій, яко человеку въ чемъ и согрешити, и прошаше прощенія, абіе прощенія сподобляше, исправляя таковаго духомъ кротости, и наказуя словесы душеполезными, и канонъ[1] нѣкій опредѣляя по силѣ его. Сего ради и братія вси пребываху во глубоцѣмъ мирѣ, благодаряще Богу. По прешествіи же яко тріехъ месяцей пребыванія моего тамо, определенъ бысть во обитель ту на Игуменство инъ Игуменъ отъ иныя обители по повеленію преосвященнейшаго Кѵръ Антоніа Митрополіта Молдавскаго, иже въ Чернигови архіерействоваше; мужъ ученъ Германъ Загоровскій, иже приѣхавъ во обитель ону Любецкую, въ нейже пребывахъ управляше ю не по подобію прежняго предреченнаго Игумена, но властителски. Егоже устроеніе по времени распознавше братія, толь ужасошася, яко нѣцыи отъ нихъ страха ради и разбегошася отъ обители неведомо гдѣ. Азъ же, въ томжде послушаніи пребывая, всегда бояхся, да не согрешу въ чемъ предъ нимъ, чесого и не избегохъ, во Великій бо постъ единою, призвавъ мя, повеле ми выдати поварямъ нѣкія капусты за свою трапезу. Азъ же, не внявъ, яко-

[1] Канонъ — правило, здесь в смысле епитимьи.

вую повеле мнѣ выдати капусту, изыдохъ изъ келлiи его, и не смѣяхъ его о семъ вопросити, объявихъ поварямъ, они же, якову знаху лучшу быти, вземше, свариша за него. Егда же поварь принесъ въ келлiю его варенiе оно, постави предъ нимъ на трапезе, вопроси его: «Кая есть капуста она?» И уразумевъ отъ него, ничтоже рече ему. Но абiе, призвавъ мене въ келлiю свою и воставъ отъ трапезы рече ко мнѣ: «Отъ сея ли капусты повелехъ тебѣ выдати за трапезу мою?» Сiе рекъ, толь крѣпко удари мя въ ланиту, яко едва возмогохъ удержатися на ногахъ, еще же и пхнувшу ему мене, падохъ чрезъ прагъ келлiи его, егда же востахъ, крыкнулъ есть на мене: «Вонъ иди, безделне». Азъ же, изшедъ вонъ, весь трепетахъ отъ страха, помышляя, аще за сiе, еже и не мняшеся мнѣ велико быти погрешенiе, толико на мя прогневася, то, аще случится мнѣ въ болшемъ чемъ предъ нимъ согрешити, что не постражду отъ него? Таже случися и слузѣ его, иже въ единой келлiи со мною пребываше, въ нѣчемъ согрешити предъ нимъ. Гневаяся убо на обоихъ насъ, похваляшеся предъ некими прежестокимъ бiенiемъ насъ наказати, иже по любви своей къ намъ объявиша намъ словеса его. Убояся убо о семъ и слуга его, яко вѣдый все его устроенiе, и начатъ помышляти, гдѣ бы моглъ отъити отъ него, сказа же и мнѣ о семъ. Прiемъ же и азъ дерзновенiе, объявихъ ему духовне, яко имамъ намеренiе изыти оттуду за предѣлъ[1] въ странничество проискати мѣсто угодное, идѣже быхъ сподобился монашескаго образа. Слышавъ же онъ сiе возрадовася зѣло. И начахомъ съ нимъ совѣтъ творити, како быхомъ возмогли изыти за предѣлъ, иже есть Днѣпръ, надъ нимже не далече на горѣ и обитель та Любецкая обретается. Обретшуся же удобству, наставшей уже шестой сед-

[1] В рукописи к этим словам сделана глосса, от которой из-за обреза листа уцелело лишь: ницу (вероятно, «за границу»).

мице святаго и Великаго поста, въ нощи, егда уснуша братія, помолившеся Богови, да поможетъ намъ безъ всякаго возбраненія безбедно прейти предѣлъ, изыдохомъ изъ обители и снидохомъ ко Днѣпру, надъ нимже всюду стражи бяху. Обретше убо мѣсто удобное между стражами пойдохомъ по Днѣпру съ великимъ страхомъ, боящеся, да не како ощутятъ стражіе и имутъ насъ: бѣ бо и нощь тогда просвещаема луною. Егда же удалихомся отъ бреговъ, пріяхомъ мало дерзновеніе и идяхомъ съ благодушіемъ: бяше же и ледъ на Днѣпрѣ еще крѣпокъ. И тако, Богу помогающу, преидохомъ на другую страну Днѣпра безбедно, и неведяще, камо ити, еще бо нощь бяше, препочихомъ на некоемъ мѣстѣ. Егда же начатъ светати, обретше путь, пойдохомъ. И пріидохомъ въ едино село, въ немже почивше мало у единаго человека, укрепихомся пищею. Таже пойдохомъ путемъ внизъ ведущимъ до града Чернобеля чрезъ превеликія лѣсы и нощевахомъ въ селахъ, въ лѣсахъ тѣхъ, на пути ономъ обретающихся. Шедше же неколико дней, пріидохомъ надъ Припеть рѣку не малу, и надъ неюже[1] по оной странѣ стояше градъ онъ. И не смѣяхомъ преходити чрезъ ню, ледъ бо уже бяше зѣло слабъ и некрѣпокъ. Таже пріидоша надъ ню и еще нѣколико человѣкъ, иже дерзнуша преходити ю, пріемше убо и мы дерзновеніе пойдохомъ за ними, обаче съ веліимъ страхомъ и трепетомъ: на многихъ бо мѣстѣхъ растаялъ бѣ ледъ онъ и зряшеся вода. Егда же пріидохомъ на средину рѣки оныя, обретохомъ ледъ въ долготу по всей рѣцѣ разседшійся на двое, на единъ лакоть, идѣже зряшеся глубина велика. И паче всѣхъ азъ тамо ужасохся, мня, яко или не возмогъ пропасть ту преступити, или поползся, зане зѣло слизко бяше, пожренъ буду глубиною оною, съ премногимъ убо страхомъ, аки видя смерть неизбежну предъ очима мо-

[1] В этом слове «же» дописано другим почерком.

има, едва возмогохъ преступити страшное мѣсто оно. И тако помощію Божіею, прешедше на другую страну рѣки оныя, седохомъ при брезѣ мало спочити. Седящымъ же намъ, начатъ по всей рѣцѣ онѣй ламатися ледъ съ великимъ звукомъ и превращатися, аки стѣны нѣкія пловуще внизъ и объятъ насъ страхъ и трепетъ и со слезами прославихомъ неизследный о насъ промыслъ Божій, потерпевшій намъ прейти рѣку ону безбедно и не предавшій насъ внезапной смерти. Воставше же, внидохомъ во градъ онъ безъ всякаго препятствія, зане не бяше огражденъ, и стражи не имеяше. Идѣже въ дому некоего человека препочихомъ, бѣже тогда Суббота Лазарева, въ нюже по полудни пріидохомъ тамо.

Во утріе же, прежде обѣда, идущымъ намъ во градѣ томъ улицею, начатъ нѣкто идый созади насъ звати мене по имени и по прозванію. Услышавъ же азъ, зѣло ужасохся душею, помышляя, что есть сіе, не бо имѣхъ тамо, яко единъ страненъ, коего знаема. Обозревся же, познахъ, яко зовущій мене согражданинъ мой есть, сынъ знатнаго гражданина съ Полтавы, иже приступль, приветствова мене словесы любовными, таже, поятъ ны въ домъ свой, идѣже пребываше, и пріятъ насъ съ любовію. И первѣе начатъ мнѣ поведати вину своего тамо до времене пребыванія. «Яко азъ, — рече, — посланъ есмь отъ господина Полковника Полтавскаго Васіліа Васіліевича Кочубея къ здешнему властелину съ писаніемъ молителнымъ и пенязми, выготовленія ради потребныхъ древъ на строеніе, и дотоле будетъ мое здѣ пребываніе, дондеже порученную мнѣ службу исполню дѣломъ». Таже начатъ глаголати ко мнѣ. «Яко мати твоя, — рече, — плачетъ о тебѣ и рыдаетъ неутѣшно, яко оставилъ еси ю, отшедъ отъ нея безвѣстно. Единаго бо тебе точію имѣя наслѣдника, лишилася есть тебе, такожде и вси граждане сожалѣютъ съ нею о тебѣ». Таковая и многшая сихъ

изрекъ ко мнѣ словеса, начатъ многоразличне мене увещавати возвратитися къ матери моей. Азъ же, толикъ страхъ воспріяхъ въ души моей, яко едва можахъ нѣкое слово къ нему отвещати. Помышляхъ бо, яко аще точію восхощетъ объявити о семъ властелину, то можетъ удержати мене насилно при себѣ и отослати къ матери моей, или и съ собою по исполненіи службы своея вземъ, отвезти въ домъ мой. По семъ же повеле представити трапезу, на ней же съ нимъ вкупѣ и со спутникомъ моимъ сѣдя, едва что можахъ ясти отъ великаго страха. По востаніи же отъ трапезы отпусти насъ съ любовію, моля мене, дондеже укосню во градѣ томъ, приходити къ нему часто. Идущымъ же намъ улицею, спутникъ мой уразумевъ отъ словесъ познавшаго мя, кто есмь и откуду, начатъ зѣло похваляти мене. Зане, егда еще пребывахомъ съ нимъ въ предреченней обители, не познавая мене, кто есмь и откуду, часто мнѣ повествоваше о себѣ, яко пребысть доволное время во градѣ моемъ въ Полтаве въ школѣ при Церкви нашей соборней Успенія Пресвятыя Богородицы, и яко совершенно знаяше матерь мою и мене и сродниковъ моихъ; еже слышахъ азъ отъ него, зѣло храняхся, да не познаетъ мене. И сего ради пременилъ бѣхъ и бесѣду мою, беседовахъ бо отчасти по обычаю страны тоя, и отнюдъ не возможе познати мене, и зѣло о семъ радовахся, яко возмогохъ утаитися отъ него, имѣяхъ бо желаніе да никтоже увѣсть о мнѣ кто есмь.

Тогда же, познавъ мене совершенно, похваляше мене, яко спасенія ради души моея, оставивъ матерь мою и наследіе отца моего, вдахся въ толикую нищету и странничество чернечества ради. Азъ же, увидѣвъ, яко и отъ него познанъ быхъ и толико похваляетъ мене, зѣло печаловахъ о семъ въ помысле моемъ и отнюдъ непріятна мнѣ явися похвала его. Паче же всего бояся зѣло, да не

како удержанъ буду отъ согражданина моего познавшаго мя, умыслихъ тогожде дне Цветоносныя Недели отити от града онаго. Пришедшымъ же намъ въ домъ, идѣже пребывахомъ, спутникъ убо мой отъиде нѣкія ради потребы. Азъ же пойдохъ въ школу близъ единыя церкве искій спутника, иже бы насъ моглъ повести съ собою на Украину. И се, по Божію смотренію, обретохъ единаго монаха готова уже ити на Украину. Со многимъ убо усердіемъ умолихъ его взяти насъ съ собою, поведавъ ему и о спутнице моемъ. И отходя звати его, зѣло молихъ пождати мало и не отходити безъ насъ. Онъ же, обещася мало пождати насъ, дондеже пріидемъ къ нему скорѣе. Долго же ждати не можаше, зане прекланяшеся уже день. Шедъ же азъ скорѣе въ домъ онъ, не обретохъ спутника моего. Пождавъ убо мало, егда увидѣхъ, яко не приходитъ, возложивъ о немъ попеченіе на промыслъ Божій, пойдохъ къ монаху оному, иже уже исхождаше въ путь и молихъ о друзѣ моемъ, да пождетъ еще мало и отнюдъ не повинуся. И тако, съ великою жалостію, оставивъ друга моего тамо, изыдохъ съ монахомъ онѣмъ въ путь нашъ, не попустившу мнѣ предреченному страху друга моего ради во градѣ ономъ оставатися. Преношевавше же въ некоемъ селѣ, идяхомъ путемъ нашимъ чрезъ зѣло превеликія лѣсы неколико дней, дондеже начахомъ приближатися ко Украине. Случися же ми на пути семъ, яко никогда же въ толь далекій путь ходившему, зѣло возболети лѣвой моей нозѣ. И опухла бѣ ноги моея плесна и глезна, яко отъ великія болезни едва можахъ пятою наступая, помалу ходити, частѣ спочивая сѣдя или лежа на земли. Еяже ради вины и спутнику моему, монаху оному, не мало стуженіе сотворися, иже видя мене зѣло косно ходяща, многократне хотяше мене и оставити. Но видя мое слезное моленіе, прекланяшеся на милосердіе и не оставляше мене. Приходяще же въ

приключающыяся на пути села, спочивахомъ въ нихъ по два и по три дни, дондеже мало оттухаше нога моя и утишашеся болѣзнь. И егда изшедше отъ нихъ, идяхомъ, паки обновляшеся болѣзнь и опухаше нога моя. Таже, по доволнемъ времени, призревшу неизреченному милосердію Божію на мене недостойнаго, преста болѣзнь и оттухне совершенне нога моя и хождахъ прочее со удобствомъ. Пришедше же во единъ скитокъ надъ Днѣпромъ рѣкою нижае Кіева стоящій, именуемый Ржищевъ, иже бяше некогда подъ областію Кіевскаго Кѵріловскаго монастиря, моляхомъ тамошняго началника, да благословитъ намъ препочити мало. По благословенію же его пребывающу мнѣ тамо, впадохъ въ недугъ таковый, яко отнюдъ ниедина пища можаше держатися во утробе моей, но, чтолибо ядяхъ, скоро блеваніемъ изметахъ изъ себе и чрезъ мѣсяцъ единъ или и болѣе въ таковое изнеможеніе и истаяніе тѣла пріидохъ, яко аще на одрѣ и не лежахъ, но обаче отъ великія слабости едва можахъ ходити. Моляхся же Богови, да не попуститъ мнѣ тамо жизнь мою скончати, зѣло бо мира не имѣяхъ умрети на мѣстѣ онѣмъ. По Божію убо смотренію три монаси странніи тамо нѣкое время пребывшіи возъимеша намереніе ити въ Молдавію. Еже увѣдѣвъ азъ, зѣло возрадовахся и молихъ ихъ со усердіемъ взяти и мене съ собою. Отъ всея бо души моея желахъ въ сію благословенную землю пріити на житіе. Они же, видяще крайнюю слабость мою, отнюдъ не хотяху сего сотворити. Таже, на прилежное мое моленіе преклоншеся, обещашася взяти мене съ собою и не хотяще. Изшедъ же изъ скитка онаго съ ними, съ великимъ трудомъ на гору, идѣже зѣло превеликое равное поле бяше и воздухъ зѣло благорастворенный, абіе начахъ ощущати облегченіе немощи моея и мало помалу укреплятися тѣломъ и ходити легчае и удобнѣе и от всея души моея благодареніе

о семъ возсылахъ благости Божіей, не оставившей мя до конца. Идущу же ми всерадостне съ монахи онѣми, о полудни пооблачися небо зѣло темными и мрачными облаки, еже увидевше они поидоша зѣло скоро, яко[1] да убѣжатъ отъ дождя, азъ же не могій тако скоро съ ними ити, остахся единъ. И абіе начатъ наступати великая туча со страшнымъ звукомъ града и проліяся дождь велій со страшными молніями и громомъ и испаде градъ[2] великъ, яко орѣхи маліи, и покры все поле мало не на пядь, и измокохъ весь тако, яко течаше вода отъ одежды моея. И съ великимъ трудомъ идяхъ по граду оному даже до нощи, и зѣло поздѣ едва достигохъ въ село оно, идѣже и спутницы мои бяху и пренощевавъ у единаго человека, во утріе обретохъ ихъ въ школѣ у дяка пренощивающихъ, иже увидевше мене, зѣло возрадовашася. Таже начаша вопрошати дяка онаго о пути, ведущемъ въ Молдавію, известивше ему, яко имутъ намереніе тамо ити. Онъ же начатъ глаголати къ нимъ: «О, отцы святыи, азъ вамъ не совѣтую въ нынешнее время тамо ити, зане великъ страхъ есть на пути: воинство бо страха ради разбойниковъ всюду объѣздитъ, и боюся, да не впадете въ руцѣ немилостивыхъ онѣхъ воинъ, иже аще и не иныя ради вины, но единыя ради ненависти на православную вѣру могутъ васъ озлобити до конца. Зане въ селѣ семъ нашемъ не давнаго времене случися вещь таковая. Бяше при церкви сей прежде мене единъ блаженныя памяти дякъ, иже яко человекъ бояся навета отъ гонителей православныя вѣры, егда на Літургіи чтяше "Сѵмволъ вѣры", сирѣчь, Вѣрую во единаго Бога, то членъ онъ, "И въ Духа Стаго[3]", тако чтяше: "И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, Иже отъ Отца истинна исходящаго".

---

[1] Слово «яко» надписано другим почерком.

[2] В рупописи описка: гадъ.

[3] Нет титла в слове «С[вя]таго».

И тако читая Сѵмволъ, избавляшеся отъ навѣта враговъ православныя вѣры. По времени же оклеветанъ бысть къ властелину села сего отъ хулителей вѣры святыя, яко не чтетъ въ Сѵмволѣ по Богоборному ихъ хуленію: Духа Святаго отъ Отца и Сына исходяща, но точію отъ Отца истинна исходяща. Властелинъ же, слышавъ сіе зѣло[1] разъярися, и вземъ нѣколико воиновъ съ собою, пріиде въ церковь мало предъ чтеніемъ Сѵмвола. Егда же блаженный дякъ онъ начатъ чести "Сѵмволъ вѣры", абіе приступи къ нему близъ и слушаше прилежно, како имать чести. Онъ же, уразумевъ, яко сего ради приступи, чтяше велегласно и пространно со дерзновеніемъ, егда же приближися къ словесемъ симъ: "И въ Духа Святаго", исполнився Духа Свята, возопи велегласнее: "И въ Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго", отложивъ и прилогъ онъ, "истинна", егоже страха ради прилагаше. Властелинъ же онъ, яко услыша сіе, абіе, аки звѣрь неукротимый крыкнувъ, устремися нань и емъ за власы, поверже его на землю и, бія немилостивно ногама, повеле извлещи его вонъ изъ церкве. И повеле его бити кіями безъ пощаденія. Сему же деющуся, текъ нѣкто скоро, возвести матери его, сказавъ ей и вину, еяже ради сына ея біяху. Она же притекши, со слезами увещаваше его не ослабевати въ подвизе, но Бога призывая на помощь, не пощадети жизни своея предати на смерть за вѣру православную, и лобызаше главу его, глаголющи къ нему: "О, сыне мой превозлюбленный, не убойся сего маловременнаго мученія, еже за исповеданіе православныя вѣры претерпеваеши, но претерпи, яко добръ воинъ Хрістовъ за Него и самую смерть, яко да сподобишися отъ Него вѣнецъ мученическій пріяти въ Царствіи Его Небеснемъ". Онъ же глагола къ матери своей: "О, прелюбезнейшая моя мати,

[1] Слово «зѣло» надписано другим почерком.

никакоже усумневайся о мнѣ, азъ бо, укрепляющу мя Богу, не точію біеніе сіе, но и тмами прелютейшыя смерти готовъ есмь за вѣру православную пострадати. Якоже бо Богъ въ Троице Святѣй славимый и покланяемый Единъ есть, и развѣ Его иного Бога нѣсть: тако и вѣра святая православная Восточныя святыя Церкве, въ нейже единой точію съ добрыми делами известная есть спасенія надежда, едина есть, и развѣ ея иныя нѣсть. Како убо за ню не возъусердствую и самую лютѣйшую претерпети смерть?" Сія же услышавши мати его, возрадовася радостію неисповедимою, и воздевши руцѣ къ небеси, благодаряше Хрісту Богу, яко сподобися таковаго страдалца его породити. Мучитель же онъ, видя сія и слыша, паче яряшеся, и вопіяше на воины жесточае быти[1] его. Страдалецъ же Хрістовъ[2], прелютое таковое біеніе съ радостію претерпѣвая, и злочестіе западныхъ обличая, православную же вѣру прославляя и исповѣдуя, предаде душу свою въ руцѣ Божіи».

Сія убо слышавше монаси они, спутницы мои, убояшася далечае ити. И, оставлше намереніе оно, еже ити въ Молдавію, пойдоша внизъ[3] къ монастиремъ православнымъ не далече отъ Днѣпра обрѣтающымся, изъ нихже два обрѣтаются подъ областію преосвященнѣйшаго Митрополіта Кіевскаго, два же подъ областію преосвященнаго епископа Переясловскаго. Поидохъ же и азъ съ ними, зѣло сожалея, яко не возмогохъ предъреченныя ради вины ити въ Молдавію. Егда же приближихомся къ горамъ Мошенскимъ, въ нихже и единъ изъ предреченныхъ монастирей обретается, тамо въ единомъ селѣ близъ горъ тѣхъ улучихъ единаго Іеромонаха,

---

[1] То есть: бити.

[2] В рукописи пропущена буква «р».

[3] Здесь «близъ» зачеркнуто и над ним надписано «внизъ» (другим почерком).

съ нимже и остахся, спутникомъ моимъ въ путь свой отшедшымъ. Препочившу же мнѣ во онѣмъ селѣ неколико дней, Іеромонахъ онъ начатъ мнѣ поведати о некоемъ добродетелномъ пустынножители, именемъ Исѵхіи, иже на единомъ острове рѣки тоя, яже по подъ горами течаше пребывая, подвизашеся о спасеніи души своея. Еже услышавъ азъ, вседушне возжелахъ не точію увидѣти его, но аще бы возможно было и жити у него. Начахъ убо прилежно молити его, да поведетъ мя къ нему. Онъ же, преклонився на моленіе мое, пойде со мною къ пустыножителю оному, иже съ великою любовію пріемъ насъ, упокои отъ путнаго труда и, оставивъ мене тамо, отъиде. Азъ же пребывая тамо неколико дней зѣло спользовахся душею, истинный бо сей рабъ Божій и прилежный делатель заповедей Его, велію и неизреченную любовь и ревность имеяше къ слову Божію и ко ученію Богоносныхъ отецъ нашихъ и труждашеся въ прилежномъ преписаніи книгъ отеческихъ пользы ради души своея. И отсюду мощно есть увидѣти, якову ревность о семъ имеяше. Единою бо услышавъ о некоей отечестей, неудобь обретаемей, зѣло преполезней книзѣ, яко обретается въ некоей обители Черниговскія епархіи, далече отъ Чернигова вгору отстоящей, пойде тамо со тщаніемъ и со многимъ и прилежнымъ моленіемъ испроси у Игумена и собора обители оныя книгу ону на преписаніе, яже по усердію его благодати Божіей содействовавшей, и дадеся ему, юже пришедъ въ келлію свою и преписавъ со всякимъ прилежаніемъ отнесе ю воспять во обитель ону, и, благодаривъ Игумену и собору тоя святыя обители о таковомъ ихъ къ нему благодеяніи, возвратися въ келлію свою, радуяся и прославляя Бога, яко сподобися таковое душеполезное сокровище стяжати, нивочтоже вмѣняя толь далекое съ принесеніемъ и отнесеніемъ книги оныя свое путешест-

віе, еже считашеся со всѣмъ яко двѣ тысящы верстъ. Таковая его ревность къ слову Божію бяше. Отъ всеприлежнаго же преписованія книгъ отеческихъ зѣло повредилъ бѣ зрѣніе очесное, яко и великими писмены едва можаше преписовати.

Видя убо его таковую ревность къ слову Божію и ко ученію Богоносныхъ отецъ нашыхъ, разсуждахъ, яко аще предамъ себе таковому рабу Божію во истинное душею и тѣломъ повиновеніе, и послушаю его во всемъ, то возможетъ мене Божіею благодатію уразумляемь, наставити на истинный путь спасенія. Начахъ убо его всеприлежне молити, да пріиметъ мене во святое послушаніе, обещаваяся во всемъ его слушати. Онъ же отнюдъ не хотяше пріяти мене, глаголя ко мнѣ: «Азъ, о чадо, человекъ грѣшенъ есмь и страстенъ и недостоинъ. Душу мою бѣдную не могу управити на путь Божій, и како дерзну тебе пріяти, дѣло сіе нѣсть мѣры моея: тѣмже молю тя о семъ мнѣ не стужати». Азъ же, окаянный, помысливъ, яко смиренія ради своего не хощетъ мене пріяти въ послушаніе, прилежнее моляхъ его со многими[1] слезами, припадая къ святымъ ногамъ его, яко да пріиметъ мене, но онъ отнюдъ не хотяше сіе сотворити. Азъ, видя сіе, и яко да не стужу ему паче мѣры, отхождахъ въ предреченное село, и не обретая Іеромонаха онаго, препочивахъ у некоего Хрістолюбца, иже съ великою радостію мене пріемляше. Таже, по неколицехъ днехъ, паки отхождахъ къ святому старцу оному, иже пріемлюще мене съ любовію аки страннаго, но точію на неколико дней препочити у него. И, обретая время угодное паки, аще и съ великимъ стыденіемъ, не дерзая и на лице его святое воззрети, припадая къ ногамъ его и со многими слезами лобызая святыя нозѣ его, моляхъ его пріяти мене, глаголя къ нему: «Отче святый, пріими мене Господа ради,

[1] Слово «многими» надписано другим почерком.

послушаю бо тебе во всемъ, якоже Самаго Господа. Аще ли же не послушаю тебе во всемъ, то бія ижденеши мя отъ себе, аки пса смердяща». Егда же видяхъ, яко отнюдъ не хощетъ мене пріяти, отхождахъ отъ келліи его мало, и толь долго о неполученіи прошенія моего за недостоинство мое плакахъ и рыдахъ, яко отъ многаго плача и слезъ опухаше и лице мое, и егда прихождахъ къ нему познаваше лице мое опухшее отъ слезъ и соболезнуя о мнѣ душею своею глаголаше ко мнѣ: «Молю тя, Господа ради, брате мой, не скорби о семъ, яко не пріемлю тебе, не бо презирая спасеніе твое сіе творю, вѣсть сердцеведецъ мой Господь, но немощи ради души моея не могу тебе пріяти. Возложи убо на всемогущій промыслъ Божій всю твою надежду, не оставитъ бо тя ищущаго отъ всея души спасенія, но благодатію своею призревъ на слезы твоя, наставитъ тя на путь свой». Таковая и многшая сихъ духовная глаголя ко мнѣ словеса и утешая душу мою, отпускаше мя съ миромъ. Азъ же, плача и рыдая отхождахъ отъ него, и приходя къ Хрістолюбцу оному пребывахъ у него, недоумевая, что творити. Іеромонахъ бо онъ не вѣмъ гдѣ отшелъ бѣ, азъ же самъ единъ гдѣ пойти, яко отъ естества боязливъ сый, не смѣяхъ, паче же страха ради супостатовъ вѣры святыя, странѣ онѣй обладаемей отъ нихъ. Умыслихъ же еще единою пойти къ святому старцу оному, не смѣя уже болѣе стужати ему моленіемъ о пріятіи моемъ, но точію поне да сподоблюся совѣтъ отъ него пріяти, камо ити и како пребывати. Яковъ же и путь бяше къ святому сему старцу, страхъ ми находитъ и воспомянути о немъ. Чрезъ многія бо на многихъ мѣстѣхъ воды нужда бяше преходити, зѣло по узкихъ кладкахъ чрезъ ня положенныхъ. Съ великимъ убо страхомъ и трепетомъ пражиною[1] долгою подпираяся, прехождахъ чрезъ воды тыя, смерть ви-

[1] Пражина — шест.

дя готову предъ очима своима. Егда же последній онъ разъ идый къ святому старцу оному, прешедъ вся воды оныя, начахъ последнюю воду по кладцѣ преходити, яже паче прочіихъ водъ болшая и глубшая бяше, не дошедшу ми еще до половини, абіе поползостеся нозѣ мои съ кладки оныя, яже зѣло слизка бяше, и падосте въ воду, едина на едину страну кладки, а другая на другую, и сѣдохъ на кладцѣ оной съ превеликимъ страхомъ и трепетомъ, мня, яко абіе падъ, утону въ водѣ оной. Но, о неизреченнаго о мнѣ промысла Божія, не попустившаго мнѣ внезапною смертію умрети, но устроившаго не на едину страну кладки обѣма ногама моима поползнутися! Зане, аще бы на едину страну поползнулися, абіе утонулъ быхъ въ водѣ оной, еще же по Божественному Его смотренію и пражина обретеся въ руцѣ моей не падшая въ воду, зане, аще быхъ упустилъ ю, то и тако мню, яко утонулъ быхъ, не имѣя чимъ сѣдя на кладцѣ опертися, такожде безъ нея и на кладку востати ногама моима отнюдъ не возмоглъ быхъ. Но, благодареніе всемогущему Богу, тако о мнѣ устроившему, Его бо благодатію укрепляемь, аще и съ веліимъ страхомъ на пражине опираяся, едва возмогохъ на кладцѣ онѣй ногама моима стати, и прейти безбедно на другую страну. Пришедъ же къ предреченному старцу, молихъ его со слезами, да благоизволитъ мнѣ у него неколико дней пребывати, дондеже Господь о мнѣ устроитъ, якоже восхощетъ, оному же благоволившу пребывахъ у него, не дерзая уже болѣе стужати святыни его о моемъ пріятіи, аки о вещи невозможней, но со стыденіемъ стоя предъ нимъ, плакахъ, моляся Господеви, да наставитъ мя на путь Свой. Всегда же, егда прихождахъ къ нему и пребывахъ у него малое время, творяхъ по силѣ моей послушаніе.

Пребывшу же мнѣ у него мало дней, се, по Божію смотренію, пріиде къ нему предреченный Іеромонахъ на посещеніе, егоже съ любовію угостивъ, моляше прилеж-

но, яко да отведетъ мя въ Мошенскій монастирь. Онъ же съ радостію обещася сіе сотворити. Егда же пріиде время последняго уже моего отъ святыни его отхожденія, наедине припадохъ къ святымъ его ногамъ и лобызая со слезами, плакахъ и рыдахъ, яко не сподобихся у него за недостоинство мое пребывати во святѣмъ послушаніи, онъ же елико можаше духовными своими словесы утешаше мене, совѣтуя на единаго Бога имѣти упованіе, могущаго по воли Своей Божественней управити мое житіе. Азъ же со слезами благодаривъ его святыне за таковый душеполезный совѣтъ, отъидохъ отъ него. Таже съ предреченнымъ Іеромонахомъ, поблагодаривше ему за любовь его къ намъ и страннолюбіе, отъидохомъ отъ него. И пріидохомъ въ село оно, идѣже пребываше сей Іеромонахъ, иже приуготовився на путь, отведе мене въ Мошенскій монастирь, идѣже препочивъ мало дней, отъидохъ съ некоторыми отцы во святый Троецкій монастирь, нарицаемый Мотренинъ. Идѣже пребывъ неколико дней, отъидохъ во святый монастирь святителя Хрістова[1] Ніколаа, обретающій на острове рѣки Тясмина, именуемый Медведовскій[2], иже есть подъ областію[3] святыя Митрополіи Кіевскія, идѣже бѣ Игуменъ всечестный Іеромонахъ[4] отецъ Нікифоръ. Пришедъ же азъ тамо, пойдохъ къ нему и, припадъ къ святымъ его ногамъ, взяхъ отъ него благословеніе и начахъ молити его, яко да пріиметъ мене во святую свою обитель. Онъ же, яко отецъ чадолюбивый уразумевъ мое о монашестве намереніе, не презирая моленія моего, пріятъ мя съ любовію и определи мнѣ келлію, идѣже единъ послушникъ пребываше, сѣдѣти съ нимъ вкупѣ, повелевъ мнѣ на об-

---

[1] В рукописи в этом слове пропущена буква «р».

[2] Слова «именуемый Медведовскій» надписаны другим почерком.

[3] В рукописи в этом слове пропущено «л».

[4] Слово «Іеромонахъ» надписано другим почерком.

щее послушаніе съ братіею ходити. Бѣже тогда мѣсяцъ Іулій, и собирашеся сѣно, исхождахъ убо со святыми отцы первѣе на собраніе сѣна, таже и на жатву хлѣба, иже полагаху мя вкупѣ жати съ ними, егда же увидеша, яко[1] урезовахъ персты отъ неискусства, определиша мнѣ снопы на токъ возыти, но и въ томъ послушаніи бѣхъ неискусенъ, егда бо вожахъ снопы, не умѣя управляти воловъ, превращашеся возъ, и разсыповахуся снопи по полю, азъ же, недоумея что творити, сѣдя на земли, плакахъ. Приходяще же братія, укоряху мя, аки единаго невежду, таже, видяще мое и въ семъ дѣлѣ неискусство, определиша мнѣ глину на токъ возыти и воду. Сіе же послушаніе, паче же глину возыти, аще и отнюдъ превыше силы моея бяше, обаче Бога призывая на помощь, творяхъ съ радостію. По вся же вечеры прихождахъ съ братіею въ монастирь, рано же отхождахъ съ ними на послушаніе. Определилъ же бѣ мнѣ Игуменъ, егда обретахся въ монастири, и на криласъ ходити, еще же определи мнѣ и трапезное послушаніе, сирѣчь хлѣбъ резати и полагати на трапезеѣ миски съ вареніемъ носити и поставляти предъ братіею, съ трапезы сосуды собирати и омывати, трапезу мести и прочая, яже вся совершахъ съ радостію, благодаря Богови, яко сподоби мя служити святымъ отцемъ и братіямъ. Егда же Аѵгуста месяца наста постъ Пресвятыя Богородицы, призвавъ мя Игуменъ въ келлію свою, глагола ко мнѣ: понеже имѣю намереніе брата онаго, съ нимъже въ келліи пребываеши, и тебе на праздникъ Преображенія Господня пострищи въ расофоръ, того ради пойди къ духовнику и высповедай предъ нимъ вся согрешенія твоя и, пріемъ отъ него разрешеніе, буди готовъ къ причащенію Святыхъ Таинствъ, по семъ пойди къ честному Іеромонаху Нікодиму и помоли его, яко да будетъ тебѣ на постризе

[1] Слово «яко» надписано другим почерком.

воспріемникъ. Азъ же, слышавъ сіе отъ него, припадохъ къ святымъ его ногамъ и, вземъ отъ него благословеніе, изыдохъ изъ келліи его, радуяся зѣло и прославляя Бога о семъ, купно же и ужасаяся, яко въ толь скоромъ времени хощетъ мя Игуменъ недостойнаго сподобити начала монашескаго образа. Пойдохъ убо къ духовнику и высповедахъ вся согрешенія моя, и пріяхъ отъ него разрешеніе и благословеніе къ причащенію Пречистыхъ Хрістовыхъ Таинъ. Такожде пойдохъ и къ честному оному Іеромонаху Нікодиму и, припадъ къ святымъ его ногамъ, молихъ его, яко да будетъ мнѣ на постризе воспріемникъ. Онъ же глагола ко мнѣ: «Самъ ли ты отъ себе просиши мене о семъ, или по повеленію отца Игумена?» Увѣдавъ же отъ мене, яко по повеленію Игуменову пріидохъ къ нему молити о семъ, со всякою радостію обещася воспріемникъ мнѣ быти, повелевъ мнѣ и главу измыти, зане отъ самаго изшествія моего изъ святыя Любецкія обители, прешедшу времени, яко пять месяцей не случися мнѣ не точію главу измыти, но ниже власовъ расчесати. Измыхъ убо главу и приуготовихся къ причащенію Божественныхъ Таинъ. На праздникъ же Преображенія Господня по совершеніи часовъ постриже насъ отецъ Игуменъ въ рофоръ. Егда же постригаше насъ, даде предреченному послушнику, съ нимже въ единой келліи пребывахъ, на постризе имя Платонъ, мнѣ же Парѳеній. По совершеніи же Божественныя Літургіи, изшедшимъ намъ изъ Церкве, братія отъ невнятія пременивше имена наша, начаша звати насъ — его убо Парѳеніемъ, мене же Платономъ. Шедъ же азъ ко отцу Игумену, известихъ ему о семъ, онъ же глагола ко мнѣ: «Понеже братія на постризе не вняша о именахъ вашихъ и пременивше та, нарицаютъ онаго Парѳеніемъ, тебе же Платономъ, тако убо и называйтеся и не имѣй о семъ ниединаго смущенія». Азъ же, поклонився, отъидохъ отъ него и по повеленію его Платономъ называхся,

аще, яко неведый силы святаго послушанія, отчасти и скорбяхъ о семъ, желахъ бо, аще бы возможно было именемъ, даннымъ мнѣ на постризе, нарицатися. Но видя, яко уже вси со утвержденіемъ тако мя именуютъ, пребывахъ миренъ, возлагая вину на мое недостоинство.

По неколицехъ же днехъ пріиде ко мнѣ единъ монахъ зѣло благоговеинъ, иже бѣ отъ Великія Россіи, отъ благородныхъ родителей, и рече ко мнѣ: «Твориши ли нѣкое послуженіе старцу[1] твоему, иже бѣ тебѣ на постризѣ воспріемникъ?». Мнѣ же отвѣщавшу, яко не творю. Рече ко мнѣ: «Подобаетъ ти, брате, послуженіе творити старцу, сирѣчь, дрова сѣщи и въ келлію носити, огнь егда потреба будетъ возгнещати, воду носити, келлію мести и прочее послуженіе проходити». Азъ же возрадовався о наставленіи его и благодаривъ ему о семъ, пойдохъ къ келліи старцевой и, сотворивъ молитву, внидохъ въ келлію его, и, припадъ къ ногамъ его, целовахъ святую десницу, и прошахъ прощенія, яко невежества ради моего дотоле ни въ чемъ ему не послужихъ, обещаваяся съ радостію во всемъ ему послужити. Онъ же отнюдъ не восхоте пріяти отъ мене ниединаго послуженія, глаголя ко мнѣ: «Довлѣетъ ти, брате, на общее послушаніе ходити, гдѣ тебѣ повелено будетъ, азъ же отъ тебе послуженія не требую. Еще бо, Богу укрепляющу мя, могу себѣ послужити». Азъ, слышавъ сіе и поклонився, изыдохъ изъ келліи его. Паки же предреченный монахъ, иже бѣ во обители онѣй, Екклисіархъ, пришедъ ко мнѣ и уразумевъ, яко старецъ мой не пріемлетъ отъ мене послуженія, рече ко мнѣ: «Пойди еще къ нему и моли его, да поне правило определитъ тебѣ келейное, отъ него бо долженъ еси о семъ определеніе имѣти, азъ

[1] К этому слову в рукописи примечание на полях: Извѣстно да будетъ, яко во обителехъ онѣхъ, понеже не хранится чинъ общежителный, воспріемникъ на постризѣ есть старецъ, а не Игуменъ.

же, благодаривъ ему за наставленіе, пойдохъ къ старцу моему и молихъ его, да определитъ мнѣ келейное правило. Онъ же рече ко мнѣ: «Ты, брате, писменный еси, сего ради азъ тебѣ правила не определяю, но якоже Богъ тебе уразумитъ, содержи правило въ келліи твоей». Сіе слышавъ азъ и поклонився, изыдохъ изъ келліи его. Пребывъ же старецъ сей мой едину точію седмицу по постриженіи моемъ во обители онѣй, отъиде оттуду Богъ вѣсть гдѣ. Уже бо болѣе слышати о немъ, гдѣ обретается, никогдаже возмогохъ. И тако азъ, окаянный, остахся, аки овца заблуждшая безъ пастыря моего и наставника[1], въ самочиніи и самоволіихъ вся дни живота моего изживъ. И не сподобихся нигдѣже въ повиновеніи отца нѣкоего пребывати, аще, якоже разсмотрѣваю, и зѣло устроеніе души моея въ юности моей удобопреклонно бѣ къ повиновенію, но не удостоихся окаянный за недостоинство мое таковаго Божественнаго дара.

Пребывахъ убо во обители онѣй, проходя общее и предреченное въ Церкви и трапезе послушаніе со усердіемъ. Еще же и отъ произволенія моего поварю помощь нѣкую творяхъ. Овогда воду малымъ бариломъ[2] на двохъ колесахъ собою привозя, овогда же дрова сѣча, и прочая въ поварнѣ дѣла совершая съ радостію. Имѣяхъ же усердіе и правила церковнаго, во дни убо, егда руку подаяше, въ нощи же — никогдаже оставляти.

Тако убо мнѣ во обители онѣй тихо и мирно пребывающу, Божіимъ попущеніемъ воста гоненіе на обитель ону и на вѣру православную отъ злославныхъ властей. Пришедъ бо отъ управителя страны тоя единъ сановитый мужъ во обитель ону, повеле собратися всѣмъ монахомъ въ келлію Игуменову, и начатъ многоразличными словесы увещавати ихъ къ соединенію злочестія своего.

---

[1] В слове «наставниика» лишняя «и».

[2] Барило — бочонок, бочка.

Егда же увидѣ, яко отнюдъ не восхотеша преклонитися на злочестіе его, зѣло разгневася и вшедъ въ церковь, преписа вся сосуды церковныя и, изшедъ изъ Церкве, заключи ю и запечатле печатію своею, и, вземъ ключи отъ Церкве, отъиде съ великимъ гнѣвомъ и прещеніемъ. Сего ради не малое бысть смущеніе во обители онѣй, увидевше бо отцы святіи, яко уже болѣе единаго месяца церковь стояше затворена, начаша нѣцыи от нихъ расходитися, гдѣ кто изволяше. Азъ же, видя таковое гоненіе на вѣру православную от злославныхъ, положихъ таковое намереніе предъ Богомъ никогдаже въ таковыхъ странахъ жити, идѣже гоненіе бываетъ на Церковь Божію и на вѣру православную отъ злочестивыхъ. Желаніемъ убо желахъ въ православную и Богомъ хранимую землю Молдавскую пойти. Но ово страха ради супостатовъ вѣры святыя, ово же, яко и не обретохъ отнюдъ таковаго мужа[1], иже бы мя тамо возмоглъ отвести, пресѣчеся мое таковое желаніе. Моляхся же Господви, да имиже вѣсть судбами наставитъ мя на путь Свой. По Божію же смотренію, всечестный обители тоя предреченный Екклисіархъ именемъ Мартѵрій и честный монахъ именемъ Кріскентъ краснопевецъ, иже и пѣвчимъ бяше у преосвященнейшаго Кіевскаго Митрополіта Кѵръ Рафаила Заборовскаго, совѣтъ сотвориша пойти въ Кіевъ на житіе во святую Кіевопечерскую Лаѵру, съ нимиже и азъ согласихся. Приуготовлшеся убо и Бога призвавше на помощь, изыдохомъ изъ обители оныя и пойдохомъ въ предлежащій намъ путь. Наставшу же месяцу Декемрію, и снѣгу велику спадшу, зѣло страдахомъ на пути отъ хлада, паче же азъ, скуденъ бо весма бѣхъ за одежду. Помощію же Божіею укрепляеми, пріидохомъ до града Васілкова, отечества преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа Печерскаго, идѣже удержани быхомъ

[1] Слово «мужа» надписано другим почерком.

до шести недѣлъ. Мало же не исполнившуся сему времени, пришедшу повеленію, пропущено насъ чрезъ предѣлъ. Пойдохомъ убо, радующеся, до Богоспасаемаго града Кіева. Идѣже, пришедшымъ намъ, по прошенію нашему определено насъ на житіе во святую Кіевопечерскую Лаѵру. Подавшымъ же намъ доношеніе преподобнейшему отцу Архімандриту Лаѵры тоя Тімоѳею Щербацкому, определи насъ на Ближней пещери пребывати до разсмотренія. По времени же призвано насъ на соборъ и, по доволномъ испытаніи, принято насъ и определено намъ пребывати внутрь святыя Лаѵры, и пребывахомъ вкупѣ въ Соборномъ ряду во определенной намъ келліи. Таже отца Мартѵріа определено быти подъікономіемъ[1], отца же Кріскента опредѣлиша пребывати у отца уставника праваго криласа и ходити на лѣвый криласъ. Азъ же остахся единъ въ келліи оной до времене. Всепреподобнейшій же отецъ Архімандритъ и отецъ мой по плоти, егда еще въ юности своей вкупѣ учахуся въ школахъ Кіевскихъ, велію и неизреченную любовь другъ ко другу стяжаста, и дружество единодушное и таковъ залогъ предъ Богомъ положиста, яко во вся дни живота своего даже и до последняго издыханія туюжде любовь между собою и единодушіе да имутъ. По той убо любви своей, юже ко отцу моему имеяше[2], явилъ есть и ко мнѣ недостойному превосходящую свою любовь. Желая бо, яко да всегда пребываю во святѣй Лаѵрѣ и нигдеже по времени внѣ обители посылаемъ да буду на нѣкое послушаніе, определи[3] мнѣ при преподобнѣйшемъ началницѣ тѵпографскомъ господинѣ Веніаминѣ Іеромонасѣ, при тѵпографіи у всечестнаго Іеросхимонаха Макаріа рукодѣлію учитися іко-

---

[1] Подікономій — помощник эконома.

[2] Слово «имѣяше» надписано другим почерком.

[3] Слово «опредѣли» надписано другим почерком.

ны изъображати на мѣды. Келлію же мнѣ определи среднюю во Ікономскомъ ряду, въ нейже единъ Іеромонахъ и Іеродіаконъ пребываху. Пріемъ же азъ таковое отъ его всепреподобія определеніе, зѣло радовахся душею о таковой его ко мнѣ любви. Пребывая убо въ келліи онѣй, прихождахъ дважды на день къ вышереченному Іеросхимонаху учителю моему, и учахся отъ него рукоделію оному, иже мя по Богу любяше, паче же, егда совершенне уверися о мнѣ, яко отъ словесъ его и разговоровъ, яже съ приходящими къ нему имеяше, никомуже поне и единаго слова не извещахъ, зане въ юности моей сей[1] бѣ у мене аки естественъ обычай: чтолибо видяхъ или слышахъ, отнюдъ никомуже извѣщахъ, но внимахъ точію себѣ. О семъ убо увѣрився, дерзновенно съ приходящими къ нему чтолибо хотяше бесѣдоваше, ни въ чесомже мене опасаяся, и сего ради паче ко мнѣ любовію прилагашеся, и со усердіемъ обучаше мя рукоделію сему. По вся же дни, кромѣ недѣлъ и праздниковъ, на раннюю точію Літургію прихождахъ, по Літургіи же до трапезы, и по трапезе до вечерни приходя ко учителю моему, упражняхся во обученіи предреченнаго рукоделія.

На вечерню же всегда и на утреню приходя, стояхъ за правымъ криласомъ, слушая правила церковнаго. Прежде же святаго и Великаго поста, стоящу ми на обычнѣмъ мѣстѣ въ Церкви, пріиде кононархъ ко мнѣ и рече ми, яко зоветъ тя отецъ уставникъ. Азъ же ужаснухся о семъ, помышляя, что имать рещи ко мнѣ, прищедшу же мнѣ на криласъ[2] и лобзавшу десницу его, повелѣ мнѣ на криласъ ходити. Азъ, слышавъ сіе, зѣло ужасохся и рекохъ къ нему, яко отнюдъ невѣжда есмь въ пѣніи. Онъ же рече ко мнѣ, аще пѣти не возможеши,

---

[1] Слово «сей» надписано другим почерком.

[2] Слова «на криласъ» надписаны другим почерком.

то поне будеши чести, еже ти повелено будетъ. И тако повеленію его не могій противитися, аще и безъ воли моея, хождахъ оттоле на правый криласъ, поя по силѣ моей мало, еже умѣяхъ, и чтя овогда Часословъ, овогда же каноны. Такожде чтяхъ каноны, и, егда за поклонниковъ отправляхуся Параклиси и Акаѳісти, и прочая повелеваемая мнѣ совершахъ съ радостію.

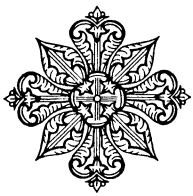
Егда же наста святый и Великій постъ, пойдохъ къ началнику Далнія пещеры, преподобнейшему отцу Іоанну Іеросхимонаху, прозваніемъ Кмитѣ, иже бѣ соборный духовникъ, и высповедахъ предъ нимъ всю совѣсть мою; иже по совершеніи Тайны святыя исповеди, сирѣчь по прочтеніи молитвы прощалныя, со слезами рече ко мнѣ: «Се, чадо, якоже уразумехъ отъ исповеди твоея, Богъ, имиже вѣсть судбами, сохранилъ тя есть въ мірѣ даже доселе отъ великихъ грехопаденій. И аще бы житіе твое было нѣгдѣ въ пустынной обители подъ наставленіемъ искуснаго старца, то негли помощію Божіею возмоглъ бы еси сохранитися душею и тѣломъ и до смерти поне отъ главнѣйшихъ согрешеній. А понеже произволилъ еси въ сей святѣй Лаврѣ, яже посреде міра обретается, съ нами грешными пребывати, то зѣло боюся, да не како яко младъ еще сый, постраждеши последнее и крайнее души твоея разореніе, егоже и въ мірѣ живый не пострадалъ еси; разоренію же таковому вина есть, аще дружество будеши имѣти съ таковыми, иже юни суть и лѣты и разумомъ и неутверждени душами въ страсѣ Божіи. Дружеству же таковому Богопротивному и душепогибелному вину подаси, аще будеши употребляти каковоелибо піянственное питіе. Аще убо хощеши отъ всея души твоея, спасеніе души твоея[1], то совѣтъ тебѣ по Бозѣ преподаю отнюдъ не пити никоегоже піянственнаго питія. Тако бо, помощію Божіею, и отъ дружества поги-

[1] Слова «спасеніе души твоея» надписаны другим почерком.

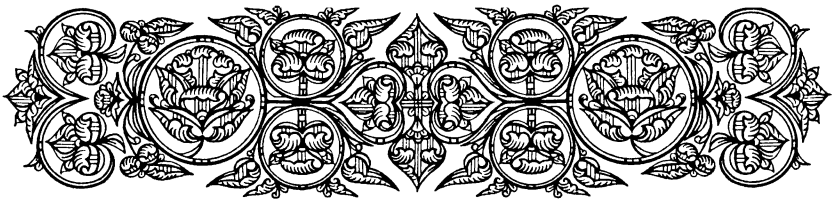
белнаго и отъ крайняго разоренія души твоея убѣгнути возможеши». Сія рекъ, вопроси мене, глаголя: «Можеши ли, чадо, таковому совѣту моему последовати дѣломъ?»

Азъ же известихъ ему, яко отъ рожденія моего горелки не пихъ, зане и естеству моему таковое питіе противно есть и отнюдъ не могу его употребляти, и яко совѣтъ таковъ душеполезный отъ него, яко отъ устъ Божіихъ съ неизреченною радостію вседушне пріемлю, и самимъ дѣломъ, Богу укрепляющу мя, исполняти буду. Онъ же о семъ зѣло возрадовався, рече ко мнѣ: «Аще, чадо, совѣту моему, по обѣщанію твоему, дѣломъ последовати будеши, то вѣрую Богови, яко благодатію Своею сохранитъ тя отъ всякаго душевнаго вреда. Известно же да вѣси, яко тіи, иже восхотятъ тебе къ содружеству своему привлещи, много сотворятъ тебѣ стуженіе, къ себѣ зазывающе, моляще и просяще, увещавающе и всякимъ образомъ убеждающе тебе пити піянственный напитокъ съ ними, аще же на сіе отнюдъ не повинешися, то будутъ укоряти тебе и безчестити, гневатися на тебе и злопомнети. Но ты, Богомъ укрепляемь, вся претерпевай, воли же ихъ никакоже покаряйся, но елико возможеши, бѣгай отъ еже съ таковыми дружество имѣти, отъ сего бо вся злая раждаются. Сіе же искушеніе будеши имѣти до некоего времене. Увидевше бо тя таковіи, яко отнюдъ не піеши пянственнаго питія еже есть вина, неполезному дружеству престанутъ тебѣ о семъ стужати, и дадутъ ти покой, и будеши имѣти преглубокій миръ въ души твоей». Азъ же, пріемъ отъ него таковый душеполезный совѣтъ, зѣло возрадовахся, и поблагодаривъ ему, изыдохъ, прославляя Бога, яко сподоби мя отъ таковаго святаго мужа наставленіе духовное пріяти. Не піяхъ же, по совѣту его, ниединаго піянственнаго питія, кромѣ воды или кваса каковаголибо. По слову же его вся сбышася, и стуженіе бо немалое доволное время отъ таковыхъ имѣхъ и миръ глубокъ послежде отвсюду обретохъ, тихо

и мирно въ Лаvрѣ святѣй пребывая. Любяху же мя и вси началствующіи отцы тоя святыя Лаvры, паче же всѣхъ преподобнейшій господинъ Веніаминъ, началникъ тvпографскій, яко отецъ чадолюбивый въ крайней любви своей, мене аки чадо свое духовное содержаше, и милостію своею отеческою снабдеваше. Усмотревъ бо по времени крайнюю мою во одеждѣ нужду, попечеся приодягнути мене. Егда бо пріидохъ во святую сію Лаvру, зимѣ сущей, едва точію пренуждную лѣтнюю имѣхъ одежду и ходя въ церковь, зѣло страждахъ отъ безмернаго хлада и лютыхъ мразовъ, трясыйся чрезъ все правило церковное болѣе нежели два месяца, не смѣяхъ же яко пришлецъ и страненъ никомуже о нуждѣ моей возвестити, но, Богу укрепляющу мя, терпяхъ съ благодареніемъ. Приближающуся же пресветлому празднику Воскресенія Хрістова, предреченный отецъ началникъ, якоже выше речеся, одеждою снабдѣ мене, и о прочіихъ нуждахъ моихъ печашеся, и прохождахъ послушаніе мое съ радостію, благодаря Богови.



Житие
преподобного Паисия Величковского, составленное схимонахом Митрофаном



Мѣсяца ноемврія въ пятнадцатый день. Житіе и подвиги блаженнаго отца нашего старца Паисія. Бѣжаніе отъ міра, странствія его, собраніе къ нему братій, и сожитіе съ ними

Еже убо благія мужы похваляти, и вѣнцы имъ плести и изъящества сихъ воспѣвати и возвышати успѣшно есть и полезно, и глаголати по силѣ[1] увѣщаваетъ. Мірскихъ же сихъ и привременныхъ, и видимое въ веществѣ имущихъ, аки домъ и похвалы ихъ разоряемы видимъ. Яко же пламень огненный соотходитъ веществу иждившуся, тако и похвалы таковыхъ, и честны долнихъ и скорѣйше разливающихся[2], суетная употребляющихъ соотходятъ по Писанію, и память ихъ съ шумомъ погибаетъ. Жителствовавшихъ же по Богу житіе и просіявшихъ въ добродѣтели великія, вѣмы, виновно быти ползы. Ибо самыя похвалы внимающимъ Богу послушающія въ подражаніе боголюбезныхъ подвиговъ приводятъ, похваляти же произволяютъ отъ святыхъ, и изобилна противовоздаянія и мздовоздаянія. Не токмо же, но и Богъ таковыми

[1] Приписка на полях: по силѣ разума.

[2] Приписка на полях: растекающихся.

угождаемь бывая, премудрости пространство тако похваляющымъ даруетъ. Яже бо на святыя похвала на самаго Бога обыче преходити и возноситися: прославляющыя бо Мя, глаголетъ, прославлю[1], и въ лѣпоту. Понеже Владыка всѣхъ и Господь яснѣ тако узаконяетъ, глаголя о Апостолѣхъ: и *васъ пріемлетъ*[2], *Мене пріемлетъ; и иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя.* Славы бо яже о святыхъ и похвалы не отъ нижнихъ и пребывателно ничтоже ниже извѣстно имущихъ начало основаніу имутъ, но отъ вышнихъ и божественныхъ, и присно такожде сущихъ. Якоже бо кто домъ многоцѣненъ хотя воздвигнути, аще не первѣе ископавъ и углубивъ землю, тверда положитъ основанія, твердо каменіе низполагая, вотще текуща зритъ зодчія: храминѣ бо разоршейся, и малое оно основаніе, съ нею соотходитъ. Тако разумѣти подобаетъ и о онѣхъ похвалахъ, и долуплѣжныхъ вещехъ полагаемыхъ, съ показаніемъ и славою тщею, яже употребляютъ похваляющіи сія, по внѣшнимъ мудрецемъ: краснорѣчіемъ и украшеніемъ слова самый той и единъ слухъ увеселяюще и услаждающе. И отсюду и похвалы онѣхъ забвенія глубинамъ преданы быша, истинныя же святыхъ памяти и низположеніе основаній добродѣтели, истинныхъ начало имутъ отъ неразсѣдаемаго камене онаго краеуголнаго, иже есть Хрістосъ. Отонуду бо яко воистинну и похваляемый нынѣ, и въ свѣтлу выну[3] намъ настоящаго слова предлежащій блаженный отецъ нашъ Паісій, начало и основаніе пріятъ, якоже просходящее напредъ слово сіе явитъ.

Азъ убо учився у него, то есть ученикъ онаго бывъ, и не малое время пребывъ со онѣмъ, и радостнѣ яко рабъ онаго по духу бывъ: хощу уже братіямъ моимъ послежде

---

[1] Приписка на полях: 1 Цар. 2, 30.

[2] Должно быть: *иже васъ пріемлетъ* (см.: Мф. 10, 40).

[3] То есть: вину (причину).

въ соборъ нашъ пришедшымъ, и лица его не видевшымъ, и прочіимъ всѣмъ на пользу прочитающымъ повѣсть сотворити: елика убо съ нимъ бывше очима моима видѣхъ, и отъ устъ его слышахъ, елика же отъ посланій его, и отъ повѣствованія саморучнаго о соборѣ и о себѣ, отъ юности написаннаго мало вземъ, елика же отъ братій слышахъ о великихъ его исправленіихъ и зѣло хотѣхъ бы и языкомъ достойнымъ обогатѣти, имже бы возмогъ отцу нашему приличный долгъ похвалами отдати. А понеже и Богу любимо есть еже по силѣ, похвально же вмѣнится и учителю, яко никтоже инъ, но ученикъ за долгъ почелъ, еже по возможности написати праведное.

Тѣмже начати подобаетъ слово, на помощь святыхъ и божественныхъ молитвъ, приснопамятнаго упованіе возъимѣвше. По постижному бо къ живущимъ по Бозѣ и добродѣтель лобзающимъ, и истины дѣлателемъ и ревнителемъ опаснымъ исправленій онаго, яже о немъ простѣ, и якоже заслажденіе добрѣйшее и душеполезно предложу.

Творю же начало, отонудуже и основаніе положихъ. Внимати же достойно есть имущымъ уже реченнымъ быти. За два лѣта предъ кончиною блаженныя памяти Великаго Государя Императора и Самодержца Петра Перваго, отца Россіи и побѣдителя многихъ странъ, то есть 1722 лѣта, родися сей блаженный отецъ нашъ Паісій іеросхимонахъ, въ преславномъ малороссійскомъ градѣ Полтавѣ, отъ благочестивыхъ и православныхъ родителей: отецъ его бѣ Іоанъ Величковскій протопопъ Полтавскій. Мати же Ірина, яже во иночествѣ преименована бысть Іуліаніа монахиня. По рожденіи же его, въ четвертое лѣто отецъ его отъ временныя сея къ вѣчнѣй преселися жизни. Онъ же остася съ матерію своею, и съ старѣйшимъ роднымъ братомъ Іоанномъ Величковскимъ, иже послежде бѣ и настоятелемъ соборныя Полтавскія церкве Успенія Пресвятыя Владычицы нашея

Богородицы и Приснодѣвы Маріи, въ нейже церкви и отецъ его и дѣдъ священствоваша. Таже мати вдаде его во ученіе книжное, и Господу споспѣшествующу ему, чрезъ два лѣта и мало болѣе Букваря и Часословца[1] и Псалтыря изучися точію, и абіе нача Божіею помощію преудобнѣ по книгамъ чести. Отъ вышереченнаго же старшаго брата своего и писати въ дому своемъ чрезъ нѣкое время изучися. И между ученіемъ тѣмъ, егда свободное обрѣташе время прилѣжно чтяше книги Божественнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, житія святыхъ, святаго Ефрема со святымъ Дороѳеемъ, святаго Іоанна Златоустаго Маргаритъ и прочия елика обрѣтахуся во святѣй предреченнѣй церкви: и отъ чтенія таковыхъ святыхъ книгъ, паче же житій преподобныхъ отецъ нашихъ во святѣмъ и ангелстѣмъ монашестѣмъ образѣ Богу благоугодившихъ, начатъ и въ души его раждатися ревность ко оставленію міра и воспріятію святаго монашескаго образа, яже дондеже пребываше въ мірѣ никогдаже оскудѣ отъ души его. Кто же не удивится благодати Божіей въселшейся въ душу таковаго отрока: десятолѣтна еще бывша, разума старческаго сподоблшеся: чтяше бо книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, и прочыя. И аще не бы открывала благодать разумъ въ нихъ, то не бы въ немъ таковаго усердія къ чтенію, и желанію монашескаго образа. Дѣтскихъ же устроеній не бяше въ немъ, но мужа совершенна. Затворяшеся бо единъ и чтяше ненасытно книги: молчаніе же толико любяше, что домашніи, и самая мати не бяху удоволствовани бесѣдою его, зане и къ самой матери кромѣ единаго или двоихъ словесъ не глаголаше болѣе, аще бы и какъ ни подвизала его на бесѣду къ себѣ по обычаю матерей, отъ дѣтскаго бо собесѣдованія много утѣшаются и услаждаются родители. И отъ сего многіи

[1] В рукописи: Часловца.

мняху яко нѣмый онъ. Собирахуся же по обычаю во время великихъ праздниковъ сродницы съ дѣтми своими въ гостѣ къ нимъ, то ниже дѣти могли когда подвигнути его къ своимъ дѣтскимъ играмъ или бесѣдѣ, ни старіи своими даровизнами да проговоритъ къ нимъ поне единое слово. И вопрошали матере его и домашнихъ: не нѣмый ли онъ? И отвѣщали: ни.

Но и мы никогдаже слышимъ бесѣду его, развѣ когда единое или два слова, а впрочемъ всегда молчитъ. Бѣ же кротокъ и зѣло стыдливъ и бездерзновенъ, не точію къ чуждымъ, но и къ своимъ: таковое бѣ чуднаго мужа сего въ юности благонравіе, что всѣмъ удивлятися о немъ. И явѣ показующее пришедшу въ возрастъ, образъ быти и прописаніе всѣхъ добродѣтелей душевныхъ и тѣлесныхъ, еже и бысть. Пришедшу же ему отъ рожденія его тринадесятому лѣту, преставися и старшій его брат Іоаннъ ко Господу, священствовавъ точію пять лѣтъ: и воспослѣдова матери его нужда, взявши и роднаго своего брата, егоже дядю, Васіліа Манденка, и его съ собою поихати къ Преосвященнѣйшему тогда бывшему Митрополиту Кіевскому Кѵръ Рафаилу Заборовскому, съ писаніемъ просителнымъ крестнаго его отца Васіліа Васіліевича Кочубея полковника Полтавскаго, и всея старшины и всѣхъ почтеннѣйшихъ гражданъ Полтавскихъ о подтвержденіи отеческаго его предреченныя соборныя Полтавскія церкве наслѣдія грамотою Его Преосвященства: предъ егоже святымъ лицемъ егда стіхи нѣкія отъ учена мужа сотворены, по лобзаніи святыя его десницы, со всякимъ дерзновеніемъ и подобающимъ произношеніемъ велегласно, яже прежде предъ матерію своею и дядемъ своимъ, аще и много отъ нихъ нудимъ бѣ, изглаголати не возможе; толико возрадовася Его Преосвященство, яко благословивъ его, таковая велегласно произнесе словеса: быть тебѣ наслѣдникомъ. Сіе же бѣ не отъ велегласно и сладкоглаголанія стіховъ

онѣхъ, но отъ Божія откровенія: провидя бо въ немъ благодать Божію, имущую явитися во свое время въ сладкоглаголаніи и поученіи ко спасенію душъ. И давъ грамоту матери его подтвердителную о его предреченныя церкве наслѣдіи, отпусти съ благословеніемъ: повелѣвъ матери его вдати его въ школы Кіевскія обученія ради внѣшняго ученія. Яже возвратившися въ домъ свой въ Полтаву, по нѣкоемъ времени немедленно посла его въ Кіевъ ученія ради: въ немже лѣтъ три со усердіемъ обучашеся грамматическому ученію всякаго лѣта по обычаю школному іуніа или іуліа мѣсяця отъиздя въ домъ къ матери своей, и пребывая тамо яко два мѣсяца; и совершенную имѣя свободу, ни въ чемже тако упраждняшеся, якоже въ чтеніи книхъ святыхъ. Отъ нихже паче и паче утверждашеся въ непремѣнномъ намѣреніи своемъ о монашествѣ. Еще же и совершеннѣ уразумѣвъ, яко безъ добрыхъ дѣлъ то есть безъ прилѣжнаго храненія заповѣдей Хрістовыхъ, единою православною вѣрою отнюдъ спастися невозможно: и положилъ бяше таково завѣщаніе въ души своей предъ Богомъ, укрѣпляющей его благодати Его, еже ближняго своего не осуждати, аще бы и очима своима увидѣлъ его согрѣшающа. Извѣстно вѣдая яко единъ есть праведный и истинный живыхъ и мертвыхъ Судія Хрістосъ истинный Богъ нашъ, Иже воздастъ комуждо по дѣломъ его. Осуждаяй же ближняго своего достоинство Божіе самъ на себе восхищаетъ, творя себе судію живыхъ и мертвыхъ. Чесого что есть страшнше? Еще же и не имѣти ненавѣсти на ближняго, еже по свидѣтелству святыхъ отецъ болшій грѣхъ есть паче всѣхъ грѣховъ. Еще же отъ всего сердца и души прощати ближнему согрѣшенія, въ надежду прощенія грѣховъ своихъ отъ Бога. Не прощаяй бо ближнему своему согрѣшеній его, отнюдъ не будетъ имѣти прощенія грѣховъ своихъ отъ Отца Небеснаго. Сіе убо завѣщаніе его о храненіи заповѣдей сихъ данное предъ

Богомъ, во всей жизни своей сохрани, и насъ всегда поучаше и подвизаше къ дѣланію заповѣдей Божіихъ, по ученію Святаго Писанія, яко паче всего преудобнѣйшему и безтруднѣйшему пути ко спасенію емуже, по силѣ нашей и послѣдовахомъ, и послѣдуемъ благодатію Христовою. Въ чтеніи убо книгъ святыхъ якоже предрекохъ во время въ дому своемъ пребыванія упражняяся, наставляяшеся на храненіе заповѣдей Божіихъ, и на разумъ правый и мудрованіе Святыя Православныя Церкве. Въ приличное же время отъѣздяше въ Кіевъ и пребываше со усердіемъ во ученіи школнѣмъ, въ тыя убо три лѣта аще и не малу ревность имѣвъ и любовь къ монашескому житію, паче же егда и друговъ нѣколикихъ, такужде ревность и подобное намѣреніе о монашествѣ имѣвшихъ, стяжавъ. Наипаче же егда и наставника и руководителя къ сему сподобися имѣти въ Братскомъ Богоявленскомъ святомъ монастири пребывавшаго благоговѣйнѣйшаго іеросхимонаха отца Пахоміа, иже въ странствіи нѣкое время и въ пустынѣ поживе, и имѣяше у себе нѣколико и книгъ отеческихъ, иже овогда убо словомъ многія ползы исполненнымъ, овогда же къ чтенію подаваемыми ревность ону въ душѣ его воспаляше. Но обаче и ученіе школное и дотолѣ еще со усердіемъ прохождаше. Въ четвертое же лѣто, чрезъ всю зиму даже до распущенія школъ, еже бываетъ іуліа 15-го дня аще и пребывалъ во ученіи школнѣмъ, обаче уже не съ толикимъ усердіемъ якоже прежде, желаніе бо монашества превозмогаше въ души его, и не попущаше ему болѣе во ученіи пребывати, но понуждаше его аще бы возможно было скорѣе отрещися міра и быти монахомъ. Къ сему въ немъ ни единаго успѣянія. Пришедшу же лѣту, оставивъ ѣе́, и отъѣхавъ къ матери своей въ Полтаву, яже егда увидѣ его неизреченныя радости исполнися и со слезами благодарящи Богу, яко по двоелѣтномъ времени едва дождалася увидѣти его. Такожде и

онъ зѣло возрадовася сподобився Божіею помощію узрѣти ю́. Зѣло бо по Бозѣ любяше ю́ и почиташе яко матерь свою. Пребывая убо въ дому своемъ упражняшеся въ чтеніи книгъ святыхъ, и возгаряшеся огнь любве Божія, въ сердцѣ его, и ревность къ монашескому житію и странничеству. Тако ему пребывающу, умысли о намѣрении своемъ и матери своей совершеннѣ объявити, яже аще и давно уже вѣдяше о семъ, но отчасти, и сего ради надѣяшеся яко онъ по окончаніи аще и несовершеннѣмъ школнаго ученія, оставивъ предложеніе свое о монашествѣ, и по закону Хрістіанскому оженився и священникомъ яко наслѣдникъ отца своего ставъ, будетъ о ней яко о матери своей подобающее имѣти попеченіе. И она будетъ имѣти его старости своей подпору и желаемое утѣшеніе. Паче же всего зѣло желаше да не испразднится и родъ ихъ: дванадесятъ бо чадъ имѣяше, ихже всѣхъ, кромѣ его единаго предъпосла ко Хрісту. Онъ же изъ нихъ единъ точію оста, и тѣй въ старости на нѣкое по Бозѣ окормленіе и утѣшеніе, и наслѣдія рода и дому ихъ Величковскихъ уже не оставшагося на возставленіе. Такову убо имѣющей тѣй надежду, егда извѣсти ей намѣреніе свое о монашествѣ непремѣнное, то неудобно изрещи якова печаль и скорбь постиже душу ея. Совѣтоваше[1] же и тужаше, многажды же и плакаше, и утѣшитися не хотяше, и со слезами его увѣщаваше не оставити же истребитися и дому ихъ, еже неизбѣжно послѣдовати имать (якоже и послѣдова) изшедшу тебѣ, рече, изъ міра въ монашество. Видя же онъ гражданинъ небесный, такову ея печаль и скорбь, аще и зѣло имѣя къ ней яко къ матери своей любовь, соболѣзноваше о ней душею, но обаче въ намѣреніи своемъ пребывая непреклоненъ. Утѣшаше ю́ по силѣ своей прося и моля не скорбѣти о его монашества намѣреніи, но паче радова-

[1] Вероятно, описка. По смыслу больше подходит: сѣтоваше.

тися о семъ и веселитися и прославляти Бога, давшаго ему Своею благодатію таковый помыслъ. И на Его всемогущій промыслъ всю о своемъ окормлении имѣти надежду. Увидѣвъ же яко отнюдъ не можаше утѣшитися, но день отъ дне къ болшей еще прилагашеся скорби и печали. Извѣстивъ о намѣреніи своемъ, и о скорби ея духовнику своему: иже совѣтова ему, утѣшенія ради матере своея, яко да не предаетъ себе въ болшую печаль, бесѣдовати съ нею смотрителнѣ, аще и поверхнымъ образомъ по ея воли. Пріемъ убо отъ духовника своего совѣтъ таковъ и послѣдова: не дерзая уже болѣе о предложеніи своемъ тѣй воспоминати. Но бесѣдоваше къ ней таковая словеса, яже угодна ей бяху и утѣшаху душу ея. Извѣщаваше бо ей яко подобаетъ ему первѣе окончати школное ученіе, яко де не будетъ крайній невѣжда не могій къ народу хрістіанскому и единаго проглаголати слова, но да будетъ не точію во священствѣ, но и во ученіи елико мощно будетъ ему прадѣда и дѣда, отца же и брата его наслѣдникъ, иже бывше учени, въ проповѣди слова Божія труждахуся. Таже по окончаніи ученія, аще Богъ возблаговолитъ, то удостоитъ и его аще и недостойнаго, якоже степене ихъ, тако и труда въ проповѣди ученія Хрістова. Таковая убо и подобная симъ словеса слышащи отъ него мати его, не малу пріемлюще въ души своей отъ печали оныя отраду. Надѣяшеся бо яко по времени исполнится ея желаніе. Пришедшу же времени ученія школнаго, начатъ приготовлятися, и отъѣхавъ въ Кіевъ, провождающей его матери его; даже до града Решетиловки, разстояніемъ за тридесять верстъ. Преощевавше же тамо, отъѣхалъ онъ въ путь свой, и еще мало проводившей его матери его: таже остановившися мало на единомъ мѣстѣ, и начатъ мати его аки бы увидѣвшая, яко уже отходитъ отъ нея невозвратнымъ отхожденіемъ, и яко уже болѣе въ жизни сей маловременнѣй его не узритъ, со многими слезами глаголати къ нему, прося его

и моля, и всяцѣмъ образомъ увѣщавая не оставити ея, но пребывати во ученіи школнѣмъ до подобающаго времене. На всякое же лѣто пріиздити къ ней по обычаю: да поне на малое время видѣніемъ его имать отраду въ души своей. Такожде и онъ видя ея таковыя неутѣшимыя слезы, и извѣстно вѣдая, яко уже болѣе ея въ жизни сей не имать узрѣти, отъ естественныя его къ ней любве плакалъ и рыдалъ, и припадая къ ногамъ ея просилъ матерняго ея прощенія и послѣдняго благословенія, частѣ со слезами лобызая святую ея десницу. И утѣшая ю аще и смотрителнѣ по предреченному наставленію духовника своего, благопріятными ей словесы. И тако получивъ на путь матерныя ея молитвы и благословеніе разыдошася. Она убо отъѣде въ домъ свой плачя купно же и тѣша себе, надежду нѣкую имѣя отъ словесъ его къ ней о повиновеніи его; онъ же отъѣхал въ путь свой. Аще и зѣло сожалѣя о матери своей, помышляя будущую неудобьстерпимую печаль и скорбь души ея, о его невозвратномъ уже отъ нея отшествіи. Обаче и радуяся и прославляя Бога, несумнѣнную на Него надежду имѣя яко благодатію Своею сподобитъ его намѣреніе его самимъ дѣломъ исполнити. Пріихавъ же въ Кіевъ, отпусти вспять съ возомъ къ матери своей привезшаго его, написавъ къ ней яко помощію Божіею, и ея матерными молитвами благополучно пріихалъ въ Кіевъ. Оставивъ убо друговъ за еже препятствовали ему ко скорому отшествію и наченъ помышляти что сотворю и гдѣ пойду, разжегся же душею къ странствованію изыде изъ Кіева и странствовавъ много, и пострадавъ безчисленно, пріиде во единъ монастирь пустынный, идѣже пріятъ былъ и опредѣленъ въ послушаніе; и егда наста постъ Пресвятыя Богородицы, на Преображеніе Господне пострижe его игуменъ въ расофоръ. Пребываше убо во обители онѣй проходя общее въ церквѣ и трапезѣ послушаніе со усердіемъ, еще же и отъ произволенія своего поварю по-

мощь нѣкую творяше. Овогда воду малимъ бариломъ на двохъ колесахъ собою привозя, овогда же дрова сѣча, и прочая въ поварнѣ дѣла совершая, съ радостію. И правила церковнаго, во дни убо егда руку подаяше, въ нощи же никогда же оставляше. Не подобаетъ же молчаніемъ покрыти и сіе, еже азъ написавый его житіе, отъ устъ его слышахъ, и лишити братій моихъ пользы. Егда азъ изыдохъ изъ міра и пріидохъ ко блаженному отцу нашему въ послушаніе въ монастирь Драгомирну, въ 1766 году, имѣхъ послушаніе въ поварнѣ, и проходя е со всякимъ усердіемъ и страхомъ Божімъ[1] два лѣта, имѣя отъ него въ души моей неизреченную пользу, таже ослабѣвъ ногама зѣло, и едва могохъ ходити. Единою пріидохъ къ нему, яко отцу чадолюбиву, возвѣщая болѣзнь мою. Онъ же утѣшая мене, отверзъ святая своя уста и рече, нѣсть брате тяжчайшаго послушанія якоже въ поварнѣ, занеже все служеніе на ногахъ. Приложи же и о себѣ глаголати: Егда бѣхъ юнъ, и сподобихся съ неизреченною радостію начало пріяти святаго монашескаго образа, положихъ въ души моей таковое намѣреніе, еже не лежати никогда же, но весь день въ послушаніи на ногахъ, а всю нощь стояти на правилѣ, и стоя, мало пріимати сна. Пребывъ убо въ семъ нѣкое время, и возболѣша ми нозѣ, тако что и ходити не могохъ: принужденъ убо быхъ и нехотящъ оставити намѣреніе мое. Таже положивъ въ себѣ сѣдя пріимати мало сна; обрѣтохъ же лубяну коробочку, и часть единыя страны вирѣзавъ, и тако сѣдя на ней мало пріимахъ сна; егда же усипахъ крѣпко, тогда коробочка мя возбуждала, она превратится, а я съ ней упаду, и возбудившися до церкви бѣжу смотрѣти, не проспалъ ли начала утрени, и егда видѣхъ церковь заключенну, тогда съ радостію возвращахся въ келлію благодаря Бога. Нѣкогда же привниде бесѣда о

[1] Так в рукописи.

многоспанiи: глаголаше бо блаженный къ намъ присно: не много спите; единою укоряя насъ глагола: азъ въ юности молихся Богу четыредесять дней, чтобы не спати много; и получивъ отъ Господа, что доволно мнѣ было три часы въ сутки на сонъ. Нынѣ же, аще случится заснути мнѣ три часы, то́ вмѣняю велiю благодать Божiю: многажды бо желаю поне единъ часъ уснути и не могу. А вы себе волею въ разслабленiе сна предаете отъ лѣности, не хотяще подвизатися. Паки же возвратимся къ первому бесѣдованiю. Тамо убо ему во обители онѣй подвизающуся, и тихо и мирно пребывающу, Божiмъ попущенiемъ воста гоненiе на обитель ону, и на вѣру православную, отъ злославныхъ властей полскихъ. Пришедъ бо отъ управителя страны тоя единъ сановитый мужъ во обитель ону, повелѣ собратися всѣмъ монахомъ въ келлiю игуменову, и начатъ многоразличными словесы увѣщавати ихъ къ соединенiю злочестiю своего. Егда же увидѣ яко отнюдъ не восхотѣша преклонитися на злочестiе его, разгнѣвася, и вшедъ въ церковь преписа вся сосуды церковныя, изшедъ же изъ церкве заключи ю́ и запечатлѣ печатiю своею, и вземъ ключи отъ церкве отъиде съ великимъ гнѣвомъ и прещенiемъ. Сего ради не малое бысть смущенiе во обители онѣй. Увидѣвше бо отцы святiи яко уже болѣе единаго мѣсяца церковь стояше затворена, начаша нѣцыи отъ нихъ расходитися гдѣ кто изволяше. Блаженный же видя таковое гоненiе на вѣру православную отъ злославныхъ, молящеся Господеви да имиже вѣсть судбами наставитъ его на путь Свой. По Божiю же смотренiю два монахи тояжде обители, идоша въ Кiевъ, съ ними же и онъ, пришедшымъ же имъ тамо прияти быша въ Кiевопечерскую Лаѵру, и опредѣлиша онѣхъ монаховъ на иная послушанiя, а его въ тѵпографiю учитися рукодѣлiю иконы изображати на мѣди. Келлiю же ему опредѣлиша среднюю во iкономскомъ ряду, въ нейже единъ iеромонахъ и

іеродіаконъ пребываху. Прихождаше же онъ ко учителю своему іеромонаху Макарію дважды на день, и обучашеся отъ него рукодѣлію оному. Онъ же его по Богу любяше за его молчаніе, кротость и смиреніе. Паче же егда совершеннѣ увѣрися о немъ, яко отъ словесъ его и разговоровъ яже съ приходящими къ нему имѣяше, никомуже поне и единаго слова не извѣщаше, зане въ юности его сей бѣ въ немъ аки естественъ обычай: чтолибо видѣ или слыша отнюдъ никомуже отвѣщаваше, но внимаше точію себѣ. Егда же наста святый и Великій постъ, пойде къ началнику Далнія пещеры преподобнѣйшему отцу Іоанну іеросхимонаху, и высповѣдавъ предъ нимъ всю свою совѣсть. Иже по совершеніи тайны святыя исповѣди, сирѣчь по прочтеніи молитвы прощалныя, со слезами рече къ нему. Се чадо, якоже уразумѣхъ отъ исповѣди твоея, Богъ имиже вѣсть судбами сохранилъ тя есть въ мірѣ даже доселѣ отъ великихъ грѣхопаденій. И аще бы житіе твое было нѣгдѣ въ пустынной обители, подъ наставленіемъ искуснаго старца, то негли помощію Божіею возмоглъ бы еси сохранитися душею и тѣломъ и до смерти, поне отъ главнѣйшихъ согрѣшеній. А понеже произволилъ еси въ сей святѣй Лаврѣ, яже посредѣ міра обрѣтается съ нами грѣшными пребывати, то зѣло боюся да не како яко младъ еще сый постраждеши послѣднее и крайнее души твоея разореніе, егоже и въ мірѣ живый не пострадалъ еси. Разоренію же таковому вина есть, аще дружество будеши имѣти съ таковыми иже юни суть и лѣти и разумомъ, и неутверждени душами въ страсѣ Божіи. Дружеству же таковому и душегубителному вину подаси, аще будеши употребляти каковоелибо піянственное питіе. Аще убо хощеши отъ всея души твоея спасенія души твоей, то совѣтъ тебѣ по Бозѣ преподаю отнюдъ не пити никоегоже піянственнаго питія: тако бо помощію Божіею и отъ дружества погибелнаго, и отъ крайняго разоренія души твоея убѣгнути возмо-

жеши. Сія рекъ вопроси его глаголя: можеши ли, чадо, таковому совѣту моему послѣдовати дѣломъ? Онъ же извѣсти ему, яко отъ рожденія своего горѣлки не пивъ, зане и естеству его таковое питіе противно есть, и отнюдъ не можетъ его употребляти. И яко совѣтъ таковъ душеполезный отъ него, яко отъ устъ Божіихъ съ неизреченною радостію вседушнѣ пріемлетъ, и самимъ дѣломъ Богу укрѣпляющу его исполняти будетъ. Онъ же о семъ зѣло возрадовався рече къ нему: аще, чадо, совѣту моему по обѣщанію твоему дѣломъ послѣдовати будеши, то вѣрую Богови яко благодатію Своею сохранитъ тя отъ всякаго душевнаго вреда. Извѣстно же да вѣси яко тіи иже восхотятъ тебе къ содружеству своему привлещи, много сотворятъ тебѣ стуженіе, къ себѣ зазывающе, и всякимъ образомъ убѣждающе тебе пити піянственный напитокъ съ ними; аще же на сіе отнюдъ не повинешися, то будутъ укоряти тебе и безчестити, гнѣватися на тебе и злопомнѣти. Но ты Богомъ укрѣпляемь вся претерпѣвай, воли же ихъ никакоже покаряйся. Но елико возможеши бѣгай отъ еже съ таковыми дружество имѣти, отъ сего бо вся злая раждаются, сіе же искушеніе будеши имѣти до нѣкоего времене. Увидѣвше бо тя таковіи яко отнюдъ не піеши піянственнаго питія, еже есть вина неполезному дружеству, престанутъ тебѣ о семъ стужати, и дадутъ ти покой, и будеши имѣти преглубокій миръ въ души твоей. Онъ же пріемъ таковый душеполезный совѣтъ зѣло возрадовася, и поблагодаривъ ему изыде прославляя Бога яко сподобилъ его отъ таковаго святаго мужа наставленіе духовное пріяти. Не піяше же по совѣту его ни единаго піянственнаго питія, кромѣ води или кваса каковаголибо. По слову же его вся сбышася: и стуженіе бо не малое доволное время отъ таковыхъ имѣяше, и миръ глубокъ послѣжде отвсюду обрѣте, тихо и мирно въ Лаврѣ святѣй пребывая. Любяху же его и вси началствующіи отцы тоя святыя Лавры.

Повесть о матери его, что случися ей по отшествіи его отъ нея

Требывающу ему въ сей святѣй Кіевопечерской Лаврѣ, наставшу лѣту, пріиде на поклоненіе въ Кіевъ невѣстка его, сожителница покойнаго брата его Іоанна священника, съ братомъ своимъ роднымъ Ѳеодоромъ и дядею его Сѵмеономъ. Пришедшымъ же имъ на поклоненіе во святую Кіевопечерскую Лавру, пріидоша и къ нему въ келлію его, и сѣдшымъ по обычаю и бесѣдующымъ съ нимъ, начатъ невѣстка его повѣдати ему о матери его: яко мати твоя, рече, по отшествіи твоемъ въ Кіевъ ученія ради, пребываше въ дому своемъ со мною, овогда плакаше яко не видяше тебе, овогда же и утѣшая себе надеждою яко не оставиши ея. Егда же чрезъ надежду ея пріиде вѣсть изъ Кіева къ ней яко уже ты невѣдомо гдѣ изъ Кіева отшелъ еси, толь неисповѣдимая печаль объятъ душу ея, яко неутѣшимо плакаше и рыдаше. Таже не могущи утѣшити себе отъиде въ Кіевъ на взысканіе твое зимѣ належащей великой, идѣже пріихавшей ей, искаше тебе всюду прилѣжно по святымъ обытелемъ Кіевскимъ и скитамъ. Егда же отнюдъ не обрѣте тебе, возвратися въ домъ свой съ неизреченною нуждею, мало бо не умре въ пути отъ зѣло прелютыхъ мразовъ. Пріихавши же въ домъ непрестанно плакаше и рыдаше день и нощь никомуже могущу утѣшити ея. Таже егда по доволномъ времени нестерпимая печаль и скорбь пооблада душею ея, не могущи уже болѣе терпѣти, умысли дотолѣ не ясти ни пити дондеже умретъ. И оттолѣ никтоже можаше увѣщати ея, или убѣдити поне мало вкусити пищи или питія, по малѣхъ же днехъ толь изнеможе отъ неяденія яко умъ ея не можаше уже здраво дѣйствіе свое совершати, но начатъ мѣшатися, тѣмже и бесѣдоваше овогда здраво, овогда же невѣдомо что. Таже изнемогши въ конецъ ляже на одрѣ своемъ, чая уже

скоро умрети. Собрашася же и мнози отъ сродникъ ея, и не отходно присѣдаху при ней зѣло сожалѣюще о ней. Таже увидѣвши нѣкое видѣніе ужасеся, и начатъ зѣло прилѣжно молити сродниковъ, яко да скоро дадятъ ей книгу глаголемую Акаѳістикъ[1], давшымъ же ей начатъ гласно чести Акаѳістъ Пресвятѣй Богородицѣ безъ всякаго погрѣшенія, яко всѣмъ о семъ удивитися; и егда совершаше, паки начинаше чести тойжде Акаѳістъ. Егда же прочте нѣколико кратъ, восхотѣша взяти книгу тую изъ рукъ ея, но не возмогоша: зѣло бо крѣпко держаше ю́ въ рукахъ своихъ непрестанно чтущи тойжде Акаѳістъ. И познаваху сродницы яко видящи нѣчто, чтеніемъ непрестаннымъ Акаѳіста защищаше себе. Егда же прейде день единъ и нощь чтущей ей Акаѳістъ, сѣдящымъ близъ ея сродникомъ и взырающымъ на ню, лежащей ей на одрѣ, абіе внезапу воззрѣ очима своима горѣ, и стояху очи ея неподвижно водружени зрѣніемъ горѣ мало не на полъ часа, всѣмъ удивляющымся о семъ и недоумѣвающымся, что имать быти. Таже воззва велегласно: аще тако есть воля Божія, то уже отселѣ не имамъ скорбѣти о сынѣ моемъ. Сродницы же со ужасомъ вкупѣ и радостію услышавше сіе начаша прилѣжно вопрошати ю́, что видѣла есть. Она же ничтоже на сіе отвѣщавающи, моляше ихъ, яко да призовутъ къ ней духовника ея. Призвану же бывшу духовнику, исповѣда ему вся яже имѣяше, по исповѣди же обратися совершенно умъ ея къ ней. Отшедшу же духовнику внидоша къ ней сродницы, и начаша паки вопрошати ю́, что видѣла есть, уразумѣвше же яко превеликія ради слабости тѣлесныя, отъ нея же едва жива остася, не можаше съ ними бесѣдовати. Начаша убо первѣе пещися о укрѣпленіи ея, вливающе ей ложицею воду во уста, таже и пищу подаваху ей зѣло легкую, варяще вареніе рѣдкое и ложицею питающе ю́ своими руками, аки малое отроча, дондеже по малу и сама начатъ

[1] Так в рукописи.

пріимати пищу. Егда же укрѣпися мало воздвигоша ю́ на одрѣ и посадиша, сѣдящи же начатъ повѣдати имъ видѣніе свое еже видѣ. «Яко азъ, — рече, — егда уже отъ толь много неяденія въ конецъ ослабѣхъ, и чаяхъ скоро умрети, пріидохъ во ужасъ великій, и увидѣхъ множество бѣсовъ зѣло престрашныхъ и мрачныхъ, покушающихся напасти на мя, отъ ихже видѣнія зѣло ужасшейся душѣ моей, начахъ просити книги Акафістика, пріемши же ю́, прилѣжно чтяхъ Акаѳістъ Пресвятѣй Богородицѣ непрестанно, всю мою на Ню по Бозѣ возвергши надежду, и чтеніемъ Акаѳіста защищахъ себе отъ нападенія бѣсовъ: слышаще бо мя чтуща Акаѳістъ трепетаху отъ страха, и стояще издалеча отнюдъ не смѣяху приближитися ко мнѣ. Сего ради и егда хотѣсте книгу ту изъ рукъ моихъ взяти зѣло крѣпко держащи ю́ рукама моима не дахъ ея вамъ: въ таковой бо нуждѣ сущи, чтеніемъ точію Акаѳіста защищахъ себе отъ бѣсовъ. Егда же прейде день и нощь чтущей мнѣ непрестанно Акаѳістъ, абіе быхъ въ восторзѣ и воззрѣвши горѣ видѣхъ небеса разверста и Ангела Божія аки молнію зѣло пресвѣтла сшедша съ небесе, иже ставъ близъ мене начатъ глаголати ко мнѣ: "О окаянная, что сотворила еси. Вмѣсто бо еже отъ всея души и отъ всего сердца твоего возлюбити тебѣ Хріста Господа и Создателя твоего паче всякаго созданія, ты созданіе Его, сына твоего паче Его Создателя твоего возлюбила еси его, и богопротивныя ради и неразсудныя любве твоея юже къ сыну твоему имаши, умыслила еси саму себе гладомъ уморити, и за сіе вѣчному осужденію Божію подпасти. Аще бы сынъ твой оставивъ тебе, уклонился въ разбойническое житіе, или во иное беззаконое, то и тако не подобаше тебѣ безмѣрно скорбѣти, всякъ бо о себѣ воздастъ отвѣтъ въ день судный. Сынъ же твой по воли Божіей отшедъ отъ тебе въ монашеское житіе, подобаше ли тебѣ тако отчаянно скорбѣти и погубляти душу твою. Извѣстно же вѣждь яко сынъ твой благодати Божіей споспѣшествующей

непремѣнно будетъ монахомъ. Подобаетъ же и тебѣ подражающей въ семъ сына твоего, отринути всю о немъ скорбь, и отрещися міра и всѣхъ яже въ мірѣ и быти монахинею: тако бо есть воля Божія. Аще ли же таковой воли Божіей будеши противна, и печали и скорби таковыя отчаянныя, юже о сынѣ твоемъ имаши, отъ всего сердца и души твоея не отринеши, то тако Хріста Господа Бога и Создателя моего, яко абіе тя предамъ бѣсовомъ ждущымъ пояти тя, яко да поругаются отъ души и тѣла твоего, яко да научатся и прочіи родителіе не любити чадъ своихъ паче Бога". Таковая и подобная симъ Ангелу Божію рекшу ко мнѣ, возопихъ, аще тако есть воля Божія, то уже отселѣ не имамъ скорбѣти о сынѣ моемъ, и абіе исчезоша бѣсы, Ангелъ же Господень радуяся взыде на небо». Сродницы же слышавше сія отъ нея ужасающеся прославляху Бога, яко имиже вѣсть судбами Своими избави ю́ отъ таковыя отчаянныя скорби и самоизволныя смерти, и даде ей животъ и здравіе и произволеніе къ монашескому житію. И веселящеся о семъ отъидоша въ домы своя. Мати же твоя, рече къ нему невѣстка, помощію Божіею пришедши въ совершенное здравіе, аще и часто о тебѣ плачетъ отъ естественныя къ тебѣ любве, но поминая обѣтъ данный предъ Богомъ не скорбѣти о тебѣ безмѣрно, удерживаетъ себе отъ таковыя скорби по силѣ своей, и пріуготовляется вседушнѣ оставити міръ и вся яже въ мірѣ и пойти въ монастирь дѣвичій Святопокровскій, пять верстъ отъ града Полтави отстоящій, во еже сподобитися тамо святаго и ангелскаго монашескаго образа, идѣже и мати ея, твоя же баба началница монастиря того, еще въ живыхъ обрѣтается, и сестра ея родная, твоя же тѣтка госпожа Агапіа монахиня въ томжде монастири пребываетъ. Сія же ему повѣдавши невѣстка его и совершивше поклоненіе святымъ мощемъ возвратися съ миромъ въ Полтаву въ домъ къ матери его. Блаженный же вся сія и подобная симъ отъ нея услышавъ, зѣло ужасеся душею

своею о семъ, яко отшествіемъ своимъ отъ матере своея, толь превеликую и нестерпимую и ненадежную скорбь нанесъ души ея, яко гладомъ умыслила бѣ саму себе уморити, аще не бы всемогущій промыслъ Божій дивнѣ отъ смерти таковыя избавилъ. Возрадовася же и радостію неисповѣдимою, яко повинувшися воли Божіей, воспріяла намѣреніе быти монахинею. Вшедши бо въ монастирь той пострижеся, и пребывши во иночествѣ подвизающися о спасеніи души своея съ десять лѣтъ и болѣе, преставися ко Господу.

Пребывающу же блаженному во святѣй Кіевопечерской Лаврѣ зѣло пользовашеся душею, видѣ бо тамо изъ святыхъ отецъ онѣхъ подвижники великія и постники дивныя, изъ нихже первый бѣ предреченный началникъ Далныя пещеры отецъ Іоаннъ іеросхимонахъ прозваніемъ Кмита, иже бѣ соборный духовникъ. Сей вкупѣ съ покойнымъ блаженныя памяти старцемъ отцемъ Васіліемъ прежде пришествія еще его во Угровлахійскую землю въ пустынѣ поживе лѣтъ три.

Вторый, всечестный отецъ Павелъ іеросхимонахъ, и въ мірскомъ житіи бѣ священникъ великія похвалы достойнаго житія, постригся же монахомъ, и за великую его добродѣтель посланъ бѣ въ Китайское государство во обрѣтающійся тамо монастырь, идѣже преживъ опредѣленное время, отпросился на житіе въ Кіевопечерскую Лавру, въ нейже богоугодно пребывая, имѣяше отчасти и книги отеческія, отъ нихже нѣкія и даяше на прочтеніе удостояя его и душеполезныя своея бесѣды и много пользоваше.

Третый, сынъ святаго мужа сего по плоти, Ѳеоктістъ іеромонахъ[1] началникъ иконописцевъ, зѣло благоговѣйнѣйшаго житія, кроткій и смиренный и всѣми добродѣтелми украшенный и великій воздержникъ.

---

[1] В рукописи: іермонахъ.

Четвертый, отецъ Іларій іеромонахъ Великороссіецъ, иже близъ Далнія пещеры въ саду въ келліи пребываше, крайнымъ воздержаніемъ и пощеніемъ зѣло истая тѣло свое, яко взирая на священнолѣпное лице его ужасашеся о истаяніи его, мняшеся бо мнѣ, кожею точію покровено быти, и отъ самаго воззрѣнія на него всякъ пользу великую пріимаше.

Пятый, иже на тойжде Далней пещерѣ пребываше схимонахъ единъ, иже четыредесять лѣтъ и болѣе вождаше поклонниковъ по святѣй пещерѣ сей, крайнее воздержаніе и пощеніе проходя, ношаше на голомъ тѣлѣ своемъ срачицу сплетену съ толстаго дрота[1] обращену остротою внутрь, долготою до пояса; иже остроты ради тоя отнюдъ на одрѣ не лежаше, но сѣдя мало пріимаше сна.

Шестый, подначалій ковалскій[2], великій воздержникъ и подвижникъ, иже желѣзо на себѣ ношаше четыредесяти фунтовъ тяготою, сей по Бозѣ любяше его, къ немуже приходя пользовашеся отъ духовныя бесѣды его.

Седмый, отецъ Никандръ началникъ надъ варивомъ, такожде великій подвижникъ, и сей по Бозѣ его любя, частѣ къ себѣ призываше и бесѣдоваше словеса душеполезная, ношаше же и сей на себѣ поясъ желѣзный тринадесяти фунтовъ тяготою.

И прочіи же мнози тамо бяху велицыи подвижницы, на нихже взирая радовашеся и прославляше Бога, яко сподобилъ его съ таковыми святыми мужы пребывати. Умиляшеся же блаженный, пребывая тамо, отъ внѣшнія красоты, и отъ внутренняго церковнаго благочинія, сладкопѣнія и чтенія, наипаче же отъ мощей преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ чудотворцовъ Печерскихъ, и весь растопляшеся любовію къ тому святому мѣсту.

---

[1] Дротъ — проволока.

[2] Подначалій ковалскій — помощник кузнеца.

А понеже не исполнися первоначалное его намѣреніе, еже бы изыти изъ міра въ странничество, съ предреченными возлюбленными своими други, и пребыти въ безмолвіи у нѣкоего богоугоднаго мужа во святѣмъ послушаніи. Ниже самъ изшедъ въ странничество сподобися, аще и отъ всея души поискавъ принятъ быти въ послушаніе отъ пустынножителя Ісѵхіа, того ради положился бѣ вседушнѣ во святѣй той Лаѵрѣ неисходно даже и до послѣдняго своего издыханія пребыти. Пребывая же въ ней съ неизреченною радостію болѣе года, не имѣя прочее ни тончайшаго помысла изыти нѣгдѣ когда отъ нея.

Единою же повидѣвъ его всечестный въ монасѣхъ предреченный подъначалый ковалскій позва въ келлію свою; и повелѣвъ сѣсти взирая нань съ жалостію, начатъ глаголати къ нему: «Брате возлюбленный, зѣло жалѣю о тебѣ за сіе, яко ты отъ сея святыя Лаѵры и отъ насъ отъидеши, и пойдеши во ино мѣсто, идѣже тя Богъ наставитъ». Онъ же паче чаяніу слышавъ сія отъ него, зѣло удивився о семъ, глагола къ нему: «Вѣру ми ими, пречестный отче, яко азъ и тончайшаго помысла о исхожденіи отъ сея святыя Лаѵры не имамъ, но предложеніе имѣю, аще мнѣ Богъ поможетъ, и до послѣдняго моего издыханія неисходно пребыти въ ней, и живу здѣ съ радостію благодаря вседушнѣ Богови, яко сподоби мя въ семъ святѣмъ мѣстѣ со святыми отцы пребывати». Онъ же рече къ нему: «Извѣстно да вѣси, брате, яко по малѣ времени слово мое самымъ собудется дѣломъ, и инако не будетъ, и тогда вѣровати имаши яко истинну тебѣ глаголахъ». Онъ же, вѣдая его велика подвижника суща, не смѣя болѣе прекословити ему, поклонися ему изыде изъ келліи; и пришедъ въ келлію свою зѣло удивляшеся о словеси его, помышляя како можетъ сіе быти, идѣже и помысла тончайша о исхожденіи моемъ отъ сего святаго мѣста не имамъ. Пребывшу же ему въ непрестанномъ

размышленіи семъ нѣколико дней, пріиде посѣтити его любезный и единодушный другъ Алексій родимецъ Кіевскій, по обычномъ же другъ друга поздравленіи сѣдящымъ имъ вкупѣ и бесѣдующымъ, начатъ глаголати къ нему: «Возлюбленный мой отче и единодушный о Господѣ друже, помяни, яковъ мы завѣтъ въ душахъ нашихъ положили бѣхомъ не постригатися и не жити въ таковыхъ обытелехъ, идѣже всякое изобиліе во всякомъ тѣлесномъ упокоеніи обрѣтается. Но изшедшымъ изъ міра въ странничество и постригшимся на безмолвіи отъ нѣкоего мужа, пребывати у него во святѣмъ послушаніи другъ со другомъ неразлучно до послѣдняго издыханія, нужную пищу и одежду отъ праведнаго труда рукъ своихъ стяжавающымъ. Таковъ завѣтъ въ душахъ нашихъ имѣхомъ утвержденъ. И се якоже вижду оставилъ еси намѣреніе оно, изшедъ бо въ странничество и сподобився монашескаго образа вмѣсто еже пребывати въ безмолвіи, паки во отечество наше возвратився, въ сей святѣй обители противу завѣту нашему пребываеши». Онъ же рече къ нему: «Таковъ воистинну завѣтъ, возлюбленный друже, якоже реклъ еси, имѣхомъ въ себѣ, но исходя изъ міра, ни со единымъ отъ любезныхъ нашихъ друговъ не сподобихся въ странничество изыти. Возлюбленный бо нашъ другъ Дімитрій, исходящу мнѣ изъ міра въ странничество, не послушавъ моего совѣта остася въ мірѣ. Азъ же самъ изшедъ въ странничество, и не сподобився у нѣкоего свята мужа на безмолвіи пребывающаго, аще и со многими слезами молихъ его, во святое послушаніе принятъ быти. И аще въ нѣкоей пустынной обители и сподобихся начало святаго монашескаго образа воспріяти, но ово не имѣя единодушнаго друга, ово же приключившейся и нѣкоей во обители онѣй благословной винѣ, возвратився во отечество свое пребываю въ сей святѣй обители». Онъ же рече къ нему: «То уже отселѣ не имаши ли намѣренія нѣкогда изыти

отсюду?» Блаженный рече къ нему, яко и тончайшаго помысла о семъ не имамъ. Онъ же рече къ нему: «Аще ли же быхъ азъ восхотѣхъ съ тобою изшедъ въ странничество пребывати неразлучно на пустыни, то не изшелъ ли бы еси со мною?» Блаженный рече къ нему: «О возлюбленный друже, аще бы могло сіе быти, то абіе съ радостію изшелъ быхъ съ тобою». И тако согласившеся изыдоша: и прешедшу предѣлъ[1], удержани быша отъ сродника Алексіева, таже пріихала мати и взяла Алексіа; и кто можетъ изрещи, яково тогда между ими слезное бяше разлученіе. Алексій взятъ матерію въ домъ и не хотящъ, плача и рыдая о друзѣ своемъ. Блаженный же слезя и плача разлучився, со инѣми пойде, и пріидоша въ монастирь Живоначальныя Троицы именуемый Мотренинъ, благополучно: идѣже и пріятъ ихъ съ радостію создатель тоя обители пречестнѣйшій схимонахъ отецъ Ігнатій. Пріидоша же въ началѣ Святаго и Великаго поста. И обрѣтоша тамо пречестнѣйшаго іеросхимонаха отца Міхаила старца; къ немуже частѣе приходя пользовася, между прочіими же бесѣдами, объяви старецъ, яко на нѣкое время точію пріиде тамо, имѣетъ же въ Монтянской земли скитъ свой и братію, и по времени возвратитися имать къ нимъ. Тогда и блаженный возвѣсти ему намѣреніе свое, яко имѣетъ желаніе тамо ити и жити въ оной земли, идѣже Богъ благоволитъ. Старецъ же зѣло возрадовався, и похваливъ намѣреніе его, совѣтовавъ же ему ити въ скитъ свой именуемый Трейстены, въ немже ученикъ его отецъ Дометій іеромонахъ съ братіею пребываше, и тамо ожидати пришествія его.

Блаженный же таковый совѣтъ отъ него услышавъ возрадовася, и ожидаше дондеже святый и Великий постъ скончится. По пресвѣтлѣмъ же праздницѣ Воскресенія Хрістова, приспѣвшу уже времени отшествія,

[1] Глосса на полях: границу.

согласившеся со спутники честными троими монахи, и приготовишася въ путь, поблагодаривше же строителю тоя святыя обители и вземше благословеніе, пріидоша въ пустынную келлію къ старцу, иже съ великою радостію и любовію пріятъ ихъ, учредивъ сугубо тѣлесною пищею, и духовною душеполезною бесѣдою; моливъ же блаженный онаго святаго старца и о предреченнѣмъ своемъ духовнѣмъ друзѣ Алексіи, аще Богъ неисповѣдимыми Своими судбами изведъ его къ святыни его приведетъ, да пріиметъ его яко отецъ чадолюбивый, яко чадо свое духовное къ себѣ, и съ собою вземъ въ предреченный свой скитъ приведетъ, повѣдавъ ему подробну вся о немъ. Старецъ же с радостію обѣщася прошеніе его исполнити. Таже вземше благословеніе на путь изыдоша. Шествующе же многи дни, благополучно достигоша въ Монтянскую землю, и пріидоша во единъ скитъ святыхъ Архангелъ именуемый Долгоуцы, ижс бѣ подъ духовнымъ управленіемъ блаженныя памяти старца отца Васіліа схимонаха; въ немже началникъ бяше честный отецъ іеромонахъ ученикъ его, иже съ великою радостію пріятъ ихъ и упокои страннолюбнѣ. Увидѣша же тамо и нѣкіихъ честныхъ отецъ на отшелствѣ сѣдящихъ, разума и разсужденія духовнаго исполненныхъ, и пользовашеся отъ бесѣды ихъ. Пребываше же тамо нѣколико дней, и благодаривше отцу началнику отъидоша, и Божіимъ поспѣшествомъ пріидоша въ скитъ святителя Хрістова Николаа именуемый Трейстены, отъ предреченнаго скита мало не единаго дне разстояніе имущій. Егоже началникъ вышереченный отецъ Дометій іеромонахъ съ великою любовію пріятъ ихъ и упокои. Въ скитѣ онѣмъ во общинѣ до дванадесяти братій пребываху, прочіи же до пятьнадесяти братій на отшелствѣ близъ скита сѣдяху, все окормленіе житія своего въ пищи и одежди отъ праведнаго труда рукъ своихъ имуще. На все правило же церковное вси обще и общежителніи и отшел-

ницы собирахуся. Воспомяну же единаго изъ отшелниковъ: бѣ тамо схимонахъ Протерій родомъ Малороссіанинъ Полтавскаго полку изъ града Решетиловки, въ мірѣ художествомъ бѣ златарь. Сей въ монашествѣ зѣло прекрасныя ложицы дѣлая и продая, съ неисповѣдимою любовію странныхъ монаховъ пріемля угощаваше. Отъ веліяго же милосердія[1] своего, многоразличныхъ по воздуху летающихъ птицъ питаше, изобилную имъ во время приличное подавая пищу, яже собирающеся къ келліи его на всякъ день ожидаху времене онаго, емуже пришедшу отверзаше окно келліи своея, и влетающе въ келлію его безъ всякаго страха, ядяху подаваемую имъ пищу; изъ нихже яковуюлибо хотяше браше на руцѣ свои и поглаждаше и испускаше, и отнюдъ не бояхуся его. Насыщшеся же пищи, излетаху вонъ. Егда же идяше на правило церковное, множество изъ нихъ собирающеся провождаху его идуща къ церкви, овы же окрестъ его летающе, и многоразличными гласы своими поюще. Егда же имѣяше въ двери церковныя внити, то вси возлетающе на церковъ, ждуще изшествія его. Изшедшу же ему изъ церкве, абіе слетаху и сѣдяху на немъ подобнымъ чиномъ провождающе его даже до келліи. Сіе видя азъ, рече блаженный, со всѣми, веліимъ удивленіемъ удивляхся и прославляхъ Бога, яко сподоби мя таковаго Своего угодника узрѣти. Въ скитѣ же ономъ пребывающіи созидаху келліи, самому началнику въ семъ и во всякомъ дѣлѣ первому со братіею труждающемуся, иже ему яко немощну и слабосилну легшее вручаше дѣло, еже по силѣ моей со усердіемъ тщашеся и совершати. Пребываніе же его бѣ въ трапезѣ, яже за скудость келлій таяжде бѣ и поварня и пекарня. Въ нейже пребывая, и видя на тое святое послушаніе опредѣляемыхъ братій по единому, сирѣчь варити снѣди и хлѣбъ пекти, зѣло

[1] В рукописи: милоседія.

бояшеся, да не како и онъ опредѣленъ будетъ нѣкогда на сіе святое послушаніе: не яко презирая тое, да не будетъ, но яко отнюдъ въ семъ дѣлѣ невѣжда сый, и мнѣніе имый яко сего святаго дѣла отнюдъ не возможе научитися. И чего бояся, того не убѣже. Единою бо случися всѣмъ братіямъ съ началникомъ готовящымся нѣколико дней ходити въ лѣсъ уготовленія ради древесъ на строеніе келлій, призвавъ его началникъ повелѣ нѣколикое время варити ястія на братію, онъ же за крайнее неискусство свое ужасеся, съ великимъ стыдѣніемъ извѣстивъ ему совершенное свое въ семъ святомъ послушаніи невѣжество. Онъ же уразумѣвъ о семъ, остави со нимъ единаго брата яко да покажетъ ему чинъ сего послушанія. Той же научивъ его отчасти, отъиде въ лѣсъ ко братіи. Онъ же отъ неискусства забывъ его наставленіе: не вѣдяше, что на предъ, чтоже послѣжде подобаетъ творити, и овогда варенію избѣгающу хотя отъ огня отставити опаляше руцѣ и превращаше горщокъ, и изливашеся вареніе, и воздыхаше о семъ и плакаше. И паки уготовляше зеліе, полагаше горщокъ на огни и варяше снѣдь. И братія во обычное приходяще время и не обрѣтающе готово вареніе отчасти скорбяху. И сами доваривше поставляху трапезу. Тажс помощію Божіею приучися мало сему святому послушанію и радовашеся благодаря Богови, яко сподобилъ его упокоевати братій службою своею. Егда же приучився мало поварстѣй службѣ, восхотѣ началникъ да обучится и хлѣбъ пекти. Идущымъ убо паки всѣмъ у лѣсъ предреченныя ради потребы, повелѣ единому брату да покажетъ ему чинъ како хлѣбъ пекти подобаетъ, и да будетъ на трапезу готовъ. Братъ же онъ показавъ ему якоже подобаетъ, но онъ не внявъ и замѣсивъ круто и поставивъ на пещи, да скорѣе возможетъ взыти, квасъ же забилъ[1] положити;

[1] То есть: забылъ.

пришедъ же единъ братъ изъ лѣса увидѣти готовъ ли хлѣбъ, и увидѣвъ яко и тѣсто не взыде, вопроси его, квасъ положилъ ли еси, тогда онъ отъ страха и стыдѣнія не точію отвѣщати, но и на лице его воззрѣти не могій, братъ же той видя его ужасшася утѣши его и снявши ноцвы[1] съ пещи вложи квасъ и премѣсили второе, и научивъ отъиде въ лѣсъ. Онъ же безмѣрно пещь разжегъ отъ неискусства и спаливъ хлѣбъ на два персты сверху и съ исподу. Таже вибравъ хлѣбъ отвсюду обгорѣлый съ пещи, ожидавъ со страхомъ пришествія братій. Пришедшимъ же имъ съ лѣса и увидѣвшымъ, и разрѣзавше единъ не можаху ясти, онъ же отъ страха и стыдѣнія не вѣдая что сотворити, припадъ къ ногамъ ихъ со слезами прося прощенія, отецъ же началникъ со братіею простиша его, и сваривше мамалигу[2] потрапезоваша. И болѣе не полагаху его хлѣбъ пекти. Онъ же единою пострадавъ, оттолѣ прилѣжно внимая како хлѣбъ печется, и тако Богу поспѣшествующу научився и хлѣбъ пекти. И еже въ таковой вещи пострадавъ дѣломъ, за мое неискусство, то тое и написавъ онъ саморучно братіи приходящей во общество наше, да не ужасаются за свое въ таковыхъ и прочіихъ послушаніихъ неискусство, Божіею бо помощію и своимъ усердіемъ возмогутъ во искусъ опредѣленныхъ тѣмъ послушаній пріити. По малѣмъ же убо времени пріѣде тамо на посѣщеніе братій блаженныя памяти общій всѣхъ учитель и наставникъ старецъ Васілій схимонахъ, иже тамо пребывая, многая душеполезная къ братіи изглаголавъ словеса, яже и онъ слышавъ зѣло пользовася и благодаривъ Бога. Зваше же старецъ Васілій, чрезъ отца Дометіа, и блаженнаго отца нашего къ себѣ въ сожитіе, онъ же, бояся да не понужденъ будетъ отъ него пріняти священство, тако отвѣща

---

[1] Ноцвы — лоток.

[2] Мамали(ы)га — каша из кукурузной муки.

чрезъ него, яко азъ не имамъ намѣренія и по исполненіи уставленныхъ лѣтъ, аще живъ буду, въ таковый страшный и ужасный санъ до смерти моея вступити. Сказаша бо блаженному, яко имать тебе и безвременно увѣщавати къ тому. И се вина бысть яко не восхотѣ съ таковымъ мужемъ пребывати. Занеже аще бы у него въ послушаніи пребылъ, то всячески принужденъ бы былъ. Обаче Богу благоволящу того не убѣжа. По отшествіи же старца Васіліа, прешедшу малу времени, пріиде всерадостная вѣсть, яко пречестнѣйшій старецъ отецъ Міхаилъ іеросхимонахъ, со другомъ его возлюбленнымъ Алексіемъ, и съ прочіими послушники уже приближается ко обители, еже услышавъ отецъ началникъ и вся о Хрістѣ братія возрадовашася, и изшедше въ срѣтеніе сподобишася благословенія; вшедше въ церковь Богу о благополучномъ ихъ пришествіи благодареніе сотворше изыдоша. И бысть радость всѣмъ: таже обрѣте блаженный время приличное позвавъ особь возлюбленнаго своего друга, и давше о Господѣ другъ другу цѣлованіе, моливъ его повѣдати ему, како сподобилъ его Господь изъ своего отечества изыти. Онъ же ему вся подробну повѣдавъ. И прославиша Бога, дивная и преславная творящаго съ ними. Пребывающу же ему во обытели оной со другомъ своимъ прежде пострига его, съ веліимъ желаніемъ ждаше сего, не подвигнетъ ли когда бесѣды, о намѣреніи ихъ данномъ въ мірѣ бывшемъ, паче же въ Кіевопечерской Лаврѣ данномъ предъ Богомъ, да по изшествіи ихъ изъ отечества ихъ неразлучно другъ со другомъ до послѣдняго своего издыханія пребывати; еяже ради вины, а не коея иныя, и изъ Кіевопечерскія Лавры изыде, оставивъ намѣреніе оно еже тамо и жизнь свою скончати, надѣяся съ таковымъ единодушнымъ другомъ вся дни живота своего пребывая другъ друга побуждати на ревность божественную и на подвигъ духовный монашескій, и на всякое дѣло благое, выну упраждняюще-

ся въ чтеніи Божественнаго Писанія, и ученіи богоносныхъ отецъ, пищу и вся нуждная стяжавающе отъ праведнаго труда рукъ своихъ. О таковомъ намѣреніи съ великимъ желаніемъ собесѣдованія отъ него ожидая, не случися отъ него ни поне единое слово почути прежде пострига его, колми паче по постризѣ; но видя его о семъ ни слѣда имуща предложенія, удивляшеся удивленіемъ не малымъ, како намѣреніе свое, во всесовершенное положилъ есть забвеніе. И недоумѣвашеся что творити. Уже бо отъчасти и раскаявашеся о изшествіи своемъ отъ святыя Кіевопечерскія Лавры, яко Божіими недовѣдомыми судбами не сподобився житіе свое препровождати съ возлюбленнымъ другомъ своимъ. Воспомянути же ему о обѣщанномъ предъ Богомъ намѣреніи отнюдъ не смѣяше, занеже въ юности своей зѣло несмѣлый и срамяжливый обычай имѣяше. Но возложивъ себе на всемогущій промыслъ Божій моляше Его благостыню устроити о житіи его, якоже угодно есть святой Его воли. Намѣреніе его о совокупномъ и нераздѣлномъ пребываніи съ предреченнымъ своимъ другомъ, не бѣ таковое, да отлучившеся отъ отецъ и братій наединѣ гдѣ безъ послушанія и совѣта духовнаго отца пребываютъ, или да онъ ему будетъ наставникъ; но да въ послушаніи нѣкоего богодухновеннаго и въ Писаніи Святомъ, и ученіи богоносныхъ отецъ искуснаго мужа пребывающе, другъ друга побуждаютъ на всякое дѣло благое. Таковое его бѣ намѣреніе, а не инаково. Обаче промысломъ Божіимъ сего не получивъ. О несбытіи же сего его намѣренія, ни тончайшаго помысла скорбна на друга своего не имѣяше, но всю вину возлагая на себе и укоряя яко недостойна таковаго житія. Преходя же тамо общее послушаніе, даде ему отецъ началникъ едину келлію не весма далече отъ скита отъстоящую надъ потокомъ, отъ неяже не видяшеся церковь. Въ нейже пребывая, случися единою спящу ему въ нощи не почути клепанія на утреню, бѣ же

день недѣлный. Егда же пробудився, абіе пріиде въ церковь, и услышавъ яко уже прочтеся Еvангеліе, и начаша пѣти канонъ, не дерзнувъ срама ради внити въ церковь, возвратися въ келлію свою, сѣтуя и скорбя о таковомъ не надеждномъ случившемся ему искушеніи. И толико объятъ его срамъ неисповѣдимый, яко и на Божественную Літургію отнюдъ не можаше пойти, но отшедъ далече отъ келліи сѣдяше на земли и плакаше неутѣшно. По отпустѣ же Божественныя Літургіи, приближившуся времени трапезы, всечестный старецъ Міхаилъ, и началникъ со братіею не видѣвше его пришедша ни на утреню ни на святую Літургію, удивляхуся о семъ. И рече старецъ ко братіи: отцы святіи и братіе, молю васъ Господа ради потерпите мало съ трапезою, дондеже увѣмы о братѣ нашемъ Платонѣ, что съ нимъ содѣяся, и сіе рекъ посла единаго монаха Аѳанасіа, писца книгъ отеческихъ, искати его, иже не безъ труда обрѣтъ его плачуща, вопрошаше вины плача его. Онъ же не могій срама ради что отвѣщати ему, еще болше плакаше, и едва возмогъ, зѣло убѣждаемь отъ него, исповѣсти вину скорби своея. Онъ же духовнѣ утѣшая его, моляше прилѣжно не скорбѣти о семъ, и пріити въ скитъ ко отцемъ святымъ вскорѣ, нарочнѣ ждущымъ тебе, и не трапезующымъ. Онъ же едва возможе провѣщати къ нему: и како могу, отче святый, пріити ко святымъ, и кіимъ лицемъ явлюся предъ ними, сотворивъ таковое согрѣшеніе на вѣчное мое предъ Богомъ и предъ ними посрамленіе? И моляше его со слезами оставити, и не нудити его ити ко отцемъ святымъ. Онъ же не послабляя прилѣжно увѣщаваше его не скорбѣти, и едва понуди его и не хотяща, пріити въ скитъ. Воставъ убо идяше съ нимъ плача и рыдая; егда же пріиде въ скитъ и видѣвъ старца со всею братіею сѣдящыхъ предъ трапезою, о каковъ тогда паче нападе на него страхъ и срамъ безмѣрный, и паде предъ ними на землю, плача и рыдая неутѣшимо. Воставъ же

старецъ и отецъ началникъ съ братіею, возставиша его отъ земли, выну[1] плача его уразумѣвше отъ монаха, приведшаго его къ нимъ; и начатъ старецъ яко отецъ чадолюбивый, утѣшати его словесы духовными, моля и прося отнюдъ не скорбѣти о таковомъ неволномъ случаи. И воздавше Богу благодареніе, яко обрѣтоша его: начаша трапезовати, повелѣвше и ему сѣсти съ ними на трапезѣ и ясти. Обаче отнюдъ тогда за объемшій его срамъ не можаше ясти, по востаніи же отъ трапезы едва возможе мало причаститися пищи. И оттолѣ не дерзаше на одрѣ лежа спати въ нощи, бояся подобнаго случая, но сѣдя на лавѣ спаше мало. Сіе же и написавъ онъ побужденія ради отецъ и братій наипаче же юныхъ, во святѣмъ послушаніи у него пребывающихъ: ко усердному на правило церковное воставанію и хожденію. Пребывая же тамо онъ во общемъ святомъ послушаніи до времене пріиде всечестный отецъ Онуфрій схимонахъ, отъ скита нарицаемаго Кирнулъ, иже бѣ въ горахъ, отстоящъ отъ сего скита Трейстены тріехъ дней ходу разстояніемъ, посѣтити всечестнаго старца отца Міхаила іеросхимонаха, и отца началника съ братіею; бывшей же бесѣдѣ при всей братіи, привнесе бесѣду честный онъ схимонахъ отецъ Онуфрій, о положеніи скита Кирнула возвѣсти, красоту мѣста онаго и здравіе воздуха и воды, множество различныхъ овощей, и прочая угодія къ житію, и яко великая тишина и безмолвіе; подвиже на ревность и блаженнаго. Онъ бо видя, яко уже не бѣ надежды, о совокупномъ его съ возлюбленнымъ своимъ другомъ, по бывшему намѣренію ихъ, пребываніи, умыслихъ прейти на иное мѣсто до времене дондеже усмотритъ о немъ промыслъ Божій полезное души его. Егда же увѣдаша братія, яко воспріятъ намѣреніе съ предреченнымъ схимонахомъ прейти въ скитъ оный, тогда и ини пять мона-

[1] То есть: вину (причину).

ховъ, тожде намѣреніе воспріяша о преходѣ въ скитъ Кирнулъ. Благодаривше убо честному старцу за его любовь, и отцу началнику за пріятіе во святую обитель, и толикое время въ любви содержаніе, и вземше отъ нихъ на путь благословеніе, и попростившеся со всѣми братіями, пачеже онъ съ возлюбленнымъ другомъ своимъ, плача неутѣшнѣ о своемъ отъ него разлученіи, поидохомъ въ предлежащій путь превеликими горами, и помощію Божіею третіяго дне пріидоша въ предреченный скитъ, идѣже началникъ честный Ѳеодосій іеромонахъ пріятъ ихъ съ радостію и упокоивъ отъ труда. Во утріе же опредѣли имъ и келліи пустынножителныя къ пребыванію, и сѣдоша кійждо въ келліи своей. Чинъ же скита онаго бѣ таковъ, во вся недѣли и въ праздничныя дни точію собирахуся вси братія на все правило церковное, и по Божественнѣй Літургіи поставляшеся всѣмъ трапеза общая; по вечерни же разхождахуся вси въ келліи своя, въ нихже кійждо правило свое совершаше. Хождаше же блаженный и до предреченнаго честнаго отца Онуфріа пустынножителя, иже на горѣ отъ скита разстояніемъ яко единаго часа, въ пустынной своей келліи безмолвнѣ пребываше; бѣ же мужъ сей и въ словесѣхъ зѣло утѣшителенъ, вопрошающымъ бо его братіямъ сказоваше подробну, како пребываше на пустыни на превысочайшихъ горахъ, и въ преглубочайшихъ пустыняхъ, идѣже въ лѣтнія мѣсяцы заношаше себѣ пищу, елика можаше довлѣти ему на осмь мѣсяцей; чрезъ вся бо осмь мѣсяцы, отнюдъ не можаше видѣти лица человѣческаго; отъ негоже святыя бесѣды зѣло пользовашеся, и аки углми огненными разжизашеся ревностію божественною къ подвигомъ духовнымъ; не могій же себе предати въ послушаніе нѣкоему отъ богодухновенныхъ отецъ, въ скитахъ онѣхъ пребывающымъ, ихже мимоходно видѣхъ, и отъ бесѣды ихъ пользовася, со инѣми же и поживъ мало или многое время, предреченныхъ

ради винъ: ово яко лишився друговъ своихъ возлюбленныхъ, съ ними же намѣреніе имѣвъ неразлучно до кончины жизни своея, въ нѣкоего духовнаго отца въ безмолвіи сѣдяща, въ послушаніи пребывати. Ово же и наипаче яко бояшеся тамо пребывающе, да не понужденъ будетъ по времени страшное иго священства и не хотящъ пріяти. Пребывая убо тамо уподобися пчелѣ благоразумнѣй, тая бо собирая отъ различныхъ цвѣтовъ дѣлаетъ медъ сладкій и полагаетъ и въ сокровищахъ своихъ и запечатлѣваетъ; блаженный же нашъ отецъ, собравъ отъ онѣхъ святыхъ отецъ духовный медъ отъ языковъ ихъ истекшій, насладися самъ до ситости, и положивъ въ сокровищи сердца своего, и запечатлѣвъ молчаніемъ до времене, имже имѣяше прилѣпившихся къ нему по Бозѣ вѣрою и повиновеніемъ, душы услаждати и насищати, и къ добродѣтелемъ подвизати; тамо научися онъ, что есть дѣяніе, и видѣніе, и умное безмолвіе истинное; тамо трезвѣнія и вниманія, и умныя молитвы умомъ въ сердцѣ совершаемыя, не точію научився, но и божественнаго отъ нея въ сердцѣ приснодвижущагося насладися дѣйства. Не бо моглъ бы со удобствомъ всяку скорбь, и крайнюю нищету юже имѣяше въ безмолвіи тамо сѣдя претерпѣвати благодарно, и радоватися яко сподобися подражатель бити[1] Владыки, насъ ради обнищавшаго; аще не бы сердце его разжизалося отъ божественныя молитвы къ любви Божіей и ближняго, еяже начало еще во отрочествѣ своемъ, отъ чтенія книжняго богоносныхъ отецъ нашихъ имѣяше аки сѣмя божественно. Тамо же между онѣми подвижники истинными пребывая дѣланіемъ заповѣдей Божіихъ, и прилѣжаніемъ нравственныхъ добродѣтелей, и непрестанною умною молитвою сотвори прозябнути въ сердцѣ своемъ оному, многими же слезами поливая процвѣте, и воз-

[1] То есть: быти.

блиста блистаніемъ божественнымъ умнымъ, исполняя душу его радости неизреченныя и воспаляя его ревностію къ подвигамъ духовнымъ и крайнему безмолвію, аки елень жаждущую ко источникомъ водъ. Тамо убо за предреченныя вины со святыми отцы пребывати, аще и всѣмъ сердцемъ желая, но не могій.

Всѣхъ же въ тамошнихъ скитахъ и на безмолвіи сѣдящихъ святыхъ отецъ посѣтивъ, прощенія со слезами прося, и благословенія, и молитвъ на путь, благодаря имъ за оказанную къ нему милость и любовь, и духовное отеческое наставленіе. Овіи же святіи отцы кіихъ словесъ, кіихъ моленій, кіихъ совѣтованій не употребиша: не хотяще сподвижника своего лишитися, егоже, между собою бесѣдуя, юнымъ старцемъ нарицаху; таже сотворше молитву благословиша, и вручиша его воли Божіей, отпустиша съ миромъ. Кто бо уразумѣ Умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть: божественнымъ Своимъ промысломъ, вземъ отъ отечества его, истиннаго угодника Своего блаженнаго отца нашего Паісіа, преводя многія страны, да соберетъ купечествомъ духовнымъ многое богатство духовное; приведъ въ сія благословенныя православныя земли, въ нихже многіи богатіи духовніи купцы тогда быша; иже видѣвше усердно отъ нихъ купити желающаго безъ цѣны дарствоваша драгоцѣнныя духовныя бисеры, вѣдая, что и купующаго обогатятъ, и сами не оскудѣютъ. Собравшу же ему и тамо, и наполнившу влагалище сердца своего духовнаго богатства, вземъ божественный промыслъ приведе блаженнаго во Святую Аѳонскую Гору: да и тамо куплю дѣя приумножитъ сокровище, и дастъ независтно всѣмъ требующымъ отъ него пользы духовнаго ученія. Приуготовляя его божественная благодать подражателемъ быти преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія Печерскаго, прадѣда своего единоотечественна, Малороссія бо обоихъ произведе. И якоже преподобный

отецъ нашъ Антоній странствуя пріиде во Святую Гору, гдѣ и святый великій ангелскій образъ пріятъ, поживе тамо многа лѣта, и сподобися великихъ дарованій духовныхъ. Богомъ возвращенъ бысть во свое отечество, да насадитъ тамо и умножитъ монашеское житіе и сотворитъ градъ небесныхъ жителей, еже и бысть: просвѣтивъ бо сущыя во тмѣ ученіемъ своимъ, и уплодоносивъ не во сто, но въ тысящи тысящъ, принесе плодъ Богови. Тамо и нашъ блаженный отецъ поживе, и обогатися небеснымъ богатствомъ, и умноживъ плодъ до шестьдесяти, съ нимъ же и возвращенъ благодатію Божіею, въ сія богохранимыя земли, да обновитъ обветшавшій монашескій чинъ и возставитъ падшее общее житіе, и насадитъ въ немъ треблаженное послушаніе, просвѣтитъ ученіемъ своимъ во тмѣ невѣдѣнія сѣдящыя, вразумитъ исправленіемъ, и вновъ преводомъ, изъ греческаго языка на свой, отеческихъ и богословскихъ книгъ. Но понеже далече отшелъ еси въ страну, подобаетъ тебѣ возвратитися отонуду изшелъ еси: благо есть, се и возвращаюся къ предлежащему. Посѣтивъ всѣхъ тамо въ скитахъ и на безмолвіи сѣдящихъ святыхъ отецъ, прощенія со слезами прося и благословенія и молитвъ на путь, благодаря имъ за ихъ милость и любовь явленную къ нему, отъиде оттуду искати спутниковъ во Святую Гору, надѣяшеся бо тамо обрѣсти нѣкоего искуснаго духовнаго отца сѣдяща въ безмолвіи, емуже бы предатися въ послушаніе душею и тѣломъ, и научитися отъ него духовнаго жителства. Или единомысленнаго друга, да съ нимъ живуще и внимающе Писанію, и ученію богоносныхъ отецъ, другъ другу повинующеся, и другъ предъ другомъ отсѣкающе волю свою, увидѣвъ нѣкій плодъ послушанія въ души своей, упокоитъ желаніе свое. Не имѣя же на путь точію двадесять паръ[1], но ниже имѣяше попеченія о

[1] Пара — монета.

томъ, но якоже отъ начала странствія, тако и тогда возложивъ всю свою надежду на всемогущій промыслъ Божій, искаше спутниковъ себѣ; обрѣтъ же единаго іеромонаха именемъ Трифона, согласився съ нимъ и яшася пути благодаряще Бога; пришедше же въ Галацы сѣдоша въ корабль. Колико же бѣдствій, колико страховъ отъ смертныхъ случаевъ, ово отъ моря, ово отъ глада, ово отъ вошей, наипачеже отъ варваръ трепеташе блаженный. Пришедши же въ Царь Градъ, препочиша тамо нѣколико дней, и обрѣтше спутниковъ сѣдоша въ корабль и плиша удобнѣ Бѣлимъ[1] моремъ нѣсколко дней, пріидоша во Святую Гору, в пристанище Лаврское, тамо изшедше изъ корабля, внидоша во Святую Лавру предъ праздникомъ преподобнаго Аѳанасіа; препочиша тамо и празноваша праздникъ благодаряще Бога, и упокоившеся мало отъ пути. Кто же отъ здѣ исповѣсть можетъ плачевную сію повѣсть? Подъ Пантократоромъ монастиремъ пребыша братія русскаго языка: тамо они потрѣбу имѣли ити къ своимъ единоземцемъ, да отъ нихъ совѣтъ и наставленіе пріимутъ. Пантократоръ же монастирь разстояніемъ отъ Лавры осми часовъ ходу: путь тамо зѣло жестокій, гороватый и каменистый, много и лѣсу, солнечный варъ въ тое время таковъ, что вся трава такъ сгоритъ отъ солнца, якоже въ сихъ странахъ зимою отъ мраза; обычая тамошняго не знали, какъ хранитися отъ ядовитаго тамо воздуха, и совѣтъ охранителный аще бы кто и подавалъ, невѣроятенъ явится ново пришедшымъ изъ сихъ странъ. Изшедше убо они изъ Лавры испотѣша зѣло, почиваша потніи въ лѣсѣ и спали на камени прохлады ради; пиша воду хладную въ пути не вѣдая, какъ отъ нея хранитися; ночевали потніи въ лѣсѣ, и заразили-

[1] Бѣлое море — название Эгейского моря (шире — восточного бассейна Средиземного моря) у греков и некоторых других соседних народов.

ся за единъ день и нощь смертною заразою и неисцѣлною. И едва съ великою нуждою болніи пріидоша до Пантократора монастиря къ своимъ братіямъ. Егда же увидѣша оніи два отцы пришедшихъ изъ своего отечества, возрадовашася веліею радостію о пришествіи ихъ, мнѣша яко отъ моря болѣзнь ихъ, оная бо удобоисцѣлна есть; а когда уразумѣша, яко во Святѣй Горѣ заразилися, тогда восплакашася горко о смерти ихъ. Чтоже не творили уврачевати хотяще, огнь возгнѣщавающе и разгрѣвающе ихъ, мазаху спиртомъ и растираху, и мало блаженнаго отца нашего оттерли предъ огнемъ; іеромонаха же Трифона не могоша ни мало уврачевати. Точію призвавше духовника причастили Божественныхъ Таинъ, и въ третій день скончася. О блаженномъ же отцѣ нашемъ, братолюбывіи отцы они что сотворили: уготоваша трапезу хорошу и принудиша его насилно ясти и віно пити егоже онъ никогда піяше, и егда яде и пи віно, возмутися утроба его отъ необычнаго питія, изблева; они же принудиша его еще пити и не хотяща, онъ же пивъ изблева паки, и съ блевотиною и ядъ изъ себе изверже совершенно. И тако Божіимъ милосердіемъ по малѣхъ днехъ здравъ бысть. Тамо же и вселися въ едину каливу[1] близъ онихъ братій.

Пребывающу же ему тамо и обходящу монастыри и скиты, ищущу нѣкоего духовнаго отца, сѣдяща въ безмолвіи и внимающа себѣ емуже бы моглъ предати себе въ послушаніе, но не обрѣте: яко мало бяше нашего Россійскаго народа тамо, и вѣдущаго Святое Писаніе, и тако желаемаго души своей не получи. Возложивъ же себе на Божій промыслъ, сѣдяше единъ. Кто же можаше исчислити колѣнопреклоненія яже творяше въ нощеденствіи? Воздержаніе же блаженнаго таково бѣ, чрезъ день бо ядяше единою, и то мало сухарей самыхъ. Нестяжа-

[1] Глосса на полях: келлію.

ніе крайнее, не имѣяше бо ни срачицы, точію едину дуламу[1] и то ветхую: не можаше бо упраздннтися въ рукодѣліи, да не останется нѣчто отъ правила; постеля его доска голая: о нищетѣ же своей толико радовашеся, якоже бы кто радовался о богатствѣ своемъ.

Благодаряше всегда Хріста Господа, яко сподоби его въ семъ подражателя быти нищеты Его. Душевныя же его подвиги, смиреніе глубокое, самоукореніе всегдашнее, о всемъ благодареніе, сокрушеніе сердца и слезы потокоподобны, молитва сердечная приснодвижная, любы ко Богу и ко ближнему, память смертная, псалмопѣніе, и чтеніе Писаній. Взимаше же книги отъ обители Сербскія и чтяше: скорбяше[2] же и плакаше горко яко лишився великія благодати Божія послушанія, не обрѣтъ таковаго отца, емуже бы предалъ себе въ послушаніе. Пребысть же блаженный единъ сѣдя, подвизаяся и преуспѣвая отъ силы въ силу духовную, восхожденія творя въ сердцѣ своемъ: разжизаяся ревностію божественною къ болшымъ подвигомъ, наслаждаяся безмолвія два лѣта и полъ. Пріиде же во Святую Гору единъ братъ отъ земли Мункянскія[3], иже обшедъ нѣкія монастири тамошныя, пріиде къ нему и моляше его да принятъ отъ него будетъ въ послушаніе; онъ же ни слышати о семъ хотяше, да будетъ кому началникъ, самъ подъ началомъ желаше быти, а не началствовати. Братъ же той прилѣжнѣе и со слезами моляше приняти его, блаженный видя таковое брата смиреніе и слезы, умилився и преклонився приняти его, не во ученика, но въ товарища: и емуже Богъ даруетъ болѣе разумѣти въ Писаніи, другъ другу открывати волю Божію, и подвизати на дѣланіе заповѣдей Божіихъ, и на всякое дѣло благое. И отсѣкати другъ

---

[1] Дулама — долгополая суконная верхняя одежда.

[2] В рукописи: скрбяше.

[3] То есть: Мунтянскія.

предъ другомъ волю свою, и послушати другъ друга и повинутися, душу едину и сердце едино имѣти, и вся къ состоянію своего живота имѣти обща. И тако начаша жити единодушно царскимъ путемъ. Имя же брату оному бѣ Висаріонъ. И радовашеся блаженный, яко благодатію Хрістовою обрѣте многожеланный покой и утѣшеніе души своей послушаніемъ, чрезъ отсѣченіе другъ предъ другомъ воли своея; и имѣяху въ мѣсто отца и наставника ученіе святых отецъ; и пребываша въ любви Божіей. Но ненадолзѣ наслаждахуся таковаго житія, и друзіи бо братія приходящіи отъ міра во иночество, видяще таковое ихъ со братомъ любовное житіе, ревностію возревноваша къ таковомужде житію себе присоединити, и зѣло ему веліимъ своимъ моленіемъ начаша стужати приняти ихъ во свое житіе и ученичество. Блаженный же надолзѣ отрицашеся сего, бояся и трепеща приняти во ученичество, укоряя себе и глаголя къ нимъ, яко сіе дѣло совершенныхъ и безстрастныхъ есть, азъ же немощенъ сый и страстенъ. И не принимаше ихъ надолзѣ: послѣжде[1] же, ово ихъ великимъ стуженіемъ, еже ему своимъ моленіемъ творили. Ово же и брата съ нимъ живущаго братолюбива зѣло суща, слезнымъ моленіемъ убѣжденъ, начатъ и не хотящъ принимати во свое сожитіе по единому, коемуждо отъ нихъ открывая силу святаго послушанія, отъ Писанія Святаго и ученія святыхъ отецъ. И видя их неизреченную имущихъ вѣру и любовь ко Святому Писанію и къ нему, другъ же ко другу миръ и единомысліе, и всеусерднѣ себе предающихъ душею и тѣломъ во блаженное послушаніе, зѣло о ихъ таковомъ благомъ произволеніи радовашеся душею, и прославляше Бога. И возложися на неизреченный промыслъ Божій, о душевномъ и тѣлесномъ ихъ окормленіи, пріемля по едыному. Нужда же бяше и другую каливу вышшую

[1] В рукописи: пслѣжде.

купити, яже разстояніемъ единаго верженія камене отъ нижнія. Таже пріумножившуся числу братій, и не вмѣщающымся въ двоихъ каливахъ, купили и святаго Константина келлію съ церковію, близъ яко на два верженія камене разстояніемъ. Нужда же за священника, и начаша братія великимъ и смиреннымъ своимъ моленіемъ стужати ему пріяти священство и духовничество, блаженный же отнюдъ не хотяше, глаголя, яко сего ради и съ Мунтянскія земли убѣже, отъ предреченныхъ оныхъ святыхъ отецъ, да не принужденъ будетъ отъ нихъ и не хотящъ пріяти священство. Елико же блаженный со слезами отрицашеся, недостойна себе глаголя быти таковаго великаго сана, то они паче и паче со слезами на нозѣ падая, моля и прося не презирати моленія ихъ, предлагая ему многія причины благословныя. Еще же и честніи духовники святогорскіи, съ зѣлнымъ моленіемъ увѣщавали не отрицатися, зане въ преслушаніе вмѣнится ему презирающему ихъ совѣтъ: вѣдая его достойна суща, и могуща многія душы привести ко Господу наставленіемъ своимъ, и просвѣтити ученіемъ во тмѣ невѣдѣнія пребывающыя, обновити же и обвѣтшавшее общее житіе, и насадити въ немъ древо жизни, треблаженное послушаніе, еже есть аки душа общему житію. И не послабляя молителнымъ своимъ совѣтованіемъ и угроженіемъ преслушанія предреченніи честніи духовники глаголаша къ нему: «Како ты научиши братій послушанія и отсѣченія воли своея и разсужденія, самъ преслушая и презирая совѣтъ толикихъ молителей; отъ сего явно есть, что волю свою любиши и вѣруеши разсужденію своему, паче старѣйшихъ тебе и лѣты и разумомъ; и не вѣси ли, что родило есть преслушаніе?» Тогда блаженный отецъ нашъ видя себе въ таковомъ отвсюду неизбѣжномъ утѣсненіи, и не хотящъ повинувся, со слезами рече: «Буди воля Божія». И произведенъ бысть въ священничество и духовничество. Тогда бысть радость

велія не точію чадомъ его духовнымъ, но и прочіимъ святогорцамъ, иже и прежде прихождаху пользы ради къ нему, а тогда быти имъ имуща его и отца духовнаго.

Живяше убо блаженный прежде въ каливахъ съ братіами волоскаго[1] языка нѣколико лѣтъ, и правило тѣмъ языкомъ чтяху; таже прешедшымъ въ келлію святаго Константина и пожившымъ нѣкое время, начаша приходити и присоединятися ко обществу и славенскаго языка братія, тогда начаша чести и пѣти и славенскимъ языкомъ въ церкви, зане не имѣяху еще нуждныхъ на волоскомъ языцѣ церковныхъ книгъ. Живяху же нуждным житіемъ, отъ труда рукъ своихъ стяжаваху дневную пищу. Егда же умноживъ Господь братію, и не вмѣщахуся и тамо бѣ бо братій уже дванадесять, седмь волоскаго языка, а пять славенскаго. Еще же и иніи братія зѣлнымъ своимъ моленіемъ стужаху блаженному о пріятіи во общество. Тогда блаженный сотворивъ совѣтъ со братіями, тогожде монастыря Пантократора купивъ пустую келлію святаго пророка Иліи; и возложивше надежду на промыслъ Божій начаша здати все отъ основанія: церковь, ограду, а на оградѣ келліи, все зданіе каменное, хрістолюбцовъ подаяніемъ и своихъ братій трудомъ безмѣрнымъ, и поспѣшествомъ убо Божіимъ создаша церковь прекрасну, трапезу, пекарню, кухню, архондерикъ[2], келлій шестьнадесять, и воду привели въ скитъ. Намѣреніе имѣвъ блаженный отнюдъ болѣе пятинадесяти братій, якоже и келліи создашася на толикое число, не принимати. Разстояніемъ же святаго пророка Иліи скитъ, отъ келліи святаго Константіна полъ часа ходу; и преселишася вси обще въ скитъ, благодаря и славя Бога о неизслѣдимыхъ судбахъ Его, и безконечномъ милосердіи, яко отъ царскаго пути, благо-

---

[1] Воло(ш)скій — румынский.

[2] Архондерикъ — жилье для паломников.

воливъ быти общему житію. Тогда раздѣлися совершенно и правило церковное на два языки, на единомъ криласѣ по славенскій, на другомъ по волоскій чли и пѣли. Надѣявся же блаженный, яко по таковомъ безмѣрномъ трудѣ и попеченіи о зданіи скита упокоится мало, но въ болшыя спаде: увидѣвше бо многіи святогорскіи братія и новопришедшіи съ Россіи, и съ сихъ странъ хотящіи въ монашескомъ образѣ Богу работати, благочиніе церковное въ пѣніи и чтеніи, во общемъ послушаніи и рукодѣліи молчаніе, благоговѣніе, миръ и любы между братіями, ко блаженному же старцу со смиреніемъ повиновеніе, и съ вѣрою послушаніе, его же къ чадомъ своимъ духовнымъ отеческое милосердіе, въ службахъ благоразсмотрителное опредѣленіе, въ немощехъ состраданіе, и любы ко всѣмъ нелицемѣрну: возжелаша приобщитися къ таковому житію. Зѣлнымъ же своимъ моленіемъ и слезнымъ прошеніемъ убѣдиша и не хотяща пріимати по единому; блаженный же возложися на Божественный промыслъ о душевномъ и тѣлесномъ ихъ окормленіи пріимаше, и видя всеусерднѣ себе предающихъ душею и тѣломъ во блаженное послушаніе, радовашеся. И не точію бояся труда, но готовъ и душу свою положити за братію. Не имѣя же келлій, аки ластовицы гнѣзда, тако братія келлійки внизу къ муру[1] прилѣпляху сами труждающеся. И тако въ маломъ времени умножилося число братій великое. Труждахуся же вси въ рукодѣліи, и блаженный съ ними, дѣлаше ложицы и продаяху, и тѣмъ окормляху и снабдѣваху себе, и странныхъ пріимаху и упокоеваху. Труждашеся же отецъ нашъ блаженный въ рукодѣліи, удвое дѣлая противу братій; въ нощи же преписоваше книги: вся бо жизнь его во бдѣніи бяше всенощномъ, и болѣе тріехъ часовъ не могій спати. Зане отъ Господа испроси себѣ сіе, еще въ юности своей, яко-

[1] Муръ — каменная стена.

же азъ написахъ въ началѣ, еже отъ устъ его слышахъ. Произыде же слава во всей Святѣй Горѣ о немъ, и вси въ чести и любви имѣяху Паісіа, удивляхуся многимъ дарованіямъ Божіимъ въ немъ. Приходиша къ нему, иніи пользы ради, болѣе же исповѣди ради; и бѣ странныхъ всегда толико, яко и своимъ братіямъ не бѣ времене пріити къ нему возвѣстити о помыслѣхъ своихъ, и стужаху въ себѣ нѣкіи. Бысть многимъ тамо духовникъ, и самому святѣйшему Патріарху Серафіму, пребывающу тогда въ монастири Пантократорѣ. Часто пріиздя въ скитъ посѣщаше блаженнаго, и въ сладость послушаше его. И бысть образъ добродѣтелнаго житія всѣмъ во Святѣй Горѣ, и новый обветшавшаго монашескаго общаго житія обновитель, божественнаго послушанія наставникъ и учитель, истинный руководитель ко спасенію послушающихъ его, и новое чудо. Діаволъ же растерзавашеся видя себе побѣждаема отъ него, и многія душы отъ устъ его исхитивша, и ко Богу приведша ученіемъ своимъ; и не бѣ стерпимо лукавому. Обрѣтѣ нѣкоего схимонаха Аѳанасіа молдованула[1], яко самому, неприступенъ бѣ блаженный, ограждаемь божественною благодатію: подвиже на зависть, начатъ сѣяти чрезъ него сѣмена своя лукавая многимъ во ушы, не точію лестцемъ и прелестникомъ нарицая его, но и еретикомъ; еще же и священую умную молитву хуляше. Блаженный же слыша о томъ долготерпя, ожидаше прозябенія, тутъ и плодъ злобы приспѣ. Не бѣ доволенъ клеветами легкомысленный онъ Аѳанасій молдованулъ, удивляющеся славицѣ преходящей, и распаляяся болѣе завистію на блаженнаго; не вѣдая сего, яко гонящіися за славою бѣгаетъ отъ нихъ, и иже удаляются отъ нея, напреди ихъ идетъ, и проповѣдница подвиговъ и добродѣтелей ихъ бываетъ. Разжегся нестерпимо, и написа посланіе ко блаженно-

[1] Молдованулъ — молдаванин.

му, подъ видомъ дружескаго наставленія съ начала, таже внутрь многія блевотины, хулы, укоризны, и прочая многая неправая своя мудрованія, Церкви святѣй противная и вѣрѣ православнѣй. И имже хотяше уловити блаженнаго, самъ увязе, ископа ровъ и впаде во нь; и тако обратися болѣзнь его на главу его. Получивъ блаженный посланіе отъ друга своего притворнаго, чтя предъ братіями съ начала радовашеся; внутрь же вшедъ восплакася горько о погибели его, и умолче. Разсмотрѣвъ вся, иде къ духовнику своему, объявивъ и прочте; таже съ духовникомъ иде ко инымъ духовникамъ, разсмотрѣша все и уразумѣвше непорочна блаженнаго въ сихъ; еще же яко хваляшеся и изъ Святыя Горы изгнати, оскорбишася, и повелѣша блаженному отвѣтъ къ нему написати, обличивъ его заблужденія. И аще не покается, и не проситиметъ[1] прощенія о своемъ заблужденіи, тогда соборно обличится. Сотворивъ блаженный якоже повелѣша ему духовники: обличивъ его невѣжество и противное мудрованіе Церкви святѣй, шестьнадесятію главами, изъявивъ его заблужденіе, и опровергъ хули и клеветы, посла къ нему; он же прочелъ познавъ свой грѣхъ зазрѣвъ покаяся: и пришедъ проси прощенія. Простивъ блаженный и поучивъ его отпусти съ миромъ. Пребывающымъ же въ скиту и умножающымся день отъ дне братіямъ и не вмѣшающымся, совѣтоваша ему честніи святогорцы взяти монастирь Сѵмопетръ, бѣ же монастирь той задолженъ, и въ немъ братій мало бяше; предложивъ собору прошеніе блаженный о немъ, рѣшеніе со благословеніемъ вскорѣ вишло. Преселися блаженный въ монастирь, вземъ полъ братій, а прочіи оставивъ въ скиту; мало время пребылъ тамо; егда же услышали заимодавцы, яко собрася соборъ монаховъ, абіе

[1] Проситиметъ — попросит (укр. форма буд. времени с глаголом *имѣти*).

пріихали требовати долга; и заплативъ блаженный неповинно седмь сотъ левов: убояся же прочіихъ заимодавцовъ, возвратися въ скитъ оставивъ монастирь. Пребывая же въ скиту, и видя утѣсненіе братій, разсуждая и притрудность мѣста, и яко таковому собору во Святѣй Горѣ, въ таковомъ притрудномъ и зѣло жестокомъ мѣстѣ не подастъ руки ко утвержденію; еще же бояся и власти агарянскія, да не возложатъ и на его убогое общество даней подобныхъ прочіимъ монастиремъ святогорскимъ. Еже отъ многихъ уже и слышавъ блаженный хотящее быти. И бояшеся, таковыхъ ради винъ, и иныхъ многихъ, да не будетъ крайняго разоренія таковому его житію: совѣтъ сотворше начаша готовитися. Егда же увѣдѣ святѣйшій Патріархъ Серафімъ, и прочіи честніи святогорцы, зѣло сожалѣша о изшествіи блаженнаго, и увѣщаваша и молиша не исходити изъ Святыя Горы; обаче ничтоже успѣша. Онъ же собрався изыде со всѣмъ соборомъ, и пріиде въ сію православную Молдовлахійскую землю. Приведъ божественный промыслъ угодника своего блаженнаго отца нашего во Святую Аѳонскую Гору, да покажетъ тамо путь истиннаго монашескаго житія; и будетъ всѣмъ образъ добродѣтели, и начало общаго житія; здѣ же возвративъ, да утвердитъ[1], и многихъ просвѣтитъ и научитъ словомъ и дѣломъ добродѣтельнаго житія. Пріиде здѣ и пріятъ бысть отъ благочестиваго Господаря и Преосвященнаго Митрополита, и дадоша блаженному монастирь Драгомирну со всѣми угодіями, хотя онъ движимымъ имѣніемъ и скуденъ бяше отъ многихъ нашествій и разореній варварскихъ, мало бо книгъ точію обрѣли въ немъ, келлій пять, трапеза не покровенна, и воловъ шесть; обаче пространный и безмолвный, и зѣло приличный собору и утвержденію общаго житія, и расположенію общежителныхъ уставовъ.

[1] В рукописи: увердитъ.

Вселися тамо блаженный со всѣмъ соборомъ братій, благодаря и славя Бога со слезами, о непостижимыхъ судбахъ Его, и безконечномъ милосердіи, яко устрои тако, чего имъ и во умъ пріяти невозможно было, молитвами угодника Своего блаженнаго отца нашего. Преклонивъ премилостивый Господь всѣхъ къ любви и милосердію къ страннымъ, благочестивый воевода первый обрѣтеся ктиторъ, отъ основанія воздвиже два ряды келлій, особливо ради блаженнаго старца, и архондерикъ; уволнивъ же и отъ всякихъ даней, и грамотою утвердивъ отъ всего быти свободну монастирю. Хрістолюбивіи же боляре овіи скотами рабочими, иніи кравами, овцами, віноградами, другіи одѣяніями и обувеніемъ, иніи пшеницею, и віномъ, и прочіи благочестивіи Хрістіане всякъ по возможности своей, отъ произволенія своего; никомуже стужающу, къ подаянію, но сами радующеся снабдѣваху, и веселящеся благодаряху Бога, приведшаго въ благочестивую ихъ землю угодника Своего съ братіею его; и аки Ангеловъ Божіихъ почитаху его и братій и охранителей молитвами своими земли ихъ. Зѣло бо страннолюбивая сія богохранимая земля Молдавія.

Препочивъ же блаженный нашъ отецъ съ братіею въ монастири мало отъ труда путнаго, начатъ располагати чинъ своего общаго житія и утверждати по уставу богоносныхъ отецъ нашихъ Васіліа Великаго, отъ негоже пріявъ Ѳеодосій Великій, и Ѳеодоръ Студитъ началницы общихъ житій, не яко не бывый начинашеся: уже бо въ Святѣй Горѣ прежде многими лѣты начатъ бѣ и храняшеся. Но по преселеніи аки вновь начинашеся пришедше здѣ, и первѣе въ церкви устрои чинъ во всемъ святогорскій: пѣніе же на правой странѣ по славенскій, на лѣвой же по волоскій опредѣли. Таже никаковымъ образомъ да не дерзнетъ кто отъ братій нѣчто отъ имѣній именовати мое или твое, но вся отъ Бога посылаемая имѣти обща, опасно завѣщавая; зане отъ сего между бра-

тіями единомысліе и любовь пребываетъ, нуждная же подавахуся всѣмъ отъ блаженнаго старца, трапеза всѣмъ обща, послушаніе ко старцу и другъ ко другу со отсѣченіемъ своея воли и разсужденія своего, и повиновеніе со страхомъ Божіимъ да хранится. Внутрь монастиря послушанія въ кухнѣ, пекарнѣ и прочая самыми братіями, не употребляюще рабовъ или наемниковъ, да совершаются. Различная рукодѣлія нуждная къ житію братія да дѣлаютъ со страхомъ Божіимъ, угождающе другъ другу якоже Самому Господеви. Преслушаніе, прекословіе и самочиніе въ службахъ общихъ, имиже разоряются заповѣди Божія, да изгнанна будутъ; но благоговѣніе, смиреніе, единомысліе и любы да царствуютъ въ соборѣ, зане клеветы, осужденія, зависть, роптанія и памятозлобіе мѣста не возмогутъ имѣти. Во общихъ послушаніяхъ молчаніе, во устѣхъ молитва да хранится; и самъ блаженный часто съ братіями исхождаше и дѣлаше купно со всѣми на городахъ и на прочіихъ послушаніяхъ, всѣмъ себе во образъ представляя и заповѣдая, да никтоже празденъ будетъ, зане отъ тоя всякое зло. Въ келліяхъ же чтеніе богоносныхъ отецъ нашихъ, и молитва умная, умомъ въ сердцѣ художнѣ дѣйствуемая и опасно аки дыханіе со страхомъ Божіимъ да хранится, яко та есть источникъ любве Божія и ближняго, и всякихъ добродѣтелей, исповѣданіе помысловъ на всякъ вечеръ да бываетъ, ово къ самому блаженному, ово же къ духовникамъ на то опредѣленнымъ, и братіямъ къ нимъ распоряженнымъ, вѣдая яко то есть основаніе спасенія, мира, тишины и любве въ соборѣ; и прочыя вся чины, по уставу святаго Васіліа Великаго, и иныхъ святыхъ отецъ общежителныхъ въ соборѣ распредѣливъ и не нарушимо хранимымъ быти утвердивъ; за преступленіе же, духовними наказаніями угрожая запечатлѣвъ. Самъ же блаженный отецъ нашъ, на всѣхъ чадъ своихъ духовныхъ отеческое свое милосердіе изливая, нели-

цемѣрною любовію объемля и согрѣвая, якоже кокошъ птенцы своя, послушанія благоразсмотрително и по силѣ всякаго опредѣляя. Въ немощехъ состраданіе являя. Болныхъ въ болницѣ врачуя и упокоевая всякимъ упокоеніемъ: соболѣзнуя о нихъ тако, аки бы самъ былъ боленъ. Приспѣвшу же времени жнивъ, опредѣляше братій на послушаніе въ степъ жати пшеницы иногда седмьдесятъ, иногда и осмьдесятъ, сами бо братія всякое лѣто жали и молотили коньми пшеницу и прочая сѣмена. Съ ними посилаше и духовника, ради правила церковнаго и иныхъ нуждъ душевныхъ, имѣя съ собою и Божественныя Тайны; дохтора присилая частѣ; и самъ блаженный отецъ нашъ, посѣщая чадъ своихъ единою, пріиздя и пребывая съ нами три или четыри дни, благословляя труды наша, утѣшашеся, утѣшая и насъ и ублажая, яко и мы въ семъ трудѣ подражатели есмы святыхъ отецъ Египетскихъ, иже на всякое лѣто исхождаху на жатву. Таже поучивъ о послушаніи и трудѣ, единомысліи и любви, о терпѣніи и благодареніи, и о исповѣди помысловъ, и благословивъ всѣхъ отъѣздяше, радуяся и благодаря Бога, яко видѣвъ насъ и послушаніе наше, и моля укрѣпити совершити дѣло, и возвратити насъ здравыхъ въ монастирь Своею благодатію. Мы же вси провождахомъ, лобизая руцѣ его и нозѣ, возвращаемся веселяся и славя Бога, яко сподобилъ насъ видѣти ангеловидное лице отца нашего посѣтившаго насъ, и радостныя слезы изливаемъ, от любве къ нему. Блаженный же нашъ старецъ, аще и всегда поучаше приходящихъ къ нему въ келлію братій, потребъ ради или тѣлесныхъ или духовныхъ, открывая силу заповѣдей Божіихъ, и разумъ святаго послушанія: отъ Святаго Писанія, и ученія святыхъ отецъ нашихъ, и наставляя и подвизая на всякое дѣло благое; обаче тогда наипаче, егда соберутся вси братія отъ внѣшнихъ послушаній, и пріидетъ святый постъ Хрістова Рождества, начиная соборно поученіе

отъ первыя седмицы поста и продолжая до субботы Лазаревы, егда не пресѣчетъ зимою какова болѣзнь: на всякій день кромѣ недѣлѣ и праздниковъ, собирающымся братіямъ въ вечеръ въ трапезу зажженнымъ бывшымъ свѣщамъ прихождаше блаженный нашъ отецъ, и сѣдяше на обычномъ своемъ мѣстѣ, разгнувъ книгу отеческую, или святаго Васілія Великаго постническую, или святаго Іоанна Лѣствичника, или святаго Дороѳеа, или святаго Ѳеодора Студита; въ единъ вечеръ по рускій бываше чтеніе, а волоскаго языка братія чтяху павечеріе; аще же кто знаяше обѣма языки, то слушаше и оба чтенія; толковаше же блаженный едину книгу единому языку, а другую другому, а иногда и обоимъ едину. Толкуя же привождаше свидѣтелства отъ Писанія Святаго, и отъ ученія богоносныхъ отецъ нашиъ, и прилагаше при всякомъ чтеніи и нѣкое правоученіе, о исправленіи случающихся немощей, и обличаше покровенно, да оный зазрѣвъ себѣ покается, не согрѣшивый же да хранится отъ поползновенія; и тако пользоваше всѣхъ, единыхъ исправляя а другихъ охраняя. Таковое же его бяше толкованіе, что и самый простѣйшій братъ разумѣти можаше силу словесъ; и таковое дарованіе святый нашъ отецъ имѣяше, что и самаго унылаго воздвигнути можаше къ ревности, и печалнаго утѣшити; и аще не можаше оскорбленнаго примирити словомъ, то слезами: и не отхождаше отъ него не исцѣленъ никтоже. Краснорѣчіе же кто можетъ изрещи, всякій день бы вси готови предъ нимъ стояти, да насладимся святаго его лицезрѣнія и сладчайшихъ словесъ; разсужденіе блаженнаго мужа таково бѣ, егда братъ внидетъ въ келлію, то разумѣваше что имать внутрь; давъ благословеніе, начинаше самъ бесѣду къ нему, и сладчайшими своими словесы отведетъ умъ его далеко, не дая ему глаголати. Бесѣда же его смотряющая лице и устроеніе брата, или художество онаго, къ разумнѣйшему, привведе нѣкій глаголъ

Писанія высокій, таже и толкованіе онаго отъ Писанія, къ тому приложитъ еще и высочайшее нѣчто и удивитъ его: къ простѣйшему отъ художествъ, или отъ службы его, и восхититъ намѣреніе его отъ ума во иное, и утѣшитъ его толико, что онъ забудетъ и себе и нужду свою, за чимъ пришелъ, отъ сладости словесъ его, послѣжде братъ приникъ внутрь себе и видѣвъ душу свою, мира и радости исполненную, а бывшую тму или печаль, аки дымъ отъ вѣтра исчезнувшую, тогда не воспоминая ничтоже, но вземъ благословеніе отходитъ радуяся и благодаря Бога; якоже и азъ многократно въ себѣ видѣхъ. Сіе основаніе ученія его бѣ, да вси общее всѣмъ сердцемъ и всею душею нудятся хранити заповѣди Божія, и преданія святыхъ отецъ; аще же случилося бы между братіями нѣкое смущеніе, то всеконечно того дне примиреніе да будетъ истинное, по Писанію: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ; буди же нѣкто ожесточился бы, и не хотяй примиритися, таковаго отлучаше да и на прагъ церковный не ступитъ, и Отче нашъ Иже еси на небесѣхъ, да не чтетъ; и являшеся тогда аки нѣкій судія жестокъ на таковаго непокориваго, аще и кротокъ и всѣмъ приступенъ зѣло бяше, устроевая всѣми образы спасеніе, по Апостолу, и десными и шуими. На внѣшняя послушанія опредѣляше и посилаше братій таковыхъ, отъ нихъ же не моглъ бы послѣдовати нѣкій соблазнь, ниже души ихъ пострадати вредъ. Аще же бы слѣдовало нѣчто къ разоренію заповѣдей Божіихъ, то повелѣваше да останется и не будетъ лучше дѣло оное, неже разорити заповѣди Божіи, и подпасти вѣчному осужденію. Въ соборѣ же присно тщашеся да будетъ миръ и любы, и отсѣченіе своея воли другъ предъ другомъ и разсужденія; прекословіе аще бы о чесомъ слѣдовало, то уступати прекословящему повелѣваетъ оное послушаніе, да не произыдетъ сваръ, отъ негоже вражда и злопомнѣніе, аще и заповѣдь его не исполнится. Точію да возвѣститъ

ему, исправленія ради брата онаго, а не отмщенія: и онъ исправляше по богоданному ему разуму. Труждашеся блаженный отецъ нашъ день и нощь, весь день исполняя дѣла духовныя и внѣшняя скономическая, яко иногда до девятаго часа двери не затворяемы быша; иніи братія за тѣлесными нуждами прихождаху, а иніи за душевными, со инымъ плакаше, отправивъ же онаго, съ другимъ радовашеся, аки бы ни когда не имѣлъ нѣкую скорбь: якоже отроча незлобиво устроеніемъ душевнымъ бѣ блаженный онъ мужъ, безстрастенъ воистинну и святъ. Тридесятъ бо лѣтъ азъ при немъ пожилъ, аще и отхождахъ на нѣкое время во Святую Гору, но паки возвращахся къ нему, и не видѣхъ его скорбяща когда о чесомъ вещественномъ, аще бы и велико нѣчто случилося погибнути; точію тогда скорбяше зѣло, егда видяше въ чемъ заповѣди Божія преступающыя: и за едину бо малѣйшую заповѣдь Владычнюю душу свою полагаше, и аки огнь противу не хранящихъ бываше; и глаголаше да разорится все, и тѣло наше, точію да сохранятся заповѣди Божія. Нощь блаженному во всей жизни бдѣніе бѣ, всю бо нощь въ переводѣ, съ еллиногреческаго языка на славенскій языкъ, отеческихъ и богословскихъ книгъ пребывая, яковыя еще не бяху на нашемъ языцѣ; любяше же зѣло блаженный и чтеніе книжное, и насъ увѣщаваше къ преписанію и чтенію книжному, и прочіимъ духовнымъ подвигомъ. И бѣ видѣти монашеское общее житіе, имущее нѣкій слѣдъ общихъ житій святыхъ отецъ, елико возможно бяше немощи нашей послѣдовати и подражати имъ, и хранити чины и уставы ихъ, въ сія бѣдная времена плачу и рыданію достойная. И толко окончили нуждныя потребности, церковь теплую, зане великая церковь зѣло хладна бяше, келліи, архондрики[1], болницу и прочая. Входъ внутрь монастиря отнюдъ

[1] Так в рукописи.

женску полу возбраненъ бысть. И отдохнули мало, начаша братія подвизатися, и другъ друга подвизати во еже возлюбити Господа и заповѣди Его животворныя хранити, вѣрою по Бозѣ и любовію ко отцу прилѣплятися, ученіе его дѣломъ исполняти, волю свою и разсужденіе свое предъ нимъ отсѣкати, и другъ предъ другомъ: душу едину и едино сердце со отцемъ, и со всѣми братіями тщащеся имѣти, и послушаніе со страхомъ Божіимъ проходити. Молитву всеусердно во умѣ внимателно хранящe трезвенно и художно молящеся. И нудящеся на всякое дѣло благое благодатію Хрістовою, и успѣвающе въ духовныхъ подвизѣхъ. И бѣ въ соборѣ между братіями видѣти крадбу безгрѣшную, и похищеніе духовное, яко крадущій изобиловаше, и окраденный не оскудеваше, и похищающій богатѣяше, и у похищаемаго цѣло сокровище: вси обогащахуся другъ отъ друга и оставляху похищати хотящему съ радостію. Единъ похищаше смиреніе, а той у инаго послушаніе, инъ украдый отъ другаго отсѣченіе воли, а той такожде отъ него самоукореніе и слезы, инъ отъ инаго во укоризнахъ и искушеніяхъ терпѣніе, а той у другаго память смерти и страхъ Божій, инъ у инаго братолюбіе, а той отъ инаго молчаніе и незлобіе. И въ таковой независтной брани радовахуся и веселяхуся и славляху Бога. Веселяшеся же и блаженный старецъ нашъ, видя чадъ своихъ духовныхъ тако усердно подвизающихся и благодаряше со слезами Бога, моляше же укрѣпити и на болшій подвигъ благодатію Своею; непрестанно поуча воздвизаше къ болшему подвигу и усердію, глаголя: «Не унывайте, чада, куплю дѣюще, нынѣ время благопріятно, нынѣ день спасенія». Тако пребывающымъ се воста страшная буря, къ тому и огнь ужасный, и возжеся полъ вселенныя. Гори, лѣси и степъ попаляющыя: самыя главныя и первыя въ свѣтѣ двѣ имперіи, Россійская и Турецкая, возмутилися ярящеся, огнедышуще возвигошася другъ на друга;

Молдавія и Мунтянская земля восколебашася, жителіе вострепеташа отъ страха смертнаго и разбѣгошася: гори, лѣси и монастири наполнишася народомъ. Боляре и простый народъ бѣжаще упрежаху другъ друга, гдѣ бы возможно было скрытися отъ турокъ и татаръ. Тогда и нашему монастирю, яко крѣпчайшему отъ всѣхъ Молдавскихъ монастирей, въ лѣсу сущу превеликому, и мѣстѣ неудобопреступному, притекоша богатіи и убогіи, множество безчисленное людей, и подъ покровомъ молитвъ блаженнаго, и всего собора, паче величайшія крѣпости, въ постъ Рождества Хрістова первыя седмицы, исполниша монастирь, что и пройти невозможно, такожде окрестъ монастиря и лѣсъ. Тогда блаженный старецъ, видя таковую неисповѣдимую нужду и бѣдствіе людей, зима бо бѣ и снѣгъ, они же полунаги и боси многіи, не могуще ни одѣянія ни пищи отъ страха взяти, точію съ душами и дѣтми избѣгоша. Даде боляромъ полъ монастиря, а полъ за братій, и пребываху по три и четыри и пять братій въ келліи, идѣже по единому прежде сѣдяху. Трапеза великая и теплая, ону даде простому народу, а наипаче бѣднымъ женска пола: о всѣхъ блаженный отечески соболѣзноваше, и аки самъ стражда со всѣми и требователенъ нуждныхъ, милосердіе свое изливая на всѣхъ. Повелѣ блаженный келарю, пекарю, поварю и прочіимъ братіямъ службу имущымъ надъ вещми ядомыми, да всѣмъ приходящымъ и требующымъ безпрекословно обрѣтающаяся ядомая вещества, чесого кто востребуетъ, подаяти, сущымъ и внѣ, кто бы не пришелъ: овіи взымаху сировое[1] вариво и сами варяху, овіи готовое вареніе и хлѣбъ печеный еже и братія ядяху, тое взымаху. Непрестанно бо хлѣбъ печаху и вареніе варяху упокоити желающе бѣдствующихъ, боляре же и віно взымаху. И бѣ видѣти благодать Божія молитвами бла-

[1] То есть: сырое, неуваренное.

женнаго, яко годовыя собираемыя собору ядомыя и питеиныя вещи, бяху доволны и толикому многому народу бѣдствующему, и намъ до уреченнаго времене. Пребысть же весь той народъ въ монастири и внѣ монастиря дней яко пятьнадесять и разыдошася во свояси, а боляре осталися въ монастири. Блеснувъ бо свѣтъ благодати Божія, луна убо помрачися, врази же смутишася, и ужаснеся даша плещы[1]. Толко бо что вступила Россійская армія въ Молдавію, вострепеташа безбожніи агаряне и яшася бѣгу. Тогда безбоязненно людіе возвратишася въ домы своя радующеся славя Бога; боляре же боящеся пребыли въ монастири множае года. Егда же милосердіемъ Божіимъ свободихомся отъ страха турецкаго, и изыдоша изъ монастиря, тогда паки воспріяхомъ миръ, и не много пребывъ, иное смущеніе приспѣло, иная болѣзнь и страхъ смертный, моровая язва, а съ нею и неврожай хлѣба три года бысть. Потомъ благодатію Хрістовою прешедшымъ всѣмъ болѣзнемъ онымъ воспріяхомъ тишину, и устроися житіе наше по первому расположенію. Прешедшей убо шестолѣтной брани, сотворися между Россіею и Оттоманскою Портою миръ; и егда убо возвратися армія Россійская изъ Молдавіи во отечество свое, абіе Римская императрица Марія Терезіа начатъ требовати отъ Порты Оттоманскія обѣщанныя ей части Молдавскія земли за спомоществованіе ему отъ нея бывшее во время съ Россіею брани, юже и даде ей. Начаша граничити господа Молдавскіи и Нѣмецкіи, и бѣ монастирь нашъ отъ границы ихъ разстояніемъ яко три часа. Діаволъ убо, аще и прежде распростиравъ козни своя лукавыя, имиже возмоглъ бы повредити соборъ и опечалити блаженнаго отца нашего, но молитвами его святыми покрывала благодать Божія, не обрѣтъ себѣ ни откуду помощи, тогда обрѣтѣ нѣмцовъ,

[1] Даша плещы — обратились в бегство.

подвигъ ихъ еже болше взяти земли, отъ опредѣленнаго имъ, да съ нею и монастирь Драгомирну подъ свое владѣніе вземлютъ; напрягоша мѣрило свое къ намѣренію своему, но боляре Молдавскіи не соизволяху, и не даяху болѣе отъ опредѣленнаго имъ, хотяще защитити монастирь и не ввести въ смущеніе блаженнаго старца и соборъ, но не можаху противу великія власти; таже моленіями и обѣщаніями, кіихъ словесъ не употребляху, яковыхъ даровъ не даяху, но не можаху преодолѣти, и остася монастирь во власти ихъ совершенно. Тогда блаженный нашъ старецъ много изливъ слезъ, такожде и братія скорбяху о обители яко прекрасна бѣ ради собора братій, плачя и о разореніи и трудѣ братій яко крывавый потъ изліяша въ строеніи келлій и въ прочіихъ нужныхъ дѣлѣхъ монастирскихъ, и плачя яко подъ владѣніемъ еретиковъ остася, съ ними же миръ быти никогдаже можаше, и яко слѣдуетъ великое собору разореніе, и труды крывавіи во иномъ мѣстѣ въ строеніи келлій, и трудно изъ рукъ нѣмецкихъ избѣгти. Таже написа къ Преосвященному Митрополиту писаніе, и ко благочестивому Господарю Григорію Гики, жалуяся яко подъ папистами не можетъ пребывати, и прося милости дати монастирь святаго Іоанна Предтечи Секулъ. Они же зѣло сожалѣша о блаженномъ отцѣ нашемъ, и о соборѣ братій, даша монастирь, егоже просяше, и утвердиша грамотою. Получивъ блаженный грамоту печашеся о вивезеніи церковныхъ вещей, и Богу содѣйствующу вивезли все ущедреніемъ стражей. Таже и братія именемъ на послушаніе посылаеми изыдоша. Осталося въ монастири сто пятьдесять братій. Блаженный же нашъ отецъ оставивъ въ монастири двоихъ духовниковъ, единаго волоскаго языка, другаго рускаго, онаго аки игумена, да по волоскому языку отвѣты даетъ и прочая дѣла исправляетъ, сегоже аки помощника оному до времене: да не како смущеніе нѣкое случится, оставивши единою пустый монастирь,

ктому яко и келлій въ Секулѣ мало бяше. Распредѣливъ блаженный и устроивъ вся якоже подобаетъ, самъ же иде въ церковь съ горкими слезами плачя и рыдая помолився Господеви, хотя разлучитися отъ обители и братій, братіямъ же давъ миръ и благословеніе яся пути. Пріѣхавъ до границы, давъ нѣмцямъ знаменіе, аки до млиновъ[1] ѣдетъ, пропустиша чрезъ рѣку, тамо же и млини въ нихже и пребысть, ожидая братій дондеже соберутся, ихже прежде разославъ аки на послушаніе. Собравшимся братіямъ, воздвигошася оттуду и пріидоша въ монастирь Секулъ, 1775 года мѣсяца октомврія 14-го дня, и благодаривше Бога со слезами вселишася тамо. Бѣ же тогда всѣхъ братій въ соборѣ двѣстѣ монаховъ и мало множае, кромѣ послушниковъ еще не постриженныхъ. Остася братій въ монастирѣ Драгомирнѣ сто пятьдесять, съ братіями своими духовными старѣйшими, обоего языка, славенскаго и волоскаго, духовниками; обаче, якоже плотскіи дѣти отлучившымся на нѣкое время отъ дому своего родителемъ ихъ, аще и утѣшаеми бываютъ отъ старшихъ своихъ братій, любезными разговорами и надеждою скораго возвращенія ихъ въ домъ свой, но на мало время престаютъ отъ плача, ниже пища подаваема имъ сладка бываетъ, всегда бо взыраютъ слезъ исполненными очесы на путь, на немже имѣютъ родителей своихъ возвращающихся въ домъ увидѣти, и возрадоватися лицезрѣніемъ и сладкою бесѣдою ихъ; но несравненно болѣе оставшіися тогда въ Драгомирнѣ монастирѣ братія, аще и упокоеваеми бяху, и утѣшаеми духовными любезными словесы, и скорымъ отшествіемъ всѣхъ къ блаженному отцу своему отъ братій своихъ старѣйшихъ духовниковъ, но малу отраду душъ своихъ имуще: всегда печалуя съ горкими воздыханіи, отъ разжженныя любви и по Бозѣ вѣры ко святому отцу своему

[1] Мли(ы)нъ — мельница.

и взырая на путь имже отшедъ отъ нихъ, плакаху о лишеніи святаго лицезрѣнія его, аки свѣта очесъ своихъ, сладкія же его духовныя бесѣды, радости и веселія сердца своего, и присно воображая лице любимаго, иніи пріемлюще малу отраду, другіи же множае печаловаху, отъ нихже и являшеся нѣкіимъ во снѣ блаженный, утѣшая ихъ скорымъ собраніемъ всѣхъ къ себѣ во едину обитель Секулъ. Колико же скорбя плакаше и самъ блаженный, о[1] отлученіи и раздѣленіи возлюбленныхъ чадъ своихъ духовныхъ, яко не видитъ предъ собою всѣхъ: ихже зря, яко Ангеловъ Божіихъ зрѣти вмѣняше, и радости неизреченныя святая душа его исполняшеся отъ любве ко братіи, приглаголя сіе, яко нетѣсно всѣхъ васъ въ себѣ вмѣщаю, подражая святаго Апостола Павла рекшаго къ коринфяномъ: яко не тѣсно вмѣщается въ насъ[2]; таковая бѣ любы и святаго отца нашего къ намъ, и ко всѣмъ Хрістіаномъ. Многажды же на поученіи глаголаше къ намъ блаженный и сіе, яко, егда вижду азъ чадъ моихъ духовныхъ, подвизающихся и нудящихся хранити заповѣди Божія, и отсѣкати волю свою, не вѣровати же разсужденію своему, и со страхомъ Божіимъ проходити послушаніе, тогда таковую неизреченную въ души моей духовную радость имѣю, что ниже въ Царствіи Небеснѣмъ болшія радости имѣти не желаю. Аще же вижду нѣкіихъ не радящихъ о заповѣдехъ Божіихъ, и держащихъ волю свою, вѣрующихъ разсужденію своему, и божественное послушаніе презирающихъ, отъ самочинія и самоугодія объятыхъ лѣностію и ропщущихъ, тогда таковая печаль объемлетъ душу мою, что и во адѣ не можетъ болшая быти, дондеже не увижду ихъ покаявшихся. Оставшіися же братія въ Драгомирнѣ доволно келлій имѣяху, а пришедшіи съ блаженнымъ старцемъ въ

---

[1] В рукописи: отъ.

[2] Пометка на полях: глава 7. (Ср.: 2 Кор. 6, 12.)

монастирь Секулъ великую нужду претерпѣваху безъ келлій: точію бо всѣхъ четыренадесять келлій бѣ, братій же множае пятидесяти, кромѣ нѣкіихъ секулскихъ стариковъ; вмѣщахуся же по три, по четыри и по пять братій во единой келліи, и претерпѣваху страждуще зѣло зѣло чрезъ зиму. Едино точію утѣшеніе и радость имъ бѣ лицезрѣніе отца своего святаго, и ученіе духовное облегчавающее всяку скорбь и тѣсноту, терпяху же вся случившаяся славяще Бога. Пришедшей убо веснѣ, начаша братія преходити изъ монастиря Драгомирны въ Секулъ, и толикая бѣ теснота, яко не имѣяху гдѣ и главы подклонити, тогда паки бѣ скорбь и смущеніе, видя имущее быти послѣдующее разореніе душевное, отъ безмѣрнаго труда и попеченія въ строеніи келлій; но избѣгнути отъ онаго не бѣ возможно, еже бы не строити своими руками. Возложившеся убо на помощь Божію, и на молитвы блаженнаго отца своего яшася дѣла: овіи внутрь монастиря въ пиргахъ[1] созидаху, овіи къ муру прилѣпляху аки ластовицы гнѣзда, иніи внѣ монастиря, зане не имѣяху мѣста внутрь тѣсноты ради, другіи въ лѣсу; и труждаяся проливаша потъ свой. Помоществоваше же и блаженный старецъ подая коемуждо денги, да взыскавъ нѣкоего работника отъ мірскихъ людей имать помощь себѣ. И бяху братія въ таковомъ попеченіи, молвѣ и трудѣ три лѣта, зиждуще и строяще келліи. Иніи по два во единой, другіи по единому пребываху. И состроиша своими руками, внутрь монастиря и внѣ до ста келлій, и собрашася во едино; мало число остася въ Драгомирнѣ. Таже оставиша нѣмцамъ и монастирь Драгомирну издавше изъ рукъ якоже подобаетъ, пріидоша вси въ монастирь Секулъ, идѣже храмъ святаго Пророка, Предтечи и Крестителя Іоанна Усекновеніе честныя главы. Отдохнуша мало братія отъ попеченія и труда безмѣр-

[1] Пиргъ — башня.

наго яко единъ годъ. Мѣсто оно зѣло тихое и безмолвное, по обою страну горы исполнены лѣсомъ, внизу рѣка малая, надъ неюже стоитъ монастирь на раздолѣ между горами. Мѣсто зѣло притрудное, обаче со всею притрудностію и великою нуждою блаженный старецъ и братія благодарни быша, яко мѣсто тихое и безмолвное; аще и церковь мала не вмѣщающая таковаго собора, и зимою трудно бѣ отъ хлада, но терпяху съ надеждою обновленія другія церкве теплыя въ трапезѣ. Блаженный же и о томъ доволенъ бѣ, яко никтоже стужаше пріиздомъ посѣщенія ради его: вси бо великіи боляре всеусердно желаху посѣтити и видѣти святаго мужа, сподобитися благословенія отъ него и насладитися духовныя бесѣды; но бояхуся жестокаго и притруднаго онаго пути. Пребывающымъ убо намъ въ Секулѣ и упокоившимся мало отъ попеченія и труда въ строеніи келлій, безмолствовахомъ исправляяся на первое духовное устроеніе, еже бѣхомъ погубили смущеніемъ нѣмцовъ, преходомъ въ Секулъ, трилѣтнымъ въ строеніи попеченіи трудомъ и молвою, благодарихомъ Бога. Радовашеся же и блаженный отецъ, видя насъ подвизающихся и успѣвающихъ и другъ друга воздвизающихъ къ подвигомъ духовнымъ. Соборъ же день отъ дне умножашеся и никакоже можаше блаженный отказатися не пріимати приходящихъ, слезнымъ моленіемъ стужающихъ пріяти ихъ въ послушаніе и ученичество: что не предлагаше, что не глаголаше, тѣсноту келлій, трудъ послушанія, нужду въ тѣлесныхъ потребахъ и во всемъ скудость. Но елико онъ отказывая отсылаше ихъ, то они паче и паче припадающе къ ногамъ его плачуще и рыдающе моляху пріятыми быти. Убѣждаемь бысть слезами ихъ милосердный нашъ отецъ и любве ко ближнему исполненный, пріимаше. Исполняя Евангелское слово: грядущаго ко Мнѣ не иждену вонъ. Всѣхъ поучая, всѣмъ открывая волю Божію, всѣхъ наставляя на путь спасенія, соборнѣ всякій годъ

чрезъ всю зиму въ трапезу собирая и поучая отъ Писанія, о дѣланіи заповѣдей Божіихъ, и о послушаніи и о иныхъ подвизѣхъ: единъ вечерь по славенску языку, другій по волоску; такожде и въ келліи о томжде бяше бесѣда его всегда: возлогаяся на всемогущій промыслъ Божій о тѣлесномъ и душевномъ окормленіи. Тако пребывающымъ, пріидоша братія паки во устроеніе Драгомирское ученіемъ его, и мирствоваша подвизающися и успѣвающе благодатію Хрістовою, и молитвами блаженнаго. Миренъ же бяше зѣло и отецъ нашъ святый въ Секулѣ, и благодаря со слезами Бога, изведшаго безъ вреда из владѣнія паписташовъ. Увѣщавая же всѣхъ терпѣти всякую нужду безмолвія ради сущаго въ Секулѣ. И ни единаго помысла не имѣяше искати иныя обители пространнѣйшія или доволнѣйшія, паче же радовашеся о нищетѣ, скудости и тѣснотѣ, яже отъ юности своея возлюбивъ блаженный Хріста ради, и всѣхъ того поучая. Невѣдомо же откуду сіе смущеніе случися, Богъ вѣсть. Единою сѣдящу въ Сенатѣ Свѣтлѣйшему благочестивому и Хрістолюбивому князю Константіну Мурузу, со всѣмъ свѣтлымъ и боголюбивымъ своимъ Сенатомъ, привниде бесѣда о блаженномъ отцѣ нашемъ, и о соборѣ братій; вопроси благочестивый и Хрістолюбивый князь своего Сената, каковъ монастирь въ немже пребываетъ старецъ Паісій со братіями, тогда единъ отъ первѣйшихъ сенаторовъ, бывый прежде въ монастирѣ Секулѣ и вѣдый вся, воставъ отвѣща: «Ваше Свѣтлѣйшество, аки въ заточеніи нынѣ пребываетъ старецъ Паісій со братіями». Князь же удивлся о словеси рече: «Как въ заточеніи?» Онъ же отвѣща, зане монастирь Секулъ тѣсенъ и церковь малая, не ради таковаго собора онъ созданъ: мѣсто зѣло притрудное и путь къ нему прежестокій и неудобосносный въ превезеній извнѣ нуждныхъ къ житію потребностей. Хрістолюбивый же князь съ соболѣзнованіемъ глагола къ Сенату: «То нѣсть ли

убо въ нашей державѣ таковаго монастиря, въ немже бы возмогли святаго сего старца Паісіа со братіями упокоити?» Отвѣщаша отъ Сената: «Во всей нашей земли нѣсть болшаго пространствомъ и великостію церкве, красотою внѣ положеніемъ мѣста, и удобнымъ пріиздомъ, къ привезенію потребностей нуждныхъ отъ внѣ собору, паче монастиря Нямца, который разстояніемъ отъ Секула двоихъ часовъ». Тогда Свѣтлѣйшій князь зѣло возрадовася, написа къ старцу, повелѣвая преходити въ монастирь Нямецъ безъ всякаго сумнѣнія, не смотря ни на кого. Егда же прочте блаженный оное писаніе, тогда воистинну подобіе бысть морскаго волненія: егда бо найдетъ нечаянная буря, то абіе воскипитъ море, восколеблются корабли, корабленницы смутятся, и вси въ страсѣ; тако и тогда бѣ. Прочетъ блаженный писаніе и увидѣ въ немъ не надѣемое хрістолюбиваго князя повелѣніе пріяти монастирь Нямецъ во свое правленіе, восколебася аки корабль душа его, скрыся миръ, отбѣже тишина и безмолвіе еже имѣяше въ сердцѣ своемъ: нападе буря помысловъ печалныхъ, окружиша горесть и скорбь безмѣрная душу его, восплакася горькими слезами неутѣшимо до изнеможенія и недоумѣвая что творити. Смутишася же и братія увидѣвше нечаянный вѣтръ разорити имущъ душевное ихъ устроеніе, погубити миръ егоже имѣяху отъ безмолвія, искоренити до конца отъ ума и сердца ихъ вниманіе, трезвѣніе и молитву, юже по смущеніи Драгомирскомъ, и попеченіи и трудѣ Секулскомъ отдохнувше мало стяжали быша. Нѣкіи же легчайшіи умомъ, и разсужденіемъ недостаточніи, о трезвѣніи же и молитвѣ не зѣло пекущіися, безмолвіе имъ не за велико почитаемо, зане не быша причастни пользы душевнаго безмолвія, о славицы удивляющіися, воскрилія и покой любящіи, имже богъ чрево и слава ихъ въ студѣ, тогда возрадовашася аки о пріобрѣтеніи нѣкоего государства, Нямецкаго монастиря. Чтоже по томъ, ум-

ножившейся превеликой печали и скорби, яковыя блаженный нашъ отецъ отъ рожденія своего не имѣяше, плакаше рыдая горько, первѣе о семъ яко слѣдуетъ раздѣленіе собора, и не можетъ имѣти предъ лицемъ своимъ всѣхъ чадъ своихъ духовныхъ, иже быша ему утѣшеніе, и лицезрѣніе ихъ веселіе сердца его, бесѣда же съ ними слаждша меда и сота, а раздѣленіе собора горесть души его. Таже предвидя разореніе устроенія душевнаго, молитвы и вниманія погубленіе отъ смущенія, юже стяжаша многими подвиги въ Ескулѣ: въ трудѣхъ строенія келлій, изнеможеніе и скорбь, немощнимъ же сѣть готову, зане обитель о́на поклонна есть, иконы ради чудотворныя Пречистыя Богоматере, и входу всегда всѣмъ обоего полу невозбранный, ктому разсуждая обители оныя смущеніе, началствующыхъ въ ней роптаніе, укоризны и клеветы, подначалныхъ скорбь и негодованіе, и иныя многія причины, плакаше сѣтуя зѣло зѣло, и изнемогая; и яко имать разоритися общее поученіе ко братіи, еже творяше всякія зимы собирающымся въ вечеръ въ трапезу. Ово яко невозможно будетъ собратися всѣмъ и слушати, зане раздѣленни имуть быти, и болшая внидетъ между ихъ скорбь; ово же (якоже самъ мнѣ рече блаженный послѣжде въ Нямцѣ), яко имутъ быти гостѣ мірскіи великіи лица, и невозможно возбранити не приходити имъ слушати, и пресѣчется его нравоученіе, еже обиклъ бѣ творити по всякомъ поученіи отъ Писанія, о исправленіи случающихся въ соборѣ причинъ, о ихже подобаетъ въ соборѣ обличити не являя лицъ, да согрѣшившіи посрамятся, и убоявшеся исправятся и покаются, неповинніи же болшее храненіе и опасность возъимутъ. И скорбяше неутѣшно день и нощь. И толко готовяшеся писати къ Свѣтлѣйшему князю молителный отказъ, се пріихали изъ монастиря Нямца началницы онаго, ко блаженному: услышавше бо о дѣлѣ семъ отъ нѣкіихъ извѣщеніе, и смутишася зѣло, начаша молити

прилѣжнымъ моленіемъ и смиреннымъ прошеніемъ не обыдѣти ихъ и не разорити житія ихъ, идѣже они отъ юности до старости пребываютъ, и труды своя и поты въ немъ положиша, во всякихъ службахъ, а нынѣ, глаголаша, на старость гдѣ пойдемъ? Плакати же на васъ будутъ и другіи наши братія, утѣсненни отъ васъ, и кая вамъ польза отъ сего будетъ? И едва возможе блаженный вислушати словеса сія, уязвляющая паче стрѣлъ разжженныхъ святую душу его миролюбивую воистинну и кротку, всѣмъ мира, пользы и спасенія желающую, никогоже когда обыдевшую или опечалившую, ниже пожелавшую чуждаго труда, но и свой обыдящымъ оставляющую непамятозлобно. Начатъ къ нимъ бесѣду, плача предъ ними горько, объявляя ненадѣемое и великое искушеніе, несносную печаль, и неутѣшимую скорбь, насылованіе и принужденіе, смущеніе братій въ преходѣ изъ Драгомирны, труды и поты, положенныя въ Секулѣ, малое успокоеніе отъ трудовъ, тишину и миръ душъ ихъ. «Се буря, глаголетъ, нечаемая, се волны понуждающыя и влекущыя корабль душъ нашихъ во слѣдъ себе, мы же вѣтрила наша елико силы на право держимъ не послабляя произволенію нашему послѣдовати имъ. Видите, отцы святіи, — показуя имъ писаніе отъ князя и глагола со слезами, — се буря ненадѣемая, се волна смущенія и скорби нашея и вашея, се насылованіе и бремя вышше силы нашея. Но да извѣститъ вамъ Хрістосъ Господь, яко никогда мнѣ и въ помыслъ сіе не приходило, еже бы сотворити таковое беззаконіе насылованіемъ и опечалити души вашея, и подпасти вѣчному осужденію за преступленіе заповѣди Божія. Вы сами, отцы святіи, вѣсте, яко и Секулъ не по насылію нашему держимъ, но бывшій игуменъ честный отецъ Нифонтъ, видя наше смущеніе подъ нѣмцями, самъ насъ звавъ по любви своей къ намъ, и волею своею отдававъ прежде писанія ко властемъ. Къ тому же и самъ съ нами пребы-

вати желавъ, еже и исполни. Тогда мы съ любовнымъ согласіемъ писали къ Преосвященному Митрополіту, и прочіимъ властемъ, и получили просимое. Како бы азъ дерзнулъ таковое злодѣйство сотворити, кіимъ лицемъ воззрѣлъ бы на святая лица ваша, совѣсть свою судію и обличителя о обыдѣ ближняго имущу, юже во всей жизни моей тщуся упокоити миромъ и любовію ко всѣмъ благодатію Хрістовою? Како же и приступилъ бы азъ ко Престолу Божію причаститися страшныхъ и Божественныхъ Таинъ, имущу плачущыхъ и вопіющихъ ко Господу за насиліе на мя? Не буди то, да не дастъ мнѣ Господь и помыслити таковаго зла дѣла. Но и писати имамъ къ его Свѣтлѣйшему слезно моля и прося оставити насъ, и васъ мирно пребывати во своихъ обителехъ. Мы бо въ Секулѣ во своей обители глубокій миръ нынѣ имамы благодатію Божіею, аще притруднаго ради пути, въ привезеніи нуждныхъ собору потребъ и бываютъ тяжестны, и зѣло притрудно во время зимы, и наводненія рѣкъ; обаче безмолвія ради и тишины съ радостію вся терпимъ благодаряще и славяще Бога». Таковыми и иными множайшими словесы началницы Нямецкіи утѣшившеся, отъидоша. Блаженный же нашъ отецъ написавъ слезное писаніе къ Свѣтлѣйшему князю. Кіихъ словесъ умиленныхъ не употреби, кіихъ благословныхъ причинъ о обоихъ монастирехъ не представи, кіихъ прошеній слезныхъ отъ всего собора братій о отказѣ отъ монастиря Нямца, и о благодареніи тихаго и безмолвнаго монастиря Секула не принесе, моля не утруждати старости его, и сотворити милость съ болѣзнію его, да не умножится болшая отъ прехожденія попеченія и безмѣрныхъ тягостей и трудовъ, о вредѣ душевномъ имущемъ послѣдовати братіи, о разореніи тишины и безмолвіи ихъ и о[1] иныхъ многихъ причынахъ имущихъ быти о нихже

[1] В рукописи: отъ.

предречеся, о разореніи и смущеніи Нямецкаго собора, о роптаніи, непримирителной враждѣ и ненависти ихъ, отъ чего обоимъ странамъ слѣдуетъ великій вредъ душевный. Тако написавъ, посла съ нимъ перваго духовника волоскаго языка, вѣдущаго и греческій, и другаго брата при немъ: да при писаніи сами объявляетъ по тонку о всемъ, и молятъ со слезами помиловати, и оставити безъ смущенія пребывати въ Секулѣ. И ожидая съ надеждою прошенія своего, полученія отвѣта. И таково прошеніе бѣ, что не точію таковаго милостиваго благодѣтеля, и вѣру по Бозѣ и любовь ко святому отцу нашему, и ко всему собору имущаго, но аще бы каковъ не былъ властелинъ умягчилося бы и умилилося сердце его. Но точію Единъ Богъ вѣсть, чесо ради содѣяся тако: кто бо уразумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть, творитъ бо елика хощетъ, божественнымъ и недомысленнымъ Своимъ промысломъ. Пріидоша посланніи съ писаніемъ ко князю и возвѣщенно бысть о нихъ, повелѣ внити къ себѣ; вшедшымъ же имъ, съ достодолжнымъ поклоненіемъ вдаша писаніе. Прочтенну же бывшу, начаша словесно возвѣщати подробну о всемъ, и со слезами къ ногамъ его припадая молити, представляя многія причины, еже бы преложити Свѣтлѣйшаго князя отъ сего начинанія, и оставити старца и братій въ Секулѣ безъ смущенія пребывати, и Нямецкій соборъ не разоряти, да не будетъ вражда и вредъ душевный обоимъ монастиремъ, но никакоже умолити можаху. Нямецкому бо собору обѣщавая князь инъ монастирь дати, старцу же повелѣваше преходити въ монастирь Нямецъ. И вопроси духовника: «Имѣете ли вы послушаніе ко старцу?» Отвѣща духовникъ: «Всяко должни есмы слушати и во всемъ повиноватися ему, и всѣмъ братіямъ даже до смерти, якоже и на постризѣ нашемъ предъ Богомъ, и предъ нимъ обѣщахомся». Тогда благочестивый князь рече: «Аще убо святый вашъ отецъ таковаго ищетъ по-

слушанія отъ васъ, то не подобаетъ ли и ему поне единою послушати насъ, тѣмже въ преслушаніи самъ, каковъ образъ послушанія подати можетъ, и научити васъ послушанія?» И повелѣ написати къ старцу писаніе, въ немже къ прочіимъ словесемъ приложи и сія: «Сотвори послушаніе, иди въ Нямецъ, ничтоже разсуждая». И утвердивъ рукописаніемъ и печатію своею, давъ духовнику, отпусти съ миромъ.

Блаженный же, ожидая милостивнаго отъ князя отвѣта, се пріидоша и братія съ писаніемъ. Егда же прочте и увидѣ написано послушаніе съ повелѣніемъ, тогда восплакася горко и не вѣдяше что творити; и толико умножися и объятъ душу его безмѣрная печаль, что не можаше ни ясти, ни пити, ни спати и изнеможе тѣломъ зѣло. Мы же вси быхомъ въ скорби и смущеніи великомъ, да не умретъ отъ безмѣрныя печали, и останемся безвременно сыроты, таже собрашася старѣйшіи братія изъ духовниковъ, идоша къ нему болну сущу, и начаша слезно молити его оставити таковую безмѣрную печаль и укрѣпитися пищею: «Кая бо полза намъ, аще вы умрете безвременно, а мы безъ васъ останемся сыроты, то тогда что имамы творити? И аще воля Божія таковая есть, противитися не подобаетъ. Когда бо Свѣтлѣйшій князь презрѣвъ ваше писаніе не исполнь прошенія, о чесомъ возвѣщали, но и безъ прошенія колико намъ благодѣтелствуетъ и всѣмъ насъ снабдѣваетъ, одеждами и ядомыми вещми, и иными многими. Како бы онъ презрѣвъ любовь свою, юже имѣетъ къ вамъ, аще не бы подвиглъ его на сіе нѣкій Божественный промыслъ? И что сотворимъ противяся, буди воля Божія, пойдемъ». Онъ же яко благоразумный мужъ, внявъ словесемъ чадъ своихъ духовныхъ, воздвигся отъ одра и воста, сотвори же крестное знаменіе, поклонися иконѣ Пречистыя Богоматере, и рече: «При двою или тріехъ свидѣтелехъ станетъ всякъ глаголъ, глаголетъ Писаніе. Аще тако вы, братіе,

глаголете, то буди воля Божія, идемъ и нехотяще». Укрѣпився же мало пищею, спати же не можаше. Призвавъ же тріехъ духовниковъ и нѣколико братій, посла въ монастирь Нямецъ, давъ отъ князя и писаніе да прочтенно будетъ тамо, и уготуютъ келлію за него и за прочіихъ братій нуждѣйшихъ, священниковъ и пѣвцовъ. Сіе же бысть предъ навечеріемъ праздника Успения Пресвятыя Богородицы. Сотворивше же братія якоже повелѣно бысть, возвратилися; онъ же распредѣливъ кіимъ ити съ нимъ въ Нямецъ монастирь, кіимъ оставатися въ Ескулѣ, и прочая вся якоже подобаетъ; вниде въ церковь, помолися со слезами, лобизавъ святыя иконы изыде. Давъ же всѣмъ благословеніе, плачя изыде изъ монастиря, и сѣдъ на колесницу яся пути. Мы же аки нѣкій полкъ окруживше колесницу, овіи провождающе, овіи съ нимъ идуще. Пріидохомъ въ монастирь Нямецъ въ навечеріе праздника Успенія Пресвятыя Богородицы 1779 года, мѣсяца Аvгуста 14-го дня. Вшедъ же въ церковь пѣту бывшу Достойно есть, и ектеніи; блаженный же поклонився иконамъ, таже пріиде до иконы чудотворныя Пресвятыя Богородицы, плакася много, вручая себе и братій заступленію, храненію, покрову, окормленію и всю надежду о всемъ по Бозѣ на Ню возложь лобизавъ со слезами; пріиде въ келлію и почи мало, обаче уснути не можаше отъ многія печали, и уже многимъ днемъ и нощемъ прешедшымъ безъ сна. Приспѣвшу же бдѣнію, аще и съ великимъ трудомъ, болѣзни ради и слабости, но пріиде въ церковь сѣдя слушая пѣнія, и моляшеся Пречистѣй Богоматери дати ему мало уснути; кончащейся же вечерни, и начинающейся утрени, начатъ приходити ему сонъ. Изшедъ же изъ церкве вниде въ келлію, почи, скоро уснувъ и спаше три часы; возбудившуся же отъ сна ощутивъ облегченіе главы и малое нѣкое здравіе въ тѣлѣ, печаль же всю исчезнувшу, благодаривъ со слезами Бога и Пречистую Богоматерь.

По Літургіи собравъ началниковъ бывшихъ Нямецкихъ, побесѣдовавъ съ ними любезно, обѣщавъ ихъ во всемъ упокоити, и самовластіе ихъ ни въ чемъ не насыловати. Пріявъ же все церковное и внѣшнее имѣніе изъ рукъ ихъ, что они издали ему во владѣніе его, не истязуя ихъ ни о чемъ. И таковымъ образомъ примирилися глубоко. Единъ по многихъ лѣтѣхъ пріявъ схиму, отдавъ и имѣніе свое собору, живъ нѣколико лѣтъ преставися ко Господу. Другій же еще въ жизни пребываетъ благодатію Хрістовою. Нѣкіи же отъ меншихъ отъидоша, прочіи же вси приобщишася собору, предавше себе въ послушаніе, и бысть единъ отъ двою собору, и миръ душевный.

Тогда блаженный написавъ къ Свѣтлѣйшему князю о пріятіи монастиря, о примиреніи и соединеніи бывшаго Нямецкаго собора во едино, и о нуждѣ за келліи, зане соборъ бѣ малъ, то и келлій точію всѣхъ изъ дванадесятъ, братіямъ же вмѣщатися не бѣ гдѣ. Таково писаніе князь егда получивъ отъ блаженнаго старца, зѣло возрадовася о послушаніи его и о примиреніи и соединеніи Нямецкаго собора во едино; съ нимже и прочіи сенатори радовалися. Точію Преосвященный Митрополітъ не весма, зане отсѣчеся приходъ, бываемый отъ монастиря Нямца въ Митрополію на всякъ годъ. Отъ нашего же собора ничтоже взымашеся, ни въ Митрополію, ни во общественныя зборы. Но все отъ прежде бывшихъ князей, и отъ сего Хрістолюбиваго князя, даровася собору, скудости ради нашея, и превеликихъ иждивеній. Повелѣ же князь написати грамоту и утвердитися подписами, Митрополіта, князя и Сената, такожде и печатми, даде посланнымъ братіямъ. Приложивъ и отъ себе написати ко старцу, благодаря ему за послушаніе, и за примиреніе и соединеніе прежде бывшаго собора Нямецкаго благоразуміемъ своимъ, моля его молитися о здравіи и спасеніи, о мирной державѣ его, и о всея земли здравіи и благополучіи, обѣщаваяся нѣсколко келлій

устроити, и во иныхъ нуждахъ помоществовати. Еже и творяше приснопоминаемый блаженный оный князь во время своего владѣнія Молдавіею. И таковъ бѣ собору благодѣтель, что не бѣ прежде его, ни по немъ обрѣтается подобенъ ему. Господь да упокоитъ душу его во Царствіи Своемъ. Получивъ же блаженный нашъ отецъ граммату и писаніе отъ князя, начатъ управляти по богоданному ему разуму оба монастири, и приложишася труды удвое прежде бывшихъ ему трудовъ и попеченій. Паки и братія внидоша и сами въ труды и попеченія о строеніи келлій молвяху зиждуще; другіи же оставлше своя монастири пріидоша со слезами святаго моляще пріятымъ быти, обѣщавающеся самѣмъ и келліи состроити себѣ своими руками; блаженный же не могій отрещися, всѣхъ пріимаше; и труждахуся вси строяще келліи внутрь монастиря и внѣ, зане не бѣ возможно всѣмъ внутрь вмѣститися. Устрои же и болницы и страннопріимницы: зане старіи, и хроміи и слѣпіи, не имущіи гдѣ и главы подклонити, къ нему прихождаху плачуще и рыдающе моляху его Хріста ради помиловати ихъ, и сотворити милость съ ними. Прімаше святый, якоже и здравыхъ, опредѣляше въ болницу, и упокоевая яко отецъ чадолюбивый всѣхъ по возможности: дохтору повелѣваше врачевати требующихъ врачеванія; служащымъ заповѣдая аки Самому Господеви служити старымъ, хромымъ, слѣпымъ, болнымъ. По вся субботы главы мыти и одежды, и отъ всего очищати, кровати горячею водою парити да не умножатся блощицы, постели на солнце и на вѣтеръ полагая часто; внутрь болницъ чистоту блюсти, и всякий день ладаномъ или инымъ кореніемъ курыти, да не будетъ воздухъ тяжелый; пищу отраднѣйшу готовити, такожде и хлѣбъ, и віно. И бяху вси благодарни и со слезами славяху Бога, благодаряще всегда и отцу своему истинному за призрѣніе о нихъ. Приходящіи же странніи монахи препочиваху елико хо-

тяху, седмицу, двѣ и мѣсяцъ, никтоже рече и едино слово, почто сѣдиши праздно ядый общій хлѣбъ; иніи же моляху и презимовати, не отвращаше и оныхъ, но пріимая благословяше; отходящихъ же не истязоваше, но давъ на путь отпускаше съ миромъ. Хранится же тое и до нынѣ въ соборѣ благодатію Хрістовою. И умножися соборъ въ монастирѣ Нямцѣ чрезъ нѣсколко лѣтъ множае тріехъ сотъ и зъ скитами близъ сущими. Въ Секулѣ же всегда сто шестьдесять, бываетъ, и сто осмьдесять братій. Зане иныхъ взымаше блаженный оттуду къ себѣ, иныхъ же посылаше тамо. За келліи въ Секулѣ братія безмолствоваху, зане доволно бѣ: въ Нямцѣ же непрестанно строяще; и бѣ видѣти окрестъ монастиря аки градъ нѣкій: мѣсто тамо пространное равное, горы въ отдаленности, лѣса на всяку потребу изобилно, сѣнокоси близъ прекрасніи, и пріиздъ не труденъ. Устроивъ блаженный отецъ нашъ и ину церковь внутрь монастиря, святаго Великомученика Георгіа, и украсивъ дивнымъ благолѣпіемъ, кромѣ великія церкве Вознесенія Господня. На той же праздникъ отъдревле бываетъ и собраніе народа, множество безчисленное обоего полу и чина: не точію отъ Молдавіи, но и отъ иныхъ странъ далекихъ приходящихъ поклоненія ради иконы чудотворныя Пресвятыя Богородицы, богатыхъ и убогихъ, монаховъ и мірскихъ; всѣхъ же по возможности, вторый страннолюбіемъ Авраамъ тщашеся упокоевати. И иждивеніе бываетъ великое, приходъ же едва въ полъ; тогда и утѣсненіе дней три или четыри братіи бываетъ. Иніи же аще и останутся по праздницѣ, но въ гостинницѣ упокоеваются. А блаженный четыри дны[1] не имать покоя, отъ утра до вечера двери отверзты и всякому желающему пріити невозбранно къ нему; всѣхъ же приходящыхъ привѣтствоваше любезно благодаря за посѣщеніе, обѣщавая отъ

[1] То есть: дни.

Господа и Богоматере награжденіе за труды подъемшыя въ пути, и благословляя отпускаше въ гостинницы и другія на то уготованныя и убранныя ради покоя гостей келліи. Самъ же въ нощи вкушаше пищи, весь день не ядый пребывая, зане аще и мало что вкусилъ бы пищи, тогда непремѣнно требоваше почити, гладенъ же весь день отправляше дѣла. Еще же творяше и сіе премудрости Божія исполненный мужъ: начинающуся празднику опредѣляше братій благоговѣйныхъ и страха Божія исполненныхъ надзирати за братіями обходяще день и нощь, да не произыдетъ нѣкій соблазнъ. И братія же вѣдуще волю отца своего, другъ друга оберегаху. Совершившуся же празднику, не негодоваше о иждивеніи блаженный, но благодаряше Господа и Матерь Божію, удостоившую праздновати пресвѣтлый праздникъ, и моляше удостоитися и предбудущаго еще въ жизни сей празднованія. Пребывающымъ въ монастирѣ Нямцѣ яко девять лѣтъ, и мало почившымъ и отъ труда отдохнувшымъ, се страшная буря огнемъ дышущая, се страхъ смертный, мечь над главою старымъ, ременіе и вервіе въ рукахъ враговъ, готовое на связаніе юныхъ и отведеніе въ плѣнъ: брань тріехъ Имперій воздвижеся лютая, степи исполненни воинства, море кораблями покрыся, гради и села пусти осташася: вси разбѣгошася гдѣ кто можаше скрытися отъ ярости турецкія. Отцы и матери погубившихъ дѣтей ищутъ, дѣти плачущіи родителей своихъ, мужіе женъ, и жены мужей своихъ. Вси во изумленіи отъ страха, бѣжаще путемъ и полемъ, попирающе другъ друга въ горы и лѣсы спѣшаще гдѣ бы возможно било[1] скрытися. Тогда и монастирь Нямецъ наполнися народа, внутрь и внѣ, великородныхъ и худородныхъ. Таже нѣмцѣ пріидоша въ мѣстечко прежде турковъ и ополчишася въ немъ, тогда мало отъиде страхъ. Пре-

[1] То есть: было.

шедшымъ же малымъ днемъ се и турки свѣтающу дню идоша къ нимъ, нѣмцѣ же увидѣвше издалеча идущихъ, и свое оставиша отъ страха съ душами точію убѣгоша назадъ; турки же вшедше въ мѣстечко одержали побѣду надъ нѣмцами безъ огня и безъ пролитія крове, взяша все нѣмецкое въ добичъ себѣ, тріехъ человѣкъ въ мѣстечку убиша противящихся имъ, прочіимъ же ничтоже творяху. Сѣдяще же тамо хотяху въ монастирь Нямецъ ити разстояніемъ пути оттуду тріехъ часовъ. Тогда въ монастирѣ вси полумертви бяху, и никтоже можаше совершенно увѣрити, суть ли турки въ мѣстечку или отъидоша; аще и посылаху господіе своихъ воиновъ, но бояхуся приближатися тамо, и въ недоумѣніи и страсѣ бяху великомъ. Нѣкіи глаголаху не затворяти монастиря, но изшедше къ нимъ молити ихъ не творити зла; другіи же отнюдъ не повинушася, но заключити монастирь глаголаху, и съ монастиря бити не допуская приближитися. Таковому смущенію бывшу, единъ отъ общихъ братій монахъ, вниде къ блаженному отцу нашему, вземъ благословеніе ѣхати прямо въ мѣстечко и увидѣти, суть ли въ немъ турки, или отъдоша; избра же и коня егоже знаяше, всѣдъ нань отъиде прямо въ мѣстечко, и вшедъ внутрь небоязненно преходя семо и овамо, ни единаго турка видѣ; обрѣтъ же нѣкоего человѣка извѣстися отъ него, яко отъидоша. Возвратися съ благимъ извѣстіемъ, и возрадовашася вси. На другій же день услышавше, что турки возвратилися, убѣжали въ Секулъ монастирь господа, и старецъ, братія же по лѣсахъ разсипалися, и тамъ страдали, не бѣ бо мѣста въ монастирѣ. А время студено вторыя седмицы Великаго поста; и пребывали тамо дондеже пришли нѣмцы, прогнали турковъ и завладѣли сами, тогда изъ монастиря странніи разъидошася во свояси. Обаче и отъ нѣмцовъ велико утѣсненіе имѣли, но смертнаго страха не бѣ. Таковое бѣ страдателное житіе блаженнаго отца нашего, и наше съ нимъ, въ пре-

хожденіяхъ, смущеніяхъ, попеченіяхъ, трудѣхъ вышше сылы нашея и страсѣхъ смертныхъ. О нещасливы мы, что завистію бѣсовскою, грѣхъ ради нашихъ, изгнани быхомъ отъ нѣмцовъ, или и сами удалихомся изъ монастиря Драгомирны, да бы не пострадали нѣчто и въ вѣрѣ нашей православнѣй, отъ ересоначалниковъ, и мірскихъ властей ихъ, якоже оставшіися монастири тамо пострадали, и мірскіи власти и духовніи отъ еретиковъ. О тщеты ненадѣемыя юже подъяхомъ, о убитка и разоренія душевнаго, еже пострадахомъ, странствуя, молвя, скитаяся, бѣдствуя, страждуще! Якоже бо садъ древесный, часто пресаждаемый, помалу увядая совершенно изсихаетъ, тако воистинну и нашего собора садъ душевный пострада прехожденіемъ и премѣнениемъ монастирей. О Драгомирно, Драгомирно! Сладосте и утѣшеніе душъ нашихъ, поминая въ тебѣ наше житіе, или лучше молчати да не исполнятся горести сердца наша лишившеся тебе. Преидохомъ въ Секулъ, увяде устроеніе, и ослабѣ страдалческое душъ нашихъ произволеніе, отъ молвы, трудовъ и попеченій въ строеніи келлій, и прочіихъ. Аще источникъ медоточный духовный исходящій отъ святыхъ устъ отца нашего и напаяше, но не могій скоро охладѣвшая и ожесточившаяся сердца наша разгрѣти и умягчити, и умъ, отемненный отъ предреченныхъ причинъ, трезвенъ, бистрозрителенъ и мужественно хранящъ сердце свое отъ прилоговъ вражіихъ, посѣкая я́ аки мечемъ огненнымъ, непрестанною умною въ сердцахъ дѣйствуемою молитвою сотворити; зане погубихомъ, отбѣже отъ молвы и попеченій: пресѣклися жилы душевныя и увядоша, якоже и въ древесѣхъ пресѣкаются кореніе[1]. О Драгомирно, Драгомирно! Тебе намъ

[1] После этих слов повторяется фрагмент предыдущего текста от слов: «О Драгомирно, Драгомирно! Сладосте и утешеніе» по «пресѣкаются кореніе». Весь повторяющийся текст перечёркнут.

точію въ праздникъ воспоминати за бывшее въ тебѣ наше житіе подобаетъ, ты намъ была аки садъ, при водахъ насажденный скоро вкореняющся, различныя благоуханныя цвѣты и плодъ издающъ. Въ тебѣ благоуханіе различныхъ добродѣтелей между братіями благоухало: аки шипокъ[1], любы по Богу ко отцу и другъ ко другу; аки кринъ чистота совѣсти; въ тебѣ аки смѵ́рна, умерщвленіе своея воли и разсужденія своего; аки кадило благовонное, молитва приснодвижимая благоухала; послушаніе съ самоукореніемъ преуспѣвало; смиреніе съ незлобіемъ, и теченіе слезъ отъ очесъ братій царствовало въ тебѣ; страждущіи плотьскою страстію облегченіе имѣяху, зане не бѣ женскому полу внутрь тебе. Увы намъ, что пострадахомъ изшедше изъ тебе! Увы намъ, колико богатство духовное погубихомъ: каковое же бы имѣхомъ пріобрѣсти сокровище духовное, въ тебѣ сѣдяще со отцемъ нашимъ святымъ до кончины его не странствующе нигдѣже! О нещастія нашего! что сотвори зависть вражія: не всуе бо тамо въ пиргу восточномъ рыдавъ діаволъ нощію, терзаяся завистію, и ищай разорити наше тамо житіе, еже и получи супостатъ, обрѣтъ сосудовъ своихъ нѣмцовъ попущеніемъ Божіимъ. Пребывающымъ убо намъ въ Секулѣ три годы въ молвѣ и попеченіи, аще садодѣлатель духовный, блаженный отецъ нашъ и труждашеся очищая и напаяя садъ нашъ душевный божественнымъ ученіемъ, на всякъ день въ келліи, и соборно всякую зиму собирая по вечерамъ въ трапезу, чтя и толкуя о заповѣдехъ Божіихъ и о прочіихъ нужныхъ и полезныхъ, но мало успѣваше за разоренный оплотъ душъ нашихъ, и не имущихъ крѣпкаго стража, трезвенна ума, держаща аки оружіе непрестанную молитву въ сердцахъ нашихъ, и отгоняющую звѣры и птыцы, злыя помыслы, входящыя отъ смущеныя и молвы.

[1] Шипокъ — дикая роза, шиповник.

Егда бо въ Драгомирнѣ бѣхомъ, тогда аки на степенехъ высоко стояхомъ, егда же преселихомся оттуду, изступили внизъ третію часть, отъ успѣянія нашего. Блаженный же непрестанно труждаяся въ поученіи, а наипаче соборно, зане иніи братія часто приходили къ нему въ келлію случай нѣкій имуще, и слышаще отъ него нѣчто полезное; нѣкіимъ не случашеся и единою въ годъ быти у него и бесѣдовати съ нимъ. Того ради бысть и соборное поученіе, да вси всякій вечеръ чрезъ цѣлую зиму слушаютъ и исправляются, наченшымъ убо четвертаго лѣта сердцемъ развлажатися и кореніе испускати, таже и малые вѣтви израстати утишившымся намъ отъ клопотъ[1]. Се внезапу мразъ и попали младое вѣтвіе прехожденіемъ въ монастирь Нямецъ. Тогда поступило житіе наше внизъ еще множае перваго. Заключися медоточный источникъ ученія божественнаго, исходящій отъ устъ святаго отца нашего, точію мало нѣчто случашеся нѣкіимъ бывающымъ въ келліи слышати; инѣмъ никогда же и единаго словесе не слышащыхъ отъ устъ его. Ибо отсѣклося совершенно соборное поученіе, винъ ради предреченныхъ, точію отъ чтенія книжнаго пользовахуся умѣющіи чести и имущіи усердіе къ чтенію. Сего ради и блаженный отецъ нашъ болѣе въ преводѣ книгъ труждашеся, и во исправленіи древныхъ попорченныхъ: да оставитъ намъ на пользу и окормленіе жизни нашея, хотящымъ подвизатися, и внимати ученію богоносныхъ отецъ нашихъ. Тужаше же блаженный многажды о Секулѣ монастирѣ, поминая въ немъ тишину; здѣ же стуженіе, и вредъ юнымъ, не хранящымъ опасно чувства своя. Зане тогда открывся путь великороднымъ пріиздити въ Нямецъ, ово поклоненія ради иконы, ово посѣщенія ради блаженнаго. Пріиздяху же обоего пола съ домашними своими великими и малыми и сѣдяху елико

[1] Клопоты — заботы, хлопоты.

хотяху; въ церковь же вси вкупѣ: юнымъ, не хранящымъ чувства своя, сѣть готова погибели, старымъ негодованіе не хотящымъ ниже слышати о пріиздѣ ихъ, блаженному старцу стуженіе и о вредѣ братій соболѣзнованіе и скорбь; отсѣкти же пріиздъ, и возбранити входъ внутрь монастиря женску полу не бѣ возможно, зане отъдревле обитель она поклонна бѣ иконы ради чудотворныя. Сего ради и поученія соборно говорити не можаше, въ немже бы обличилъ немощныхъ устрашая гнѣвомъ Божіимъ, насаждая же страхъ Божій въ сердцахъ ихъ и храненіе чувствъ, исповѣданіе помысловъ злыхъ и блюденіе отъ нихъ, имже бы исправляхуся немощніи, укрѣпляхуся же здравіи душами, и къ подвигу воздвизахуся болшему и усердно хранити заповѣди Божія и преданія святыхъ отецъ нашихъ, учащихъ истиннаго монашескаго жителства. Оттолѣ внизъ пошло житіе наше, якоже блаженный самъ рече, единому іеромонаху[1] отъ странныхъ въ насъ живуще въ Секулѣ, вопросившу блаженнаго: «Како, отче, житіе нынѣшнее противу Драгомирскаго?» Онъ же яко всегда истинну любя, лжи и тщеславія съ лицемѣріемъ чуждь, отвеща: «На всякій годъ ни́же идетъ, и удержати въ единой мѣрѣ, аще и тщуся, невозможно. Сему всему вина невозбранный входъ женску полу внутрь монастиря и оставленіе еже соборно поучати. То какъ намъ не оплакивати Драгомирну, ибо послѣжде пришедшымъ въ соборъ нашъ и слышащымъ отъ старѣйшыхъ братій, о бывшемъ тамо житіи удивлятися вина бываетъ. И да не не вѣруетъ всякъ написанному здѣ: зане потребитъ Господь глаголющаго лжу». Глаголаше же блаженный многажды и сіе, братіе, аще будете имѣти усердіе къ чтенію отеческихъ книгъ и вниматимете[2] ученію еже въ нихъ, то пребудетъ между вами по-

[1] В рукописи: іермонаху.

[2] Вниматимете — будете внимать.

виновеніе, миръ, единомысліе, и любы другъ ко другу; и устоитъ нашъ соборъ дондеже Господь восхощетъ, аще и тщится врагъ разорити, но не возможетъ. Егда же удалитеся отъ чтенія книгъ отеческихъ, то вскорѣ разорится, и не устоитъ камень на камени. Тѣмже зѣло прилѣжаше къ преводу книгъ, съ еллиногреческаго языка на славенскій, съ нашего же на волоскій языкъ братія того языка преводили. Весь день отправляше дѣла духовная, и внѣшняя, всю же нощь писаше: превыше естества трудъ имый. И аще не бы благодать Божія укрѣпляла его, невозможно естеству человѣческому понести таковаго труда, ктому и немощенъ бяше, зѣло страждущъ отъ ранъ. Бяху бо раны на всемъ правомъ боку до плесны ножныя, и животъ виходивъ; лежати же на правой странѣ не можаше; како же писаше, удивитися подобаетъ: на постели идѣже почиваше округъ оклавшися книгами, сколко Лексіконовъ, Быблiа греческая, Быблiа славенская, Граматики греческа и славенска, книга изъ неяже преводилъ, свѣща посредѣ, самъ же сѣдя аки малое отроча согнувшися, или лежа всю нощь писаше. Забывая болѣзни и труды, и отвѣта отнюдъ въ тое время дати не можаше, ниже слышитъ било, аще бы къ нему что говорено, или внѣ келлiи что случилося: тогда служащій ему братъ не допускаше къ нему никогоже. Егда-же случашеся нѣкое дѣло нуждное, то служащій идый вопрошаше, многажди глаголаше къ нему искій отвѣта, онъ же ничтоже слышаше; принудивый же отвѣщати, тогда съ болѣзнію и охтаніемъ едва можаше отвѣщати, не могій ума отвлещи отъ Писанія. Якоже самъ блаженный многажди къ намъ глаголаше: нѣсть мнѣ тяжчайшаго труда, якоже егда преводъ дѣлаю, и пріиде потреба дати отвѣтъ на нѣкій вопросъ, тогда дондеже извлеку умъ отъ Писанія, то весь потенъ содѣлаюся. Бывшу мнѣ единою въ него, пріиде и другій братъ, и бесѣдѣ бывшей, глаголаше оный братъ яко стужаютъ помыслы; блажен-

ный же осклабляяся рече: «Почто вы толь неразумни, дѣлайте вы такъ якоже азъ дѣлаю: я съ вами весь день сварюся[1] и молвлю, со инымъ плачу, съ другимъ радуюся, и прочая вся обоихъ обителей дѣла отправляю; егда же вижену[2] васъ всѣхъ съ келлiи, то вижену и вси помыслы съ вами вонъ; и егда возму книгу въ руки, тогда не слышу ничтоже, и аки во Iорданской пустыни безмолвствую». О безстрастнаго и святаго мужа! О души чистыя соединенныя со Богомъ! Весь любовiю прилѣпленъ бысть ко Богу, весь и ко ближнему разливашеся любовiю, и соболѣзнуя тако о всякомъ, аки бы онъ страдалъ самъ. Братъ единъ укоряемь былъ отъ святаго нѣколико кратъ, требующъ исправленiя въ нѣчесомъ, таже единою оный братъ, бывшу и мнѣ въ келлiи, глагола къ нему: «Отче, скорблю на васъ, и глаголетъ мнѣ помыслъ, что вы ненависть имѣете, тако часто со гнѣвомъ вооружаяся укоряете мя при братiяхъ». Старецъ же воздохнувъ прослезися, и рече: «Возлюбленный брате, еже гнѣватися, чужде есть Еvангелскаго житiя, а еже и ненавидѣти кого, совершенныя погибели виновно. Аще божественное Еvангелiе и враговъ любити повелѣваетъ, и добро творити имъ, то како азъ чадъ моихъ духовныхъ ненавидѣти имамъ: не буди то. А еже со гнѣвомъ укоряю васъ, то да дастъ Господь вамъ таковый гнѣвъ имѣти: азъ бо противу всякаго устроенiю себе пристрояю, предъ инымъ понуждаю показатися гнѣвающся, егоже благодатiю Хрiстовою никогдаже имамъ; предъ инымъ принуждаю себе плакати, да обоими устрою вамъ пользу, десными и шуими, а не работая страсти гнѣва». Тогда братъ припадъ со слезами къ ногама старца проси прощенiя. Приложи же святый и сiе: «Егда азъ седмолѣтенъ, начахъ учитися Писанiя, чрезъ два года изучихъ

[1] Сварюся — бранюсь.
[2] Вижену — выгоню.

Букварь, Часловецъ[1] и Псалтирь толко, и начахъ преудобно абіе по книгахъ чести. Прочтохъ первѣе съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ Священное Писаніе, Ветхій и Новый Завѣтъ, таже святаго Златоуста книгу Маргаритъ, святаго Ефрема съ святымъ Дороѳеемъ; и егда чтохъ слово святаго Дороѳеа о клеветѣ и осужденіи брата, уразумѣхъ, каковый тяжкій оный грѣхъ. Тогда еще въ юности моей положихъ предъ Богомъ таковый обѣтъ: Господи, аще и очима видя брата согрѣшающа и оклевещу его, то да разверзется земля и пожретъ мене. И положихъ устомъ моимъ хранило, еже что видя и слыша никомуже глаголати и единаго словесс, еже и сохранихъ во всей жизни моей благодатію Хрістовою, донелѣже не быхъ съ братіею; а нынѣ и не хотящъ судія вамъ есмь. И братія мене научили говорити и сваритися пользы ради ихъ, прежде же не говоривъ я ничтоже».

Кто отъ имущихъ разумъ не ужаснется слыша о семъ блаженномъ мужѣ, исполненномъ бывшемъ отъ чрева матере своея различныхъ Божіихъ дарованій? Кто же и не вострепещетъ словесъ его дѣйствителныхъ, учащихъ дѣланію заповѣдей Божіихъ, зане самъ онъ сосудъ бывъ избранный Божій отъ младенства, и дѣлатель совершенный заповѣдей Его. Сего ради и слово его бяше силно и дѣйствително исполненно благодати, проходящее внутренность души, и отдѣляющее злое отъ благаго, искореняющее страсти и насаждающее добродѣтели въ душахъ съ вѣрою послушающихъ. Отрокъ десятолѣтенъ, чтый Священное Писаніе, Ветхій и Новый Завѣтъ, Златоуста книгу Маргаритъ о непостижимыхъ тайнахъ Богословія, Ефрема и Дороѳеа и прочая книги. Кто не удивится о словеси семъ: отрокъ десятолѣтенъ чтый Писаніе? Разсуди всякъ о себѣ, что ты дѣлалъ въ десятолѣтнемъ младенчествѣ, и кій тогда разумъ имѣлъ еси, склонность

[1] Так в рукописи.

же твоя чесому бяше; но и принуждаемь убѣгалъ, не точію отъ чтенія, но и ученія, ко играмъ дѣтскимъ. Онъ же затворившися чтяше, ни къ кому хотя бесѣдовати, яко и сама родителка его рѣдко и малая словеса слышаше отъ него. Прочіи же сродницы мняху его нѣморожденна быти, ибо ни единаго словесе когда отъ него слышаху. Ктоже не ужаснется чудная и болшая еще сего о немъ слыша: съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ чтяше. О удивленія! Откуду бѣ малу младенцу великое усердіе и вниманіе къ чтенію Божественнаго Писанія, аще не отъ уразумѣванія въ Писаніи таинъ? Кто же ему бысть учитель? Благодать Пресвятаго Духа, вселшаяся вонь отъ утробы матере его, яко сосудъ избранъ и чистъ обрѣте себѣ; приумножилася же еще болѣе, егда положилъ онъ таковое крѣпкое основаніе дѣланія божественныхъ Его заповѣдей. Чтяше съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ: отъ вниманія уразуменіе, отъ уразуменія желаніе. Таже ревность неизреченная воспламени душу его возлюбити Господа отъ всего сердца своего и отъ всея души своея и оставити міръ и вся яже въ мірѣ, и матерь свою тогда произволеніемъ толь любящую его, толь горько плачущую и неутѣшно рыдающую, и безмѣрною печалію объятую даже до умертвія, якоже преднаписася, любве ради Его, и въ монашестѣмъ образѣ работати Ему дѣланіемъ божественныхъ Его заповѣдей усердно желая. Чтяше Писаніе: Ветхій Завѣтъ возбраняется не точію юнымъ чести, но и старимъ неразумнымъ, да не повредятся въ вѣрѣ, отъ бывшихъ превеликихъ и страшныхъ чудесъ Божіихъ въ родѣ еврейскомъ непокорывомъ; такожде и пророчества плотьско чтуще и Пѣсни Пѣсней. Богословіи же отнюдъ святіи учители Церкве не повелѣваютъ чести, да не погрѣшатъ нѣчто и малѣйше въ догматѣхъ отъ неразумія и впадутъ въ ересь. Онъ же небоязненно чтяше, имѣя въ себѣ учителя благодать Божію учащую его, и бысть дѣтищъ малъ возрас-

томъ, старецъ же разумомъ и премудростію: покоривъ ярость и похоть словесству, чувства своя отвративъ отъ всѣхъ красныхъ и сладкихъ міра сего, и аки гной вся она вмѣняя; языкъ свой, неудобопобѣждаемый удъ, но удобосогрѣшателенъ, связавъ толь крѣпко молчаніемъ, яко отъ многихъ вмѣняемь быти нѣморожденъ; умъ свой пригвоздивъ къ Писанію, душу свою со Богомъ соединивъ любовію и молитвою; и распявся міру, и міръ ему распятся; затворяяся въ дому своемъ безмолствоваше, аки въ Сінайстѣй пустыни: воистинну дивный сей мужъ блаженный нашъ отецъ, во всемъ подобенъ бѣ древнымъ святымъ отцемъ отъ юности Бога возлюблшымъ и изшедшымъ изъ міра работати Ему въ монашествѣ. Что же мы, братіе, ученицы бывшіи, таковаго великаго свѣтилника святаго старца нашего Паісіа, отвѣщаемъ предъ Богомъ о лѣности нашей, яко не точію хощемъ подражати добродѣтелемъ его, но ниже хощемъ чести отеческія книги, яже онъ поисправилъ, а иныя и вновъ преведе, отъ нихже бы возмогли уразумѣти немощи наша, и зазрѣвше себѣ кійждо восплакалися бы предъ Богомъ и покаялися: аще же и чтутъ нѣкіи, но точію за обычай, без всякаго вниманія. Откуду блаженный отецъ нашъ божественную ревность и небесный разумъ стяжавъ, не отъ чтенія ли книжнаго? И вси святіи о семъ учатъ, паче же Самъ Спаситель рече: испитайте Писанія, яко вы мните въ немъ обрѣсти животъ вѣчный. Еже бо испытати повелѣваетъ Господь, глубины разума искати заповѣдуетъ, а не мимоходно чести. Сего ради осуетихомся и забыли труды отца нашего, и ученіе его о чтеніи книжномъ, и пливемъ внизъ, аки древо за водою и аки никогдаже слышахомъ слово Божіе. Сего ради оплакахъ азъ Драгомирну. Но возбудимся и истрезвимся, положимъ начало и Господь поможетъ намъ. Быстроуміе же его и память благодатію утвержденную никтоже описати можетъ: въ высочайшихъ догматическихъ вещехъ скоро-

постижно бѣ зѣло, и егда прочте единою, то въ памяти его сокровенно будетъ во вѣки. Нѣкогда азъ быхъ у блаженнаго въ келліи, и бывшей бесѣдѣ о книгахъ, зане послушаніе мое бѣ по художеству граматическаго правописанія преписовати отеческія книги. Пріиде и другій братъ, знающій и еллиногречсскій языкъ, вопрошенъ бывъ братъ онъ, какъ берется сей фразесъ, онъ же отвѣща: толковаше, отче, намъ его учитель, но не могу скоро припомнити. Блаженный же веселимъ лицемъ со осклабленіемъ рече: а я егда прочту единою, то до смерти не забуду. А въ преписаніи книгъ толикое дарованіе отецъ нашъ имѣяше, яко рѣдко и во всемъ свѣтѣ обрѣсти подобнаго. Преписалъ книгу святаго Дороѳеа въ юности своей: то колико она великая, а онъ всю вмѣстилъ ю́ на тріехъ аркушахъ[1] бумаги: единъ аркушъ на восемъ листочковъ побгавъ[2], и бысть всѣхъ двадесятъ четыри; на всякой же странички листочка по седмьдесять строкъ вмѣщавъ писмомъ уставнымъ, токмо аки власъ, ниже заплили очка въ писменахъ, но читко чисто прозрачно, край горѣ, низу и на бокахъ якоже подобаетъ оставлялъ. О ономъ же мнѣ удивлшуся вопросихъ его: «Каковымъ, отче, перомъ писали вы сію книгу, не голубинымъ ли?» Онъ же рече: «Ни, гусинымъ». Толико бѣ одаренъ превосходителными дарованіи отъ Господа внутренными и внѣшними блаженный нашъ отецъ, яко и описати я никтоже можетъ; и елико добродѣтели его хотѣлъ бы изъяснити, затемнитъ паче нежели изъяснитъ: облагодатьствованъ бо бѣ великій сей мужъ, и весь чудо. И аще кто соравнитъ его съ древними богоносными отцы, то не погрѣшитъ во истинѣ, не лишенъ бо бѣ ни въ чемъ отъ дарованій оныхъ. Аще къ пустынникомъ святымъ приравнымъ безмолствующымъ на-

[1] Аркушъ — лист.

[2] Побгати — согнуть.

единѣ, то не удивленіе яко услаждахуся молитвою и соединяхуся со Богомъ. Но то чудо, что онъ посредѣ таковыя молвы, попеченій, смущеній, скорбей, умъ свой всегда несмущенъ имущъ, и по отправленіи общихъ потребъ вигоняше и вси помыслы вонъ, затворивши же двери келліи безмолствоваше аки во Іорданской пустыни, ничтоже слыша внѣ келліи, аще бы что ни случилося, отъ ражженныя любве и соединенія со Богомъ; и аще любы совершенство есть всѣхъ дарованій Божіихъ, то въ немъ преизобилно вмѣщалася, яко въ сосудѣ чистѣйшемъ избранномъ Божіемъ. Святіи пустынники бдѣніе нощное совершаху, то и онъ во всей жизни своей всю нощь трезвенно бдяше, ни въ чемъ остающся въ подвизѣхъ богоносныхъ оныхъ. Аще же ко общежителнымъ святымъ отцемъ древнымъ пріуподобимъ его, то неложное подобіе увидимъ и въ нашемъ блаженномъ отцѣ. Различная Божія дарованія и многія добродѣтели видѣхомъ отъ Писанія во онѣхъ святыхъ великихъ, но и въ нашемъ Ізраилѣ, не отъ Писанія, но очесы нашими видѣхомъ, и аки руками умомъ нашимъ осязахомъ вся дарованія Божія въ немъ, и добродѣтели величайшыя, аки въ сокровищи Божіи не вредно хранимыя, и не безплодно лежащыя всегда: никакій вѣтръ повредити возмогъ, ниже мразъ попалити, но присно цвѣли и плодъ подавали премногій плодообирателю Владыцѣ Хрісту, о ихже неложно и свидѣтелствуемъ. Въ немъ Премудрость Vпостасная со Безначалнымъ Своимъ Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ, яко въ чистѣйшей обители въ душѣ его обиташе, отъ Неяже устнами его истекаше медоточный божественныхъ ученій источникъ, услаждающій и исцѣляющій душы, страсти же изсушающій. Въ немъ разумъ божественный, имже догматы Православныя, правыла святыхъ Вселенскихъ Соборовъ, и преданія Церкве, учителей Церковныхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ ученія право разумѣя, крѣпко защищая, и не-

вредно аки зѣницу ока храня. Въ немъ совѣтъ, имже право и истинно по ученію святыхъ отецъ подаваше всѣмъ требующымъ отъ него, и съ вѣрою пріемлющіи невредими пребываху отъ козней вражіихъ и успѣваху въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ. Въ немъ крѣпость, еюже въ вѣрѣ и надеждѣ на промыслъ Божій непоколеблемъ пребываше, и во прочіихъ напастехъ и искушеніихъ. Въ немъ страхъ Божій, имже храняше заповѣди Божія аки зѣницу ока, и за едину малѣйшую заповѣдь душу свою полагаше, и насъ учаше. Добродѣтелми же, кіими бѣ блаженный отъ древнихъ святыхъ отецъ нашихъ умаленъ, и аще независтнымъ окомъ разсмотримъ, то ни въ чемъ лишаема отъ древныхъ святыхъ узримъ и его. Въ немъ любы огненная, еюже возлюби Господа отъ юности всею душею своею, и преспѣвая воспламенися и разливашеся на всѣхъ равно, всѣхъ любя, всѣхъ согрѣвая, всѣхъ поучая, о всякомъ болѣзнуя и объемля душею своею чадъ своихъ духовныхъ, и всякаго человѣка, приходящаго къ нему и требующаго милости отъ него или духовныя или тѣлесныя, не отвращаше отъ себе и тща не отсылаше. Миръ всегда имѣяше со всѣми, никогдаже враждоваше на кого или скорбяше, аще бы и что пострадалъ отъ кого, и насъ всегда о томъ поучаше. Долготерпѣніе съ кротостію во едино совокупленны аки сраслены въ немъ бяху, никогдаже видѣся дерзость, но тихость и благоговѣніе, наказуя съ любовію, милуя съ тихостію, долготерпя съ надеждою исправленія. Смиреніе же его толь велико бѣ, яко и описати трудно зѣло, а незлобіе и простота младенческая бѣ въ немъ, умъ же божественъ, а не младенческій. Воздержаніе аки естественно бѣ въ немъ отъ юности во всемъ: яденіе зѣло малое и никогда разрѣшенія ради болѣзни и слабости и труда вышеестественнаго, егда не разрѣшаетъ Типикъ; питія піянственнаго не піяше отъ юности своея. Егда же нача во Святѣй Горѣ жити со братіями, совѣтоваша ему

лица великіи, и духовники тамошніи употребляти мало віна здравія ради, зане тамо воздухъ зѣло вредителный, соболѣзнуя о немъ да не повредится, и лишатся многіи пользы происходящія отъ него; и едва повинуся, начатъ точію віна мало употребляти. Ибо имѣяше онъ намѣреніе до смерти не пити піянственнаго питія. Изшедшу блаженному изъ міра съ намѣреніемъ таковымъ, еже со други своими взыскавше нѣкоего отца духовнаго въ безмолвіи сѣдяща и себѣ внимающа, емуже предавшымся въ послушаніе душею и тѣломъ сѣдѣти съ нимъ въ безмолвіи, и отъ труда рукъ своихъ нуждная житію стяжавати. Егда же перваго друга и согражданина своего Дімитріа оставшася въ мірѣ лишився, таже и другаго Алексіа въ монашествѣ не сохранша обѣта своего къ нему, но предавшася нѣкоему старцу въ послушаніе безъ совѣта его; тогда остася самъ, не могій же воспомянути другу своему о разореніи обѣта его, кротости ради и бездерзновенія своего, но молча терпяше, покрывъ смиренномудріемъ онаго, себе укоряя, яко недостоинъ съ нимъ сожитія. Предатися же самъ нѣкоему отъ таковыхъ духовныхъ отецъ не могій, бояся да не понужденъ будетъ и не хотящъ пріяти великій санъ священства, о немже и напоминаху уже оніи отцы, егоже онъ бѣгаше бояся и трепеща, и во всей жизни своей пріяти не желая. Аще и чистъ и не пороченъ душею и тѣломъ отъ чрева матере своея бысть, разсуждая въ себѣ: аще предамся въ послушаніе нѣкоему отъ сихъ честныхъ отецъ, то хотя и по времени непремѣнно понужденъ имать быти священство пріяти егоже боюся; лишуся же и намѣренія моего, еже со единымъ духовнымъ отцемъ въ пустыни въ послушаніи, царскимъ путемъ жити. И отшедъ оттуду во Святую Гору, желая тамо намѣреніе свое упокоити, но не обрѣте и тамо желаемаго. Зане Богъ не хотяше ему сокровенну быти въ пустынномъ безмолвіи, аки свѣтилнику подъ одромъ, егоже готовяше поставити на горѣ

высоцѣ на свѣщницѣ, да свѣтитъ многимъ странамъ, непорочнымъ житіемъ и правымъ своимъ ученіемъ. Ниже хотяше ему отъ человѣкъ научену быти, Самъ Духъ Святый отъ юности Руководитель и Учитель бывый. Самъ и всѣмъ потребнымъ научити его имѣяше, и поставити его всему міру образъ, не человѣкомъ написанъ, но богонаписанъ, да вси хотящіи спастися отъ образа его приписуютъ себѣ благонравіе и добродѣтелное житіе, а отъ ученія его учатся дѣланія божественныхъ заповѣдей и истиннаго монашескаго жителства. Благоволивъ сѣсти ему первѣе на уединеніи, дондеже приведетъ къ нему божественнымъ Своимъ промысломъ во ученичество соборъ великъ хотящихъ спастися, въ монашестѣмъ образѣ работая Ему. Да егоже онъ самъ научился отъ Него таинно, научитъ всѣхъ явно, всѣхъ нуждныхъ ко спасенію. По малѣ же времени приведе къ нему единаго брата въ содружество, и утѣшися блаженный, благодаря Его благостыню, мня исполнитися желанію его, еже жити царскимъ путемъ, со единымъ братомъ единодушно, и вся житію потребная обща; отсѣкая же другъ предъ другомъ свою волю, будутъ причастницы и святаго послушанія. Не много же пожили тако, начаша къ нему приходити моляще его пріяти ихъ въ ученичество; онъ же отрицаяся не хотяше пріимати ни единаго, обаче Богомъ приводимыхъ не бѣ возможно отрещися, пріимаше и не хотящъ, открывая имъ путь спасенія и таинство святаго послушанія. Ониже пріемлюще отъ него ученіе со радостію, и творяху послушаніе со усердіемъ, отсѣкающе волю свою, и разсужденію своему не вѣрующе. Онъ же, видя ихъ таковое усердіе къ слову Божію имущихъ, радовашеся душею и прославляше Бога со слезами. И возложившеся на всемогущій промыслъ Божій, о окормленіи душевномъ и тѣлесномъ, пріимаше, и не по многу времени собрася дванадесять братій и бысть начало общаго житія, отъ царскаго пути,

еже жити со единымъ или со двою въ безмолвіи. Тогда пресели его Господь оттуду до пророка Иліи въ скитъ, съ низу отъ моря на гору высоко, да увидятъ и прочіи свѣтъ разума, во тмѣ невѣдѣнія спящіи. Егда же возблиста силнѣе, и осія всю Святую Гору, обновленіемъ монашескаго общаго житія, и насажденіемъ въ немъ первѣйшія добродѣтели, треблаженнаго послушанія, тогда удивившеся вси святогорцы блистанію великаго онаго свѣта. Иніи, поврежденны имуще зѣницы душевныя, закрываху своя очеса завистію, да не обличится заблужденіе ихъ отъ пути праваго, избраша въ своихъ воляхъ сѣдѣти паче, нежели обличеннымъ быти. Овіи зазирающе себѣ и укоряюще себе, прихождаху къ нему, слушающе ученіе его и исповѣдающе немощи своя, пріемляху исцѣленіе и наставленіе на опасное впредъ охраненіе, отходяху радующеся и славяще Бога о немъ. Иніи же аки воскресше отъ мертвыхъ, и тму невѣдѣнія оттрясше, къ свѣту идяху веселими ногами хваляще и славяще Бога, явившаго таковаго угодника Своего и путеводителя ко спасенію. И пришедше къ нему припадаху къ ногама его моляще пріятымъ быти въ послушаніе, предающе душы своя во окормленіе его, аки въ руцѣ Божіи. Умножившимся же братіямъ у пророка Иліи и не вмѣщающымся, тогда Господь изведъ его оттуду, приведе въ сію православную землю Молдавію, якоже преподобнаго отца Антоніа въ Россію: да утвердитъ совершеннѣе общее житіе, и просвѣтитъ здѣ въ тмѣ невѣдѣнія истиннаго монашескаго житія пребывающыхъ, оттуду же и прочіимъ странамъ да блистаетъ свѣтомъ непорочнаго своего житія, и праваго Евангелскаго ученія. Коликія же труды подъявъ блаженный въ семъ святомъ дѣлѣ, въ сія бѣдная и лютая времена, монашеству до конца ослабѣвшу и точію внѣшній образъ зримъ бѣ. Что же есть монашество, и что есть таинство послушанія, и какову пользу приноситъ послушнику съ разумомъ проходя-

щему, и что есть дѣяніе и видѣніе, и умная сердечная молитва, умомъ въ сердцѣ совершаемая, не вѣдяху: онъ научивъ, самъ же отъ Бога наученъ бысть, и отъ ученія святыхъ отецъ чтеніемъ и преводомъ книгъ ихъ. Святіи древніи отцы имѣяху образы во многихъ странахъ, аки свѣтила сіяющыя богоугоднымъ своимъ житіемъ и правымъ ученіемъ; имѣяху же и наставниковъ своихъ отъ ихже наставляхуся отъ юна возраста, съ ними пребывающе, и аки на столпъ одушевленъ взырающе на житіе непорочное и ученіе ихъ, сами одушевляхуся, и въ столпы по преемству претворяхуся, и быша свѣтила и столпы и учители монашескаго общаго житія, и уединеннаго безмолвнаго. Блаженный же отецъ нашъ не имѣяше себѣ таковаго наставника, но и поискавъ не обрѣте: самъ благодатію Божіею вразумляемый трудився, копавъ смиреніемъ и слезами, и обрѣте студенецъ въ сердцѣ своемъ воды живы, отъ неяже самъ напився изобилно, и всѣмъ подаяше независтно. И елико почерпаху отъ него изобилнѣ течаше, и обновися имъ монашеское житіе. Книги же отеческія, аки ржею желѣзо снѣденное и покровенное блистанія лишается, тако и оны лишенны были блистанія разума своего: ово неискусными древле переводчиками не изъявленъ, ово неразумными преписателми, не вѣдущими художества граматическаго правописанія перепорченныя, покровенъ бысть множае. Блаженный же видя въ нихъ таковую неясность, потщася поискати источниковъ ихъ, откуду проистекоша, еллиногреческихъ книгъ; и первѣе началъ былъ оныя исправляти и чернити, таже уразумѣвъ яко безполезенъ трудъ, вновъ превождаше: и тако красота граматическаго художества и ясность сокровеннаго въ нихъ разума возсіяла. Многія же и не бывшыя на нашемъ языки преведъ, нынѣшнемъ и предбудущымъ родомъ ползу препославъ.

Сей приснопоминаемый блаженный нашъ отецъ Паісій подобенъ бяше преподобному отцу нашему Ан-

тонію Печерскому яко истинный правнукъ его, аще и по многихъ вѣцѣхъ возсія, обаче едина Малороссія обоихъ произрасти. Онъ изъ Святыя Горы посланъ бысть въ Россію просвѣтити ю́, и устроити монашеское истинное житіе: собравъ монаховъ, научивъ ихъ, сіяше во вся концы Россіи, и бысть первоначалникъ всѣхъ россійскихъ монахов. Сей же не отъинуду, но первѣе въ той же Святѣй Горѣ возблиста, возобновивъ обветшавшее монашеское общее житіе, и насадивъ въ немъ древо жизни треблаженное послушаніе, да имже праотецъ нашъ изгнанъ бысть Адамъ изъ рая чувственнаго; симъ правнуки его право ходящіи внидутъ въ Небесный рай, идѣже первоначалникъ послушанія Хрістосъ Господь вниде. Таже и соборъ собравъ вящше пятидесяти братій, съ нимже и приведе всѣхъ божественный промысл, въ сію православную и страннолюбивую землю Молдавію, идѣже благодатію Хрістовою совершенно утвердися въ монастири Драгомирнѣ. Собрашася ко святому Антонію отъ россійскихъ странъ множае ста братій. Собрашася и къ нашему блаженному отцу, отъ девяти странъ разныхъ языковъ множае пяти сотъ братій. Служаше преподобный Антоній болнымъ братіямъ. Служаше и нашъ святый отецъ болнымъ и здравымъ, и ястіе варяше и просфоры пекій; егда бѣ малъ соборъ и рукодѣліе дѣлаше; егда же Богъ умноживъ братію, тогда не имѣяше покоя отъ службы день и нощь, ниже предпочелъ безмолвіе свое паче пользы ближняго: обаче по отправленіи общихъ дѣлъ, егда затворяшеся въ келліи и безмолствоваше тако, яко ниже слышаше глаголющаго къ нему служащаго, и требующаго отвѣта на нѣкую нуждную потребу, якоже вышше предречеся.

Подобенъ бѣ блаженный отецъ нашъ во всемъ и древнымъ преподобнымъ отцемъ, и послѣжде бывшымъ: ученіемъ, окормленіемъ собора, подвигами ду-

ховными, трудами вышеестественными, премудростію и разумомъ божественнымъ, свѣтомъ и разсужденіемъ и прочіими дарованіи Божіими. Добродѣтелми же всѣми преукрашенъ бѣ внутренними и внѣшними, якоже и святіи древніи отцы. Лице его свѣтло аки Ангела Божія бяше, взоръ тихъ, слово смиренно и дерзости чужде, всѣхъ съ любовію привѣтствоваше, весь благости исполненъ, весь въ милости разліянъ, привлекаше всѣхъ къ себѣ, аки магнитъ камень привлекателнымъ своимъ естествомъ желѣзо; смиренія и кротости глубина, долготерпѣніе во всемъ, весь вбоженъ и облагодатьствованъ бяше великій сей мужъ, умъ его всегда соединенъ бѣ любовію со Богомъ, свидѣтель сему суть слезы. Егда бо бесѣдоваше о богословіи, то сердце его любовію растопляшеся, лице его цвѣтяше радостію, очеса его изливаху слезы утверждающе истину. Егда бо стояхомъ предъ нимъ, очеса наша не притупляхуся зрящая нань, но ненасытно зрѣти желающая, слухъ нашъ негодованіемъ не заслоняшеся ниже отягчавашеся бесѣдою его, зане сердце наше отъ радости забывая и себе бывашс, якоже прежде рѣхъ, зря на лице, а слухъ нашъ всегда близъ устъ его, якоже оныхъ Аѳінейскихъ философовъ. Егда бо видяху нѣкоего превосходяща премудростію, хотяща бесѣдовати къ нимъ, то очи всѣхъ и слухъ къ нему вперенъ имѣяху, хотяще нѣчто ново о премудрости ихъ услышати отъ него. Наши же паче вперенни очи къ нашему божественному любомудрцу, зане всегда слышахомъ отъ устъ его новая о таинствахъ духовныхъ или о нравоученіи богоносныхъ отецъ; малая же сія Исторіа, написанная отъ скудоумія моего, затемняетъ паче, а не описуетъ добродѣтели его: мужа премудрѣйша дѣло сіе подобало бы быти, но мню яко и той утрудился бы простираяся ко всѣмъ. Негли же и не возмоглъ бы, высоты ради житія его. Буди же нѣкто завистливымъ окомъ чтущъ о нѣмъ, поносилъ бы мнѣ, яко превзыдохъ мѣру похваляя стар-

ца моего, то я молю потерпѣти мало да услышавъ словеса всякія лжи кромѣ, зане отъ діавола есть всякая лжа, тогда и самъ не облѣнится похвалити мужа свята превышша похвали человѣческія, и речетъ: «Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ»; приложитъ же и сіе: «Блаженни очи ваши видѣвшіи его, и ушы слышавшіи словеса отъ устъ его». Видѣхъ трикрати на блаженномъ и ужасахся: единою въ Драгомирнѣ пріидохъ къ нему предъ вечернею, и хотѣхъ толкнути во дверь, да чрезъ служащаго возвѣщу, повелитъ ли внити къ себѣ; видѣвъ же дверь отверзсту внидохъ, и сотворивъ молитву внидохъ внутрь къ нему, видя же его лежаща поклонився и рекохъ: «Благослови отче»; онъ же не отвѣщавъ ничтоже, якоже обычай ему. Азъ стоя смотряхъ нань, и видѣхъ лице его аки огненно, ужаснувся, и мало постоявъ удивляяся, и паки вышшымъ гласомъ сотворь молитву, онъ же не отвѣщаваше; смотря же азъ на него удивляющся, яко никогда же видѣхъ таковаго лица его; онъ бо естествомъ бѣлъ и блѣдъ бяше лицемъ: уразумѣхъ, яко отъ молитвы разжизаемыя любовію сердце его произниче благодать и на лице его; постоявъ мало изыдохъ, и никомуже рѣхъ о семъ. Паки по временамъ многимъ дважды видѣхъ бесѣдующа съ нами лице его сіяющее, самъ же отъ духовныя радости склаблящся бесѣдоваше съ неизреченною любовію, отрыгая изъ себе словеса духовная, и аки вливая радость въ душы нашя; азъ же стоя и смотря нань зѣло удивляхся, и со страхомъ бесѣдовахъ къ нему. И ни единаго отъ братій бывшихъ тогда вопросихъ о семъ, ниже азъ рѣхъ кому, бояся да не, услышавъ послѣжде отъ кого, блаженный опечалится. Зѣло бо смиренномудръ бяше: похвалы же аки смрада нѣкоего удаляшеся, но всегда себе укоряше, и о всемъ случившемся въ соборѣ на себе вину возлагая глаголаше, яко грѣхъ ради моихъ сіе случися; аще же было бы что десныя страны, то молитвамъ собора приписоваше. И ели-

ко бѣгая удаляше себе отъ славы, гнушаяся ея аки смрада нѣкоего, толико во всѣхъ странахъ прославляше его Богъ. И имя его предъ всѣми честно бѣ и есть, бесѣда же о немъ виновна славы Божія, славяху и славятъ Бога, явившаго въ сія бѣдная и лютая времена угодника Своего истиннаго, и учителя непрелестнаго, просвѣтившаго и обновившаго монашеское общее житіе. Не неприлично же и святый Ісаакъ Сѵринъ рече, иже текій за честію — бѣжитъ отспреди его, а бѣгаяй отъ нея — поженется за нимъ и проповѣдница бываетъ всѣмъ человѣкомъ смиренія его[1]. И паки той же рече[2]: едва обрѣтается человѣкъ могій терпѣти честь, негли же и отнюдъ не обрѣтается. И сіе, отъ скораго подъятія измѣненія, якоже бы кто глаголалъ, ниже аще кто нравы равноангеленъ будетъ. Нашъ же столпъ смиренномудрія удобно терпяше славу, имѣя ю́ носяй безъ вреда, зане отъ юности своея убѣже отъ нея, хотящіи въ мірѣ пообладати имъ, ибо видя онъ многихъ великихъ лицъ плещущихъ руками о немъ, ожидая возраста его радующеся, и ожидающе наслѣдника престола отца своего быти ему, себѣ же пастиря и учителя. Но онъ ю́ оплевавъ, и на лице веліару лукавому со всѣмъ смрадомъ ея повергъ, убѣже, и во всей жизни своей невредимо отъ нея пребысть, имѣяй себе прахъ и пепелъ подъ ногами всѣхъ и должника братій; никогдаже возмечтався о высотѣ своей, но надежду спасенія своего имѣяй на молитвы братій. Сего ради и Богъ его превознесе: прославивъ его въ жизни сей, и будущей съ преподобными отцы прославитъ, несумнѣнно вѣруемъ. Не лишенъ же бѣ и проувидѣнія дара: и о нихже прорече, собышася. Единому великому лицу провидѣ смерть лютую, тако и бысть. О единомъ воздыхавъ и плакавъ и увѣщавъ, и въ третій день утопе.

---

[1] Пометка на полях: Слово 57.

[2] Пометка на полях: Слово 30.

Единаго же увѣщававъ, бывшу и мнѣ въ келліи, на конецъ рече: «Не увидишь, брате, мѣста онаго камо хощеши ити»; и въ седмицу умре, о немже блаженный зѣло плакаше. Чтоже можемъ рещи и о семъ, яко сѣдящу блаженному въ келліи, иногда же внѣ куди кромѣ церкве ходящу, знати устроеніе всѣхъ братій, ихже никогдаже видитъ. Единою бывшу мнѣ въ келліи его, и бесѣдѣ бывшей, пріиде единъ отъ первѣйшихъ духовниковъ и рече нѣчто къ нему, онъ же глагола: «Како вамъ не знати устроеніе братій, къ вамъ на всякъ день приходящихъ помысли исповѣдовати? Азъ въ келліи сѣдя всѣхъ братій устроеніе знаю, а вамъ не знати». Откуду знаеши, о блаженнѣйшій отче! Аще не бы Духъ Святый, вселшійся въ чистое твое сердце, открывалъ тебѣ. И иная многая, яже оставляю долготы бѣгая. О чудесахъ и исцѣленіяхъ не нуждно и писати: занеже не отъ чудесъ познавается святость мужей воистинну святыхъ, яко суть святи и непорочни предъ Богомъ, но отъ истинныя православныя вѣры догматовъ, и непорочнаго житія. Ибо многіи еретицы сотвориша чудеса, о нихже Господь рече[1]: «*Мнози рекутъ Ми во онъ день: Господи, не въ Твое ли имя* крестихомся, *и не Твоимъ ли именемъ силы многи сотворихомъ?*» И речетъ Судія: «Аминь, глаголю вамъ, не вѣмъ васъ, отъидите отъ Мене дѣлатели беззаконія». И къ богатому отвѣтъ отъ Господа, вопросившу, како вниду въ животъ, рече: «Сохрани заповѣди». И паки: «*Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга*[2]; *якоже возлюбихъ вы, да и вы любите* другъ друга. *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*»[3]. И святый Златоустъ учитъ: не подобаетъ православна мужа отъ знаменій и пророчествъ искушати яко

---

[1] Пометка на полях: Мф. 7, 22–23.

[2] Пометка на полях: Ин. 13, 34.

[3] Пометка на полях: 35. Имеется в виду: Ин. 13, 35.

святъ есть, но отъ благаго житія его. Якоже рече Господь: *отъ* плодовъ *ихъ познаете ихъ*. Плоди же истиннаго мужа духовнаго показа Апостолъ глаголя: «*Плодъ духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе, на таковыхъ нѣсть закона*». Аще убо таковая плоды стяжетъ человѣкъ, и творитъ знаменія, или не творитъ, явленъ таковый яко святъ, и другъ Божій есть. Сотвори же чудеса многа блаженный нашъ отецъ, а понеже онъ о томъ и слышати не хотяше, но все приписиваше Пречистѣй Богоматери и молитвамъ собора братій, сего ради и азъ оставихъ волею, да не буду противенъ ему, хотя и вѣдый многая прежде смерти и по смерти бывшая чудеса. Имѣяше блаженный отецъ нашъ Паісій въ соборѣ своемъ братію успѣяніемъ различныхъ чиновъ, что и пишу отъ саморучнаго его посланія писаннаго къ первому другу своему іерею Дімитрію въ Полтаву, въ 1767 лѣта изъ Драгомирны, просившему блаженнаго посланіемъ написати ему о всѣхъ чинѣхъ монашескаго житія, и о своемъ пребываніи со братіею. Блаженный же добрѣйше и якоже подобаетъ описавъ чинъ безмолвія отшелническаго и вся яже въ немъ, чинъ царскаго пути, и общежителный, и истолковавъ отъ ученія преподобныхъ отецъ нашихъ зѣло ясно. Таже приложи о себѣ и о соборѣ братій, въ каковомъ устроеніи бяху во время оно братія, и каковое успѣяніе имѣяху въ Драгомирнѣ, сице написа: «И аще и не во единой суть мѣрѣ вси въ нашемъ общежителствѣ, сіе бо ниже есть возможно. Овіи бо отъ братій иже суть и множайшіи, до конца уже волю свою и разсужденіе умертвиша, во всемъ мнѣ же и братіи повинующеся, и аки Самому Господеви братіи въ страсѣ Божіи и смиреніи мнозѣ послушаніе приносяще, претерпѣвающе безчестіе, поруганіе, укоризну, и всякій видъ искушенія съ толикою радостію, якоже бы кто сподобился велія Божія благодати, и сего всегда желающе,

всегда и непрестанно себе предъ Богомъ втайнѣ сердца своего укоряюще и имуще себе подъ всѣми и послѣднѣйша всѣхъ. Овіи же суть паки не маліи числомъ, падающе и востающе, согрѣшающе и кающеся, претерпѣвающе укоризну и искушеніе, аще и со трудомъ, обаче нудящеся вседушнѣ первыхъ постигнути и о семъ усерднѣ Бога моляще со слезами. Овіи же суть не многіи числомъ, слабіи и немочніи, аки младенцы немогуще еще пищи твердыя приняти, сирѣчь, укоризны и искушенія претерпѣвати, требующіи еще млекомъ милости, человѣколюбія и снисхожденія немощемъ ихъ воспитоватися, дондеже въ духовный терпѣнія пріидутъ возрастъ, единымъ благимъ произволеніемъ и всегдашнымъ самоукореніемъ скудость свою исполняюще. Многажды же, и выше силы своея нудящеся претерпѣвати безчестіе, и волю свою оставляти съ кровію: то есть трудъ велій о семъ аки кровь предъ Богомъ изливающе, и со слезами о еже помощи имъ Бога моляще. И таковіи же, аще и немощнѣйшіи суть, обаче аки нужницы Царствія Небеснаго вмѣнятся предъ Богомъ. Таковіи же вси, аще и не во единой якоже речеся суть мѣрѣ, обаче обще вси нудятся Божія и святыхъ отецъ хранити заповѣди. Нерѣшимымъ союзомъ любве Божія связани суще другъ со другомъ, и любве ради Божія и спасенія своего претерпѣваютъ всегдашнюю скудость тѣлесныхъ потребъ съ великодушіемъ и всегдашнымъ къ Богу благодареніемъ, на единаго Бога якоже спасенія своего, тако и въ тѣлесныхъ къ состоянію житія нуждныхъ потребныхъ окормленія возлагающе надежду. Нынѣшнее же наше житіе отъ онаго, якоже Ветхій Завѣтъ отъ Новаго отстоитъ».

Се, братія возлюбленная, обѣтъ мой, иже не видѣша ангеловиднаго лица святаго отца нашего, егоже въ предисловіи моемъ вамъ обѣщавъ, описаніемъ святаго житія его исполнихъ: въ немже изшествіе его изъ міра,

странствія, бѣдствія, сожитіе со братіями, труды и подвиги вышеестественныя, духовныя же никтоже можетъ описати, ниже вѣдѣти бывшая нань изліянія божественныя благодати и просвѣщенія, еже и на лице изъ сердца его происхождаше, и аки піяній отъ духовныя радости, любовію къ намъ разливашеся. Сія единъ точію Богъ, и онъ въ себѣ видяше, закрывся аки завѣсою глубочайшимъ своимъ смиренномудріемъ.

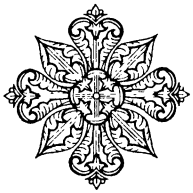
Нынѣже ко блаженной кончинѣ его гряду: пребывая божественный нашъ отецъ въ деннонощныхъ трудѣхъ и подвизѣхъ, приближився долгъ неминуемый разрѣшенія души отъ тѣла, и якоже мню, прежде многихъ дней пріявъ извѣщеніе отъ Господа о своей кончинѣ, зане оставивъ уже преводъ книгъ. Вопросихъ бо я его нѣкогда: «Что вы, отче, преводите?» Онъ же рече: «Не превожу ничтоже, но прочитиваю книги и поправляю, аще нѣчто случится требующее поправки». Повелѣвъ же мнѣ нѣкое послушаніе сотворити. Азъ же сотворивъ, принесохъ къ нему октомвріа въ 25-й день, и случися тогда никомуже приходити. Пребывъ азъ съ блаженнымъ яко полтора часа или два, бесѣдуя, зане видѣхъ его тогда отмѣнно радующася; на конецъ предложивъ ему четыри вопросы богословскія высокія, и просивъ рѣшенія отъ него. Ибо многое время искавъ случая и не обрѣтахъ. Онъ же радуяся, охотно и добрѣйше на вся мною требуемая рѣшеніе содѣлавъ и истолковавъ; тогда азъ прославихъ Бога, удостоившаго мя искомое получити, благодаривъ же и ему, и не хотя уже болѣе утрудити его, рѣхъ къ нему: «Благословѣте, отче, отъити мнѣ» — и сотворь молитву поклонихся ему до земли, глаголя: «Простите мя, отче святый, и благословѣте». Онъ же простеръ святую свою десницу съ согбенными персты, іерейскимъ благословеніемъ благословляя мя и глаголя: «Богъ да благословитъ тебе и проститъ». Азъ же лоби-

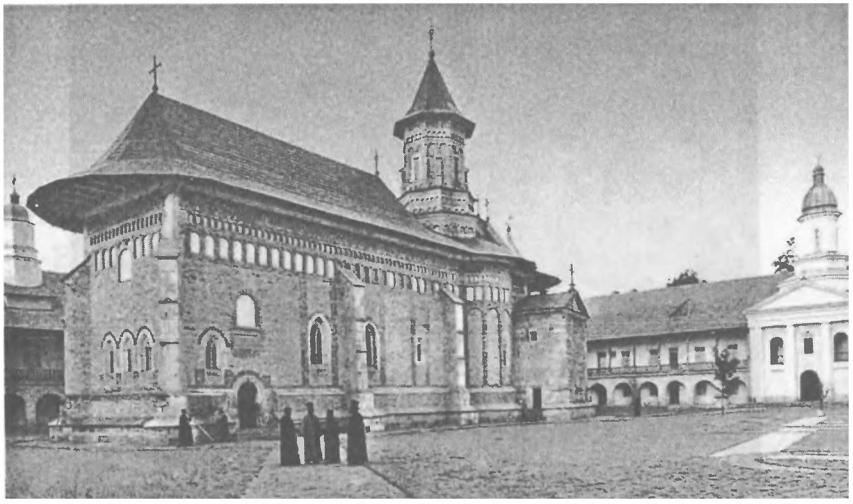
завъ святую десницу его и нозѣ, изшедъ радуяся и славя Бога. Сіе же бысть въ среду. И по изшествіи моемъ, заключивъ служащій братъ дверь, и никогоже остави внити къ нему, во вторый же день и заболѣвъ; тогда и паче не оставляше никомуже стужати, да не возболѣзнуетъ множае. Болѣвъ же три дни, въ недѣлю аки легчае бысть ему: восхотѣвъ вислушати Божественную Літургію; вшедъ въ церковь сѣдяше. По совершеніи же едва возможе пріити въ келлію, служащему ведущу его и поддержующу; и оттолѣ возболѣвъ множае, и никогоже попущахъ къ нему: желаше бо въ безмолвіи скончатися блаженный. Аще же бы свободно оставили входити къ нему братій, то безвременно уморили бы его слезами своими и стуженіемъ. Приближившейся же кончинѣ, причастися Божественныхъ Таинъ, и призвавъ двоихъ духовниковъ, чрезъ ихъ миръ и благословеніе всѣмъ братіямъ давъ, скончася аки уснувъ, предавъ душу свою въ руцѣ Божіи. Оставивъ собору избрати себѣ Старца и Пастиря егоже разсудятъ соборомъ. О души смиренномудры и кротки, о мужа разсужденія божественнаго исполненна! О философа духовнаго, превышша всѣхъ премудрѣйшихъ міра сего! Еже бо во всей жизни своей любомудрствовавъ, имѣя себе подъ всѣми человѣки, и раба братіи и должника, невѣжду и бездерзновенна, тако и при кончинѣ своей сотворивъ, недерзновенъ опредѣляти ничтоже. Но яко долгъ своея службы исполнивъ, отъиде съ миромъ ко Господу, оставивъ промыслу Божественному избирати и опредѣляти. Егда же произыде слухъ о преставленіи блаженнаго, стекошася множество монаховъ и мірскихъ священниковъ, и простыхъ человѣковъ, и бысть плачь общій всѣмъ, нашъ и овыхъ, и погребохомъ честно въ церкви.

Сія тебѣ, о священнѣйшій отче и учителю нашъ, отъ недостойнаго раба и ученика твоего схимонаха Митро-

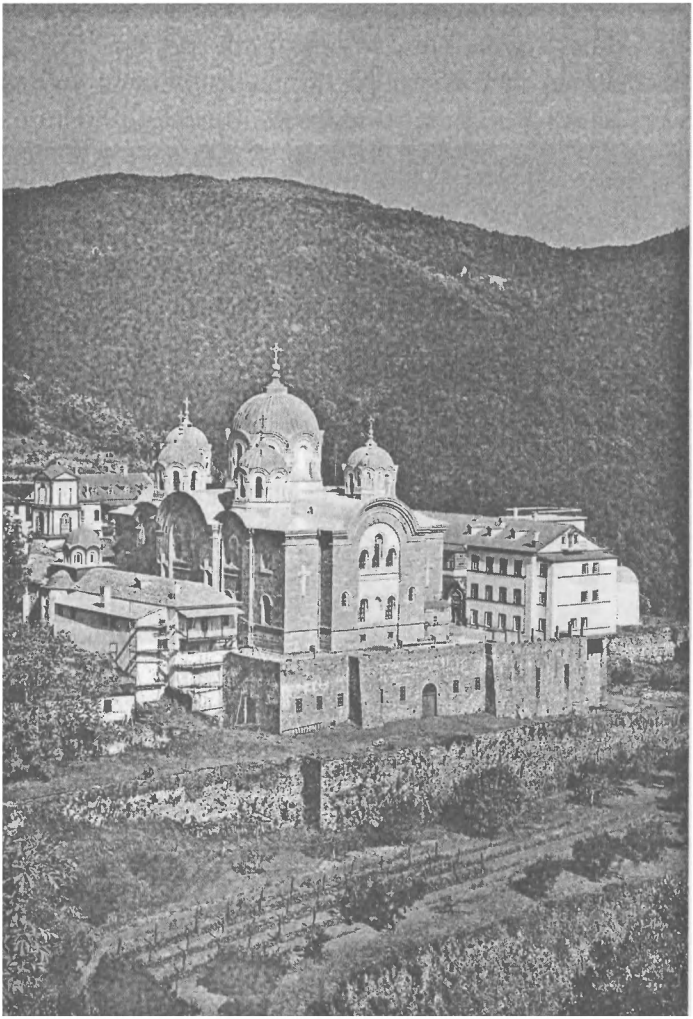
фана приносимая похвала, аще и не требуеши сихъ, зане отъ Господа предъ Ангелы прославленъ еси. Но азъ долгъ мой, отъ собора опредѣленъ бывъ, принесохъ тебѣ: пріими яко отецъ чадолюбивый, и прости невѣдѣнію моему, и не престани моляся о чадѣхъ твоихъ, да сподобитъ Преблагій Владыка твоими святыми молитвами всѣхъ насъ обрѣсти у Него на судѣ милость, и сподобитися наслѣдники быти Царствія Его, Емуже подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со Безначалнымъ Его Отцемъ, и Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Его Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Преставися блаженный отецъ нашъ 1794 года, Ноемврія 15-го.

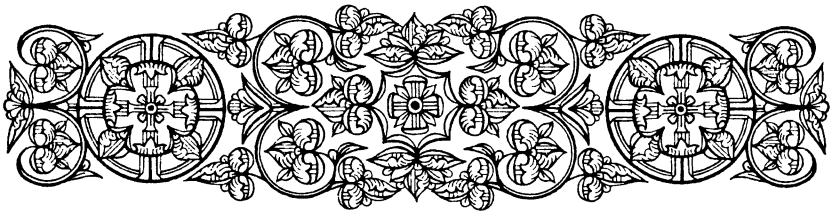




Ново-Нямецкий монастырь



Скит Святого пророка Илии на Горе Афон



Содержание

От издательства 3

А.-Е. Тахиаос. Предисловие к первому изданию автобиографии и пространного жития преподобного Паисия Величковского 6

Автобиография преподобного Паисия 12

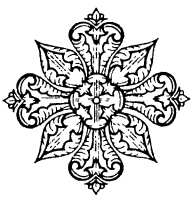
Житие, составленное монахом Митрофаном 21

Язык текстов 36

Автобиография преподобного Паисия Величковского 39

Житие преподобного Паисия Величковского, составленное схимонахом Митрофаном 105

Повесть о матери его, что случися ей по отшествіи его отъ нея 121



Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Лицензия № 06118 от 23.10.01 г. Формат 60x90/16
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Заказ № 396
Отпечатано в типографии Патриаршего издательско-полиграфического центра, г. Сергиев Посад